

Олаф Бьорн Локнит Мятеж четырех

Серия «Полуночная гроза», книга 2

Текст предоставлен автором

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=134493

Конан и мятеж четырех: Северо-Запад; СПб.; 1999

ISBN 5-87365-056-X

Аннотация

Вернувшись в Аквилонию, после длительного приключения, Конан узнаёт, что на его троне сидит неизвестный самозванец, как две капли воды похожий на самого варвара. Вдобавок к этому, неизвестные заговорщики, заручившись поддержкой самого Тот-Амона, намерены захватить трон Аквилонии. Прикинувшись двойником, Конан вступает в заговор, дабы сместить настоящего двойника.

Содержание

ПРЕДВАРЕНИЕ	4
Глава первая	9
Глава вторая	51
Глава третья	99
Глава четвертая	151
Глава пятая	201
Конец ознакомительного фрагмента.	222

Олаф Бьорн Локнит

Мятеж четырех

ПРЕДВАРЕНИЕ

Отрывок из рукописи, условно именуемой «Знак Феникса» и приписываемой сочинителю Гаю Петрониусу Тарантийскому (приблизительные годы жизни – 1265–1325). Подлинник рукописи является частной собственностью и находится во владении герцога Вестри Эрде, Немедия.

«...И в коварстве своем злоумышленники полагали, что лучшим исходом их темных замыслов станет убийство правящего монарха. На трон же Аквилонии они собирались посадить своего ставленника – человека с безвольной душой и скудного разумом, способного лишь повторять речи своих более умных „друзей“ да быть безмерно благодарным за вознесение из безвестности на трон прекраснейшего из государств Заката. Вряд ли ему было суждено долгое царствование – правитель-марионетка потребен лишь до тех пор, пока нити управления страной не окажутся в нужных руках. Затем нового короля, скорее всего, ждал несчастный случай на охоте или подброшенный неизвестным злодеем яд. Дворян-

ство и плебс не успели бы опомниться от подобной чехарды на троне, а корона Аквилонии уже возлежала бы на другой голове...

Их было пятеро (хотя позже заговор получил название «Мятежа Четырех») и о каждом стоит поведать в отдельности.

Аксалант, герцог области Тьерри или Туне, находящейся в полуденной части Боссонии, был, пожалуй, наиболее опасным из всех. Боги наделили его острым умом, непомерным честолюбием и способностью заражать своей убежденностью других людей. Этот человек был лишним при дворе Нумедидеса, ибо более всего стареющий безумный король страшился людей, выделявшихся среди льстивой толпы придворных. Однако при новом правителе герцог Аксалант тоже не стал желанным гостем во дворце, не захотев (или не сумев) примириться с тем, что Трон Дракона отныне принадлежит человеку в прямом смысле этого слова безродному, не дворянину и даже не аквилонцу.

Это было прекрасно заметно всем, в том числе и королю, а потому герцогу Тьерри было предложено покинуть дворец и столицу. Он так и поступил, уехав в свои владения, и вроде бы ничем не выдал своего негодования или разочарования. Видимо, с той поры он и затаил в сердце ненависть к правителю-варвару, решив любыми средствами добиться его падения и смерти.

Вторым стал Громал из Лакруа, уроженец Боссонии, на-

чавший свою карьеру с гвардейца пограничной заставы возле Пиктских Пуц и дослужившийся до центуриона Черных Драконов – отряда личной королевской стражи. Громал принадлежал к числу тех людей, чья верность не покупается и не продается, а служба оканчивается лишь со смертью. Он не задавался вопросом, плох или хорош Нумедидес, он следовал однажды данной клятве. И, разумеется, он почел себя несправедливо обойденным, когда его должность перешла к другому, пришедшему вместе с новым королем. Громала не удаляли из столицы, не лишали звания – просто со сменной власти менялись и люди, а невеликого разума бывшего центуриона не доставало, чтобы осознать и принять эту простую мысль. Он решил, что за верную службу предыдущим монархам попал в опалу и, как водится между столь простыми и целеустремленными натурами, решил мстить.

Для заговорщиков Громал стал ценнейшей находкой – он ведь по-прежнему нес службу во дворце, знал все помещения и распорядки, и, что важнее всего – был на хорошем счету. Кто знает, если бы не завладевшая им мысль о мести за несуществующую обиду, судьба капитана Черных Драконов Громала, может, сложилась бы совсем по-иному...

В отличие от Аксаланта и Громала, третий заговорщик, Волмана из Карабана, более известный как Волмана-Карлик, вряд ли имел какие-либо претензии лично к новому королю. Волмана рвался к власти – власти любой ценой – и даже не стремился скрывать своих устремлений. Постоянно

опасавшийся всего Нумедидес без долгих размышлений выставил его из столицы. Его преемник, хотя был во всем полнейшей противоположностью предшественнику, вскоре совершил то же самое, предпочтя временно удалить Волману от двора во избежание неприятностей.

Что же до четвертого в сем комплоте, менестреля Ринальдо, то, как и всякий поэт, он был безумен и частенько не понимал, что творит. Он приветствовал восхождение Нумедидеса и славил его, пока золото из королевской казны исправно переправлялось в карманы стихотворца. Стоило этому благодатному потоку иссякнуть – и Ринальдо тут же начал слагать баллады о занявшем престол сумасшедшем тиране и призывать к его свержению. Что и случилось, однако причины смещения правителей были куда глубже, нежели казалось одержимому своими безрассудными фантазиями поэту.

Новый король Аквилонии, как вскоре выяснилось, имел свой собственный взгляд на вещи и не собирался содержать в замке свору нахлебников. Возмущенный до глубины души Ринальдо немедленно поименовал короля «жестоким и непросвещенным деспотом», о чем кричал по всем питейным заведениям Тарантии. Не удивительно, что в скором времени Ринальдо без труда отыскал себе покровителя, коим владели такие же темные мысли, и примкнул к заговорщикам.

Стараниями этих четверых человек был заложен фундамент заговора против короны Аквилонии. Пятый, герцог

Дион, как уже было сказано, служил лишь бессловесной марионеткой, коей во избежание волнений и неурядиц надлежало на краткое время занять трон. Ведь он был последним из прямых родственников покойного короля Нумедидеса и, следовательно, настоящим потомком Эпимитриуса. Впрочем, таковым с полным основанием мог считать себя и Аксалант, и таковое обстоятельство наверняка сыграло бы в дальнейшем свою зловещую роль.

Заговорщики вывели и рассчитали свой план до мелочей. В одну из ночей Громал должен был удалить с караульных постов тех гвардейцев, что были преданы королю, и заменить их своими людьми. После чего заговорщики получали возможность беспрепятственно проникнуть в замок, миновать жилые помещения и попасть в личные покои короля. Последующим же событиям предстояло развиваться так, как это уже не раз происходило в подобных случаях.

Однако Четверо не учли немаловажного обстоятельства – их противник отнюдь не собирался кротко и бессловесно смириться с отведенной ему участью. Он был воспитан по иным, куда более жестоким законам, и ему уже не раз приходилось с мечом в руках отстаивать свое право на жизнь...»

Глава первая

РИНГА, второй рассказ

Аквилония, королевский дворец в Тарантии.

1 день третьей осенней луны, 1288 г. Утро и далее.

«...Внезапно полученные от государя Пограничного королевства известия заставили правителя Аквилонии отправиться в это далекое полуночное государство, в надежде, что появится возможность до конца раскрыть тайну внезапного появления и столь же внезапного исчезновения зеленого подземного огня. Столица осталась на попечении герцога Пуантена Просперо и канцлера Публио Форсезы.

В это же время в Тарантию тайно прибыл confident Трона Дракона, имевший поручение в точности вызнать положение дел в Аквилонии, а также принять меры по защите жизни правителя этой страны. Ибо Немедии были вовсе ни к чему кровопролитные раздоры в соседнем государстве и небезызвестный Вертрауэн предпочел бы видеть короля Аквилонии живым, а не мертвым...»

Из «Синей или Незаконной Хроники» Аквилонского королевства

В иное время путешествие из Ианты в Тарантию могло бы стать очень приятным. Но я отправилась в путь, не посоветовавшись с астрологом (впрочем, я все равно ни на сикль не верю этой высокоученой братии) и держу на уме только необходимость как можно скорее добраться до Аквилонии. За что и поплатилась. И за собственную леность тоже – стоило чуть больше обращать внимания на слухи, гулявшие по столице блистательного Офира.

Дорога, на которую я отвела самое большее пять дней, заняла у меня целую седмицу и вымотала так, будто я по глупости отправилась пешком на другой конец света.

Мои неприятности начались уже на рубежах Офира и Аквилонии. Акола, пограничная крепость, была переполнена беженцами с заката, а служащие пограничного департамента носились по уши в мыле, пытаясь сообразить, как им проверить подорожные у такого количества народу. Вдобавок, большая часть проезжающих сорвалась с места в крайней спешке, и, разумеется, не озаботилась выправкой необходимых документов. Когда убегаешь, очень трудно помнить о всех этих бумажках.

Кто процветал в Аколе в это время – так это содержатели постоялых дворов и торговцы выючными да ездовыми животными.

Наконец, канцелярские крысы поступили так же, как поступают в подобных случаях все чиновники мира. Они закрыли границу «до выяснения сопутствующих обстоя-

тельств и особого решения государственных властей». В городе немедленно поднялась паника, грозившая перерасти в бунт.

Я все же сделала попытку нахально проскочить на другую сторону, но меня задержали. Поняв, что официального разрешения пересечь границу я могу прождать хоть до самой зимы и наслушавшись пугающих рассказов о неведомой полуночной угрозе, я решила, что мир не рухнет от маленького нарушения законов. Моя колесница миновала невидимую черту, разделяющую владения двух государств, в полутора лигах от Аколы, на всем скаку пролетев мимо заставы изумленной пограничной стражи. Я слегка пуганула этих вояк, чтобы они не вздумали меня останавливать, а уж тем более – устраивать погоню. Нет, я люблю острые ощущения, но сейчас мне было некогда.

Миновав границу, я выбралась на широкий тракт, ведущий к Шамару. Там меня ожидало новое разочарование – дорога оказалась плотно забитой повозками и всадниками. Частью люди возвращались по домам, частью пытались выбраться из страны. Столь противоречивые действия объяснялись прошедшим слухом об очередном вмешательстве богов в людские дела и избавлении мира от непонятной подземной угрозы. В божественное провидение мне как-то не верилось, и я предположила, что в Аквилонии действительно случилось нечто из ряда вон выходящее и сгубившее источник неведомого зеленого пламени.

Вскоре я услышала и многократно повторенное название «Ивелин». Такое имя носил небольшой городок во владениях герцогства Танасульского, полностью разрушенный во время разрыва земной тверди. Видимо, зеленое пламя выбрало неподходящее место, чтобы в очередной раз извергнуться на погибель людскому роду. То ли разрушение почвы вызвало извержение спящего до поры вулкана, то ли подземный огонь сам себя залил водой из близлежащего озера... Большинство рассказчиков, разумеется, валило все случившееся на богов. Однако я уже многократно убеждалась, что Высшие Силы не слишком озабочены творящимся на подвластной им земле. Значит, оставалось только проявление не слишком известных нам сил природы... или дело рук людских. Люди вполне способны порой натворить такое, что богам и в страшных снах не снилось.

Таинственные заговорщики, заставившие меня сорваться с места, тоже поминали городок Ивелин и утверждали, будто к его гибели имеет прямое или косвенное отношение не кто иной, как правитель страны. Не знаю, не знаю... В своей одержимости они вполне могут приписать не приглянувшемуся им королю Аквилонии еще и не такие грехи. Может, он и в самом деле был там... Неплохо зная характер Конана, я могу с веским на то основанием утверждать, что киммериец не стал бы отсиживаться в столице, если его владениям угрожала подобная нешуточная опасность. Разумеется, киммериец помчался бы на место происшествия, дабы самолич-

но убедиться, что именно произошло. А если у него появился хоть малейший шанс как-то вмешаться, он даже бы не задумался, а начал действовать.

Впрочем, зачем гадать? Доберусь до столицы и сама все узнаю.

Спустя три дня после выезда из Ианты я пересекла Тайбор и влетела в Шамар. Моя бедная измученная четверка лошадей еле держалась на ногах, а мне еще требовалось разыскать постоянный двор, принадлежащий служащему Немедии человеку. Там я смогу немного выспаться, поменять лошадей на свежих и продолжу путь.

Я слишком рано понадеялась, что мои дорожные неурядицы закончились. За Шамаром стало еще хуже. Осень уже добралась до этих пределов Аквилонии, и дожди старательно размывали тракты, превращая их в длинные грязные проселки. Беженцев здесь оказалось не меньше. Несколько раз мне приходилось сворачивать и искать обходные дороги, либо же гнать лошадей напрямик через убранные поля. Колесница намертво увязала в размокшей земле, кони выбивались из сил, а я начинала медленно впадать в бешенство. Спрашивается, чего ради я несусь через всю страну? Неужели треклятый варвар не в состоянии сам разобраться со своими заговорщиками или кто они там? А если не может – нечего было сворачивать шею Нумедидесу и лезть на освободившийся трон! Шлялся бы себе и дальше по миру! Дайте мне только добраться до Тарантии, а там я все ему выскажу!

На утро восьмого дня моего затянувшегося путешествия сквозь пелену морозящего дождя проглянули высокие башни на стенах вокруг столицы Аквилонии. Обрадованные лошади рванули резвее, а я сделала настоящую глупость, не придержав их. Колесница неудержимо заскользила по слою жидкой грязи к обочине дороги, а спустя еще миг раздался громкий хруст ломающегося дерева и паническое конское ржание. Тяжелая четырехколесная повозка на какое-то краткое время зависла на склоне, а затем рухнула на бок, увлекая за собой бьющихся лошадей. Я еле успела выпрыгнуть, поскользнулась и замечательно растянулась в раскисшей глине, вымазавшись по уши.

Добро пожаловать в Аквилонию, Ищейка!..

Дышло колесницы сломалось, одно из колес укатилось, часть моих вещей разлетелась, но лошади, к счастью, не пострадали. Я стояла на обочине под мелким дождиком и не знала, смеяться мне или для разнообразия порыдать над своей невезучестью. Лишиться повозки под самыми стенами города!

Однако ехать-то надо.

Пришлось спускаться вниз, разрезать уцелевшие постромки, вытаскивать на дорогу заупрямившихся и испуганных лошадей, а потом снова лезть вниз и собирать рассыпавшееся и немедленно перепачкавшееся барахло. Я мельком пожалела, что в моих запасах не оказалось седла, потом выбрала наиболее крепко выглядевшего конька и принялась

сооружать уздечку и какое-то подобие сбруи. Как ни жаль, но остальных лошадей придется бросить. Вести их за собой в город мне некогда. Ничего, вокруг Тарантии полно деревень, а их обитатели наверняка не позволят бедным животным долго бродить беспризорными.

Свернутый в несколько раз и привязанный обрывками ремней плащ, конечно, лишь отдаленно напоминал седло, однако меня уже не волновало, насколько нелепо я выгляжу. Вся равно я насквозь промокла, извозилась в липкой грязи, в сапогах что-то противно хлюпало, и мне очень хотелось кого-нибудь прикончить. Прямо здесь и сейчас. Для обретения душевного равновесия.

Стража у городских ворот уставилась на меня со смесью легкого недоумения и откровенного презрения. Моя подмокшая подорожная изучалась старшим охранником с таким вниманием, будто это был подлинный документ времен Ахеронта. Наконец, после долгого и не совсем вразумительного выяснения, кто я и что мне тут понадобилось, стражники приказали уплатить пять золотых и пропустили, презрительно свистнув вслед. Похоже, сегодняшним хмурым утром я оказалась единственным человеком, прибывшим в столицу через эти ворота.

Я ехала по широкой пустынной улице и размышляла. Занудный дождь прекратился, и это было единственным, что радовало мою измотанную душу.

Требовалось придумать, как мне поступить. Будь у меня

время, я бы обставила все так, как полагается – разыскала человека, который меня приютит или поможет разыскать подходящее жилье, расскажет о дворцовых и государственных делах, сообщит, на кого можно положиться, а на кого нельзя... Да только, как назло, нет у меня лишнего времени. Я обязана немедленно начинать действовать.

Можно, конечно, поехать во дворец и прямо попросить встречи с королем. Если стража не прогонит меня тут же, как увидит, то я найду способ заставить их меня выслушать. Но весь вопрос в том, стоит ли это делать? Что может дать разговор с Конаном, кроме общих давних воспоминаний да расспросов о нашем нынешнем житье-бытье? Киммериец еще во время нашего краткого знакомства прекрасно усвоил, что мне доверять не стоит. Даже если я расскажу о возможном заговоре, он просто примет это к сведению и все. Я не получу взамен ничего, ни единого словечка.

Значит, разговор с Его величеством королем Аквилонии пока откладывается. Однако проникнуть во дворец необходимо. Возможно, пожив там десяток-другой дней, я разберусь, что к чему. А главное – находясь во дворце, я смогу присмотреть, чтобы ничего не случилось...

Остается самая малость – попасть в Тарантийский замок. Я перебрала все имевшиеся возможности. При Нумедесе Пятый департамент держал в столице Аквилонии целую армию лазутчиков и всю пользовался услугами людей, недовольных старым королем. После смены власти мы поте-

ряли большинство сочувствующих нам горожан, а новая сеть осведомителей еще не создана. Как ни досадно, придется использовать единственный оставшийся в моем распоряжении способ. А значит – снова разыгрывать представление, чтобы не навлечь подозрение на человека, к которому я собираюсь навестись.

Что-то у меня сегодня не подходящее настроение для лицедейства.

На улицах начали появляться редкие прохожие и первые торговцы. На меня никто не обращал внимания, чему я только порадовалась.

Тарантия не слишком изменилась с тех времен, когда я побывала здесь в последний раз. А случилось это года три назад... Все тот же огромный величественный город, раскинувшийся по обеим берегам неторопливо бегущей на полдень реки, те же изъеденные временем каменные львы на углах улиц, тот же постепенно нарастающий невнятный гул – голос большого города... Я люблю города с их скоплением людей. Когда судьба забрасывает меня в какие-нибудь дремучие леса или малонаселенные местности, я начинаю шархаться от каждой тени и становлюсь не в меру подозрительна. Многотысячный город же – самое подходящее для меня место.

В конце улицы замаячили остроконечные крыши на подъездных башнях дворца. Сюда, к внушительного вида трехэтажному зданию из серого и темно-красного камня, я и при-

ехала. Приунывший конек процокал по булыжникам небольшой площади, затем по мокрым доскам подъемного моста, переброшенного через отведенный из реки канал, и остановился перед массивными открытыми воротами. Над въездом в королевский дворец скалилась привычная львиная голова, под ней мокрой пестрой тряпкой свисало знамя страны.

Гостеприимно распахнутые настежь створки еще ничего не означали. За ними тянулся длинный, освещенный тускло горевшими в сыром воздухе факелами, внутренний проезд. И примерно на полпути его перегораживала кованая тройная решетка. Которая, разумеется, была опущена, а маленькая калитка в ней заперта на внушительно выглядывший засов.

Хвала богам, мне не пришлось надрываться и звать стражу. Стоило мне натянуть поводья и остановиться возле решетки, как до меня сразу же донеслось:

– Кто, по какому делу, по чьему вызову?

«Госпожа Ринга, графиня Эрде, тайная служба Немедии, по вопросу устроению заговора и покушения на вашего короля», – едва не брякнула я, но вовремя прикусила язык. Вряд ли эти серьезные молодые люди в черной форме дворцовой стражи расположены пошутить. Кроме того, простой стражник вряд ли знает о существовании нашей тайной службы, в просторечии именуемой «Вертрауэном», по названию одного из бельверусских дворов, где и расположилось это незаметное, но такое необходимое государству учреждение.

– Гонец к графине Аттиос из ее поместья с письмом от управителя, – отчеканила я. Кажется, никому из стоявших по ту сторону решетки не пришло в голову, что перед ними не мальчишка, а женщина. Впрочем, трудновато в полумраке определить пол закутанного в промокший дорожный плащ человека. А голос у меня всегда был похож на мальчишеский.

– Подтверждение есть? – осведомился старший караула.

– А как же, – я порылась по карманам, вытащила маленькое колечко с красным камешком и просунула его через переплетения решетки. – Велено передать Ее светлости.

– Жди, – донеслось до меня.

Ну что ж, подожду. Раз я гонец, то мне возражать не положено. Надеюсь, у графини достаточно влияния, чтобы по ее приказу меня пропустили во дворец... И что Ее светлость не забыла об условленном знаке. Чего доброго, еще испугается и заявит, что знать не желает никаких гонцов или отправит меня в город. Тогда придется срочно выискивать другой способ проникновения.

Ждать мне пришлось долго. К тому времени я успела окончательно замерзнуть и обнаружила, что ужасно хочу есть.

Наконец один из стражников, ушедший неизвестно куда с моим колечком, вернулся и махнул рукой: «Пропускайте!»

Хорошо смазанный засов беззвучно отодвинулся, калитка распахнулась и я въехала в коронный замок Аквилонии.

* * *

– Мда-а, – только и сказала графиня Аттиос, когда меня по бесконечным коридорам и лестницам провели в ее уютные покои.

Добавить к сему краткому, но выразительному междометию было нечего. Я даже не рискнула войти в комнату – с моего плаща текли потоки грязной воды, а топтаться измазанными глиной сапогами по пушистым коврам... Меня слишком хорошо воспитывали, и я ценю красивые вещи. Если я пройду по ковру – его можно смело выбрасывать.

– Здравствуй, Эви, – нарушила я затянувшее неловкое молчание. – Приютишь или мне разворачиваться и отправляться искать гостиницу?

– Я так и знала, что кто-нибудь из вас непременно объявится, – горестно вздохнула Эвисанда. – Ладно, оставайся, не гнать же тебя... – она потянулась за колокольчиком, а вбежавшей на звон служанке приказала:

– Бассейн, чистую одежду и комнату для моей гостьи.

– Еще поесть, – добавила я. – Много. Принесите прямо к бассейну.

Служанка бросила на меня донельзя удивленный взгляд, поклонилась и убежала выполнять приказания.

– Что за солдафонские замашки, – вполголоса пробормотала Эви.

– Поболтаешься по миру с мое, тогда посмотрим, какие будут манеры у тебя, – беззлобно огрызнулась я, выходя следом за служанкой.

Вода в бассейне оказалась в меру горячей, обед – вкусным, и к тому времени, как я с ним расправилась, мир уже не казался унылой и грязной лужей, по которой я обречена тащиться неизвестно куда. Люди вообще устроены очень просто – дай им возможность отмыться, передохнуть и хорошо поесть, как они быстренько обретут довольство собой и окружающими. Я не представляю исключения.

Мое столь внезапное появление грубо нарушило мирное и беспечальное существование госпожи Эвисанды. Графиня не питает ко мне особой привязанности, и я ее за это не виню. Политика и интриги королевских дворов – не слишком достойное дело, в нем с равным успехом используются и рваные тряпки, вытащенные из грязного белья, и самое дорогое, что есть у человека.

У госпожи Эвисанды таких драгоценных вещей было две – честь и благосостояние ее семьи да робкая привязанность к нынешнему королю.

О, это была замечательная история!! Из числа тех, что так любят рассказывать менестрели и слушать молодые впечатлительные девушки. В ней наличествовали все требующиеся лица: молодая красавица, вынужденная по воле семьи выйти

замуж за человека много старше ее годами, и герой, решивший на склоне лет хоть немного остепениться.

Портили образцовую слащавую картину несколько досадных мелочей. Например, красавица была отнюдь не наивной девочкой шестнадцати весен от роду, но обладала вполне практичным умом и хваткой прожженного купца. Герой же заслуживал подобного наименования с большой натяжкой, ибо по большей части занимался делами отнюдь не героическими, а скорее противозаконными...

В общем, все, что требовалось от служащих Вертрауэна – поставить семейство графини Эвисанды перед угрозой серьезного скандала и полного разорения, а самой госпоже намекнуть, что она довольно легким (и даже в чем-то приятным) способом сможет избавить своих родных от подобной неприятности. Что же до порицания обществом, которое, разумеется, не замедлит последовать, то какое оно имеет значение, если госпожа графиня будет находиться в наивозможной близости от трона?..

Собственно, Конан должен быть нам благодарен – он без особых хлопот заполучил красивую, умную и покладистую подружку. А Вертрауэн – человека, зорко следящего за ситуацией при аквилонском дворе и сообщающего о малейших подозрительных изменениях.

Довольно тяжелый разговор с Эвисандой, состоявшийся нынешней весной на неприметной вилле в окрестностях Шамара, пришлось вести мне, в спешном порядке примчавшей-

ся ради этого из своего логова в Ианте. Не понимаю, почему Департамент возложил не такую уж и сложную обязанность на меня? Наверное, именно с того дня Эви считает меня чем-то вроде злобного демона, приставленного лично к ней в виде кары за многочисленные и тяжкие прегрешения.

Госпожа Атиос была вынуждена согласиться с предложениями немедийской тайной службы, но, к моему удивлению, выдвинула очень простое условие: она хотела получить клятвенное обещание, что добываемые ей сведения не причинят вреда лично королю. Я открыла рот, чтобы сказать: «Дорогая, да ему вообще трудно причинить какой-либо вред!», потом вовремя одумалась... и поклялась. Мало того – я еще и честно стараюсь выполнять условия этой клятвы.

Мой супруг, узнав о сем странноватом обещании, искренне посмеялся и заявил: наверняка таким способом я пытаюсь загладить вину за многочисленные ссоры между мной и Конаном, ежедневно случавшиеся во время наших совместных приключений пятнадцать лет назад.¹ Может быть, он и прав. В конце концов, все мы меняемся. Даже я, которой отпущен гораздо больший срок жизни, чем обычному человеку.

...Я выбралась из бассейна, вытерлась, натянула принесенное служанкой темно-синее платье, оказавшееся мне чуть великоватым, и уселась перед запотевшим серебряным зеркалом. Ладно-ладно, госпожа графиня, сейчас мы вам убе-

¹ Упоминаются события романов О. Локнита «Торговцы грезами» и «Потерянный король». (Примеч. переводчиков)

дительно докажем, что немедийская Ищейка может выглядеть ничуть не хуже тарантийской придворной дамы. В моих резковатых манерах виноваты лишь семь дней изматывающей дороги да необходимость как можно скорее проникнуть во дворец.

Раньше я носила косы. Потом пришлось ими пожертвовать – слишком длинные и уходит уйма времени, чтобы их заплести, а потом расплести. Время – единственное, чего мне вроде даровано с избытком, но его всегда не хватает. Потому лет десять назад я не без сожаления рассталась с естественным украшением любой женщины, а теперь все повторяется по новой. Сиди, расчесывай, потом жди, пока высохнет, потом заплетай, укладывай... Впрочем, сегодня это длительное занятие меня не раздражало. Мне нужно было посидеть в тишине и покое, и как следует подумать.

Но вместо раздумий о том, что стоит сделать в первую очередь, а что пока подождет, я задала себе вопрос – почему во дворце настолько тихо? Все, кто мне встретился – стражники на воротах и в коридорах, несколько скучных придворных, прислуга Эви, и больше никого... Странно. Вроде у них недавно творился настоящий кошмар, а в королевской крепости тишь да благодать...

Тут я поняла, что размышлять над чем-то, не имея достаточных сведений – то же самое, что пытаться сдвинуть с места тяжело груженую колесницу с намертво заклиненными колесами. Мне настоятельно требуется побеседовать с Эви.

Даже если госпоже графине этого не слишком хочется.

* * *

Я уже собиралась пойти навестить Эвисанду, когда в дверь заглянула служанка, сказавшая, что госпожа графиня спрашивает, не хочет ли ее гостя немного поболтать?

Гостя хотела. Можно сказать, просто горела желанием. Я уже говорила, что Эвисанда – умная женщина, и могу повторить это сызнова. У меня нет склонности недооценивать своих противников... и союзников, пусть и невольных.

Служанка, вопреки моему ожиданию, повела меня не к покоям Эвисанды, а куда-то наверх, по скрипучей деревянной лестнице. Я шла следом и размышляла, какой из дворцов мне больше по вкусу. Бельверусский вырос из старой крепости возле перевалов Немедийских гор, Тарантийский – тоже из древнего военного укрепления. Но если в Немедии правитель страны крепко держится за стародавние традиции и никоим образом не соглашается перестроить дворец во что-нибудь, более подходящее для проживания, то в Аквилонии над подобным вопросом даже не задумываются. Дворец строится так, чтобы нравиться нынешнему его владельцу. Порой архитекторы и строители, выполняя желание заказчика, даже шли вразрез со здравым смыслом и хоро-

шим вкусом...

Но в целом создавалось впечатление чрезмерно запутанного и своеобразно-уютного здания. Много резного дерева, полированного разноцветного камня, стрельчатых окон с мелкими пестрыми стеклами... Наверное, здесь живетя гораздо лучше, чем в Бельверусе. Во всяком случае, обитатели здешнего дворца не страдают постоянным насморком от сквозняков.

Меня привели к высокой двустворчатой двери с медными украшениями и головой совы вместо ручки, впустили, после чего вежливо сообщили, что госпожа вот-вот придет и оставили в одиночестве. Очень хорошо – как раз успею осмотреться. Интересно, почему Эвисанда выбрала для предстоящего разговора именно эту комнату? Здесь что, невозможно подслушать?

Я люблю определять по вещам личность хозяина. Это не только привычное действие, но и проверка сноровки. Здешний же обитатель вызвал у меня нешуточный интерес. Его явно давно не было дома – уж больно все аккуратно расставлено и разложено, чувствуется привычная к порядку рука слуги. Вещи в комнате по большей части добротные и не лишённые некоторого изящества... Стоящее возле стола массивное кресло, рассчитанное на человека изрядной комплекции... Много книг, причем дорогих, в выложенных цветными камнями и золотом переплетах... Я сунулась в соседнюю комнату – спальня, ничего особенного. Пожалуй, это обита-

лице мужчины. Молодого, не обремененного подружками и слишком тяжелой службой при дворе, любителя хороших книг и старинного оружия.

Оружие и убедило меня в правильности моих предположений. Два полупторных меча висели крест-накрест на стене, поверх пушистой рысьей шкуры. Вряд ли женщина стала бы украшать свое жилище подобными вещами... Так кто же здесь живет? И почему мне все время мерещится тонкий запах залежей старого пергамента?

Эвисанда вошла почти беззвучно, закрыла за собой двери и решительно уселась за стол. Судя по выражению ее лица, она готовилась высказать мне все, что она думает о Тайной службе Немедии и в частности обо мне, как представительнице сего славного учреждения.

Чует мое сердце – очень скоро Эви устроит нам небольшой бунт. Запугивание и угрозы – прекрасный способ добиться желаемого, но порой даже многократно проверенное и испытанное средство дает сбой. Ох уж эта мне дворянская щепетильность и честность! Мы ведь не можем все время держать Эви на крючке, рано или поздно любая рыбка срывается.

Подозреваю, что Эвисанда рискнет отделаться от нас простейшим способом – расскажет все Конану. Возможно, ей тогда придется проститься с теплым местом королевской фаворитки... а может, и нет. Я возьмусь уверенно предсказать действия любого человека, но только не Конана. По-моему,

он сам не всегда знает, как поступит в следующий миг.

– Чья это комната? – спросила я прежде, чем Эвисанда начала свою обличительную речь. Тем я сбила ей весь боевой настрой, заставив отвлечься на что-то постороннее. Вдобавок, мне действительно было любопытно.

– Халька, – после некоторого напряженного молчания ответила Эви. – Барона Юсдаля, библиотекаря и летописца.

Так вот почему мне чудился запах пергамента! Библиотека, как я сразу не догадалась!

– Странное имя, – заметила я. – Боссонское?

– Гандерское, – уже спокойнее поправила Эвисанда. Вот так-то лучше. Мне нужно ее содействие и подробный рассказ о том, что сейчас творится в Аквилонии, а не шипение сквозь зубы и полный ненависти взгляд.

– А кто он такой? Я имею в виду, что он за человек?

– Первый собиратель слухов на весь дворец. Из близкого окружения короля, – с еле заметной полуулыбкой проговорила графиня Аттиос. – Милый молодой человек, который на вопрос о чем-то серьезном сперва трижды подумает, а потом скажет, но зато болтать о пустяках может без остановки.

«Крайне разносторонняя личность, да еще и приятель Конана, – хмыкнула я. – Никогда не понимала, как это мой старый знакомый умудряется привлекать к себе таких разных людей – от уличных нищих до аристократов?»

– А где он сейчас?

– Уехал два дня назад, – невозмутимо отозвалась Эви. –

Вместе с королем и остальными. Поэтому я и подумала, что мы можем поговорить здесь. Тут... Спокойно как-то.

Та-ак... Похоже, меня преследует нечто большее, чем обычное невезение. Разумеется, в отсутствие правителя дворец и кажется вымершим. Значит, Конан изволил куда-то отбыть, да еще в сопровождении неких загадочных «остальных»?

– Эви, ты случайно не знаешь, куда поехал Его величество? И с кем?

Эвисанда поколебалась, не решаясь ответить, но все же неохотно проговорила:

– На полночь, в Вольфгард. С королем уехали посланник из Пограничья, немедийский граф по имени Мораддин и еще Паллантид с десятком гвардейцев...

У меня едва глаза на лоб не полезли – а какого, извиняюсь, демона здесь делает Мораддин, которому вроде как полагается неотлучно сидеть в Бельверусе при Нимеде?

Эви, к счастью, не подозревает о том, что Мораддин – мой муж. Об этом обстоятельстве вообще мало кто знает, а семейство Эрде предпочитает не открывать врагам своих уязвимых мест. Для Эвисанды, как и для многих, я – Ринга Зингарийка, работающая на Трон Дракона. Однако с какой стати Мораддин околачивался в Тарантии? Что вообще творится в некогда таком предсказуемом и насквозь понятном мире?

– Эви, – твердо сказала я. – Начни, пожалуйста, все с начала и по порядку. Чего ради короля вдруг понесло на пол-

ночь, какой такой посланник из Пограничья и отчего все дороги в стране забиты беженцами?

– Ты что, ничего не знаешь? – и без того большие глаза Эвисанды превратились в пару блестящих серых шариков. – Ни про зеленый огонь, ни про Ивелин? Я же писала вам...

– Значит, это послание до нас еще не дошло, – безмятежно ответила я. Положение становилось все непонятнее и интереснее. – Так я обращаюсь в слух и внимаю.

– ...А потом пришло письмо из Пограничья, и они уехали, – закончила свой долгий и порой невероятный рассказ Эвисанда. – Сказали – вернутся через полторы луны или раньше... Ринга, тебе нехорошо?

– Мне очень плохо, – сквозь зубы прорычала я и вцепилась обеими руками в волосы. Хотелось пойти и стукнуться головой о стену – может, мысли быстрее забегают. Надо же оказаться такой дурой! Пока я вовсю наслаждалась беспечным существованием в Ианте, пропустила мимо самое потрясающее событие в своей жизни! Подумать только – такая же гадость безнаказанно ползала по нашим землям! Теперь понятно, отчего Мораддин предпочел остаться в Аквилонии, а не возвращаться домой. Разве он может упустить возможность поучаствовать в столь захватывающем приключении? А я хороша – примчалась, высунув язык, к самому завершению! Даже если я отправлюсь в дорогу сегодня, Конана и его отряд все равно не нагнать... Митра и Иштар, они направились в это забытое богами и людьми Пограничье, в

дыру, где нормальному человеку невозможно жить! Зачем? Охотиться на чудовищ? Не сомневаюсь, что эта сумасшедшая идея принадлежала Конану...

Не знаю, как насчет чудовищ, но напасть и мгновенно скрыться в Пограничье очень даже возможно.

В связи с этим имеется один вопрос – что же мне теперь делать? Мчаться вслед, хотя у меня все кости ноют? Сидеть в Тарантии и ждать возвращения Конана, Мораддина и прочей компании? А если они не вернуться? Плюнуть на все – мол, пускай сами разбираются со своими трудностями – и вернуться в Ианту или Бельверус?..

– Ринга, – настойчиво позвала госпожа Эвисанда. – Ринга, что с тобой?

– Я думаю, – мрачно сказала я, только сейчас поняв, что от злости едва не вырвала у себя несколько прядей. Я сжала ладони в кулаки и велела себе успокоиться. В конце концов, пока не стряслось ничего непоправимого. Конан жив, Мораддин тоже, неведомая опасность вроде бы уничтожена... Но у меня дурное предчувствие, и я склонна ему доверять. Значит, надо как можно скорее принимать решение.

– Эви, ты знаешь что-нибудь о покушении на короля? – решительно спросила я.

Эвисанда вздрогнула, как от холода, и неуверенно кивнула.

– Когда оно было? Где? Кто участвовал? – я знаю, что даже фаворитка короля не способна разузнать все, совершаю-

щеся в стране, но хоть какие-то слухи до нее должны были дойти! Мне сейчас важна каждая мелочь.

– Восемнадцатый день этой луны, город... нет, деревня Артен, – медленно проговорила Эви. – Нападавших было около десятка. Один сумел сбежать, остальных убили. Все, насколько я поняла, дворяне. Кому они служили – неизвестно.

Уже немало. Значит, заговор действительно существует, а я не гоняюсь за призраками.

– Ринга, – графиня выглядела не на шутку встревоженной. – Скажи, что это может значить? Ты уверена, что король сейчас в безопасности?

– Кто в этом мире может быть в безопасности, кроме покойников? – невесело пошутила я. Эви нахмурилась. – Я не знаю. Насколько я поняла, короля сопровождают искренне преданные ему люди, значит, измены можно не опасаться. А вот внезапное нападение... И еще эти существа, которых привезли из Ямурлака. Зачем они это сделали?

– Животные совершенно безопасны, – удивленно пожала плечами Эвисанда. – Это всего лишь забавные зверьки. И мы, кажется, говорим о другом!

– Ничто, вышедшее из Ямурлака, не может быть безопасно, – возразила я. – Кто-то же напал на вашего грифона!

С этим графине пришлось согласиться, а я в очередной раз пожалела, что не приехала пораньше. В кои веки таинственная закрытая земля на полуночи Аквилонии приоткры-

ла завесу над своими тайнами, и я, как назло, опоздала! А единственное разумное существо родом из загадочных краев валяется без сознания с почти насквозь пробитой головой!.. Надо будет потом хоть глазком взглянуть на этого грифона...

Ладно, о чудесах далеких стран можно поговорить потом, а самое важное сейчас – не допустить еще одного покушения на короля. Произведя в уме несколько несложных вычислений, я сообразила, что уцелевший заговорщик в тот же день послал сообщение о своей неудаче. Через четыре дня оно прибыло в Офир и отправилось далее. Куда? Страбону-су? Сдается мне, что именно туда...

– Эви, как по-твоему, есть в столице или в стране кто-нибудь, способный возглавить заговор против короля? Настоящий заговор, а не пустую болтовню по гостиным?

Я такого человека или людей не знала. Но я и не занималась вплотную делами при новом аквилонском дворе. Моя работа в основном касается полуденных государств и Империи Туран.

– Нет, – после долгого размышления покачала головой госпожа Эвисанда. – В Тарантии – нет. В провинциях, особенно в Боссонии – может быть, – она поколебалась, но все же честно призналась: – Я не могу сказать с полной уверенностью. Недовольных, конечно, хватает, однако серьезных противников...

– Хорошо, – я решила довольствоваться тем, что есть. – Значит, Его величество уехал. Кто же тогда распоряжается

в столице?

– Просперо Пуантенец, наместник и временный регент, – удивленно ответила графиня. Правильно, кто же еще, кроме правой руки Конана... Интересно, пуантенцы нынче рассказываются в том, что оказывали поддержку Конану? Или им требовался на аквилонском престоле именно такой человек? А что – провинция теперь процветает, поводов для требования независимости нет, да вдобавок герцог Пуантена – близкий друг короля страны. Чего еще может желать разумный правитель для своих владений? Требовать от судьбы больших подарков было бы просто нахальством.

– Я смогу с ним поговорить? Прямо сейчас?

– Наверное, – поколебавшись, сказала Эви. – Герцог и его люди живут в этом же крыле дворца, на втором этаже. В это время там обязательно можно застать кого-нибудь, знающего, где герцог. А... зачем тебе Леопард?

«Леопард» – заглазное и известное во всех странах Заката прозвище герцога Пуантена, данное по гербу провинции – золотому леопарду – а также за некоторую схожесть характером и внешностью с сим зверем.

– Поболтать о жизни, – хмыкнула я. – Спасибо за разговор, Эви. Не беспокойся, все образуется.

Хотелось бы мне искренне верить в собственные слова...

Апартаменты герцога Пуантена я разыскала без особых трудов. Разумеется, у дверей торчал караульный, но мне совершенно не хотелось с ним объясняться по поводу столь ранних визитов и моей подозрительной личности. Я просто проскочила мимо. Стражника можно допросить каким угодно способом, и он все равно будет твердить, что в бдительно охраняемую им дверь никто не входил. Это мой маленький Дар – умение отводить глаза. Еще я умею на краткое время пугать людей до потери сознания, заставить противника выронить оружие или вообще позабыть, что он здесь делает, а также заморочить болтовней любого встречного до полусмерти. Впрочем, последнему я выучилась самостоятельно. Я не колдунья и не ведьма, просто родилась с такими способностями и сумела их развить. Этот как цвет глаз или волос. Иное дело, что после каждого подобного трюка у меня начинается головная боль и ужасно хочется спать...

Я прошла через несколько пустовавших комнат, гадая, кончилась моя полоса невезения или нет. Если нет, то сейчас выяснится, что Леопард только что ушел неизвестно куда, когда вернется – никто не знает, и не соизволит ли благородная госпожа объяснить, откуда она взялась и что ей нужно?

За следующей осторожно приоткрытой дверью скрывался

уютный кабинет темного дерева, и – нет, удача точно поворачивается ко мне лицом! – его хозяин оказался на месте. Сидел за столом и что-то быстро писал – я отчетливо слышала тонкий скрип пера по слегка шершавой поверхности пергамента.

Я беззвучно просочилась между створками и тщательно прикрыла их за собой. Лишний шум мне совершенно ни к чему. Да и не станет встреча давних и не слишком близких знакомых ознаменовываться радостными кликами.

Нынешний правитель Пуантена и скромная служащая немедийского Вертрауэна узнали о существовании друг друга четыре года назад. При несколько странных обстоятельствах. Впрочем, я еще ни с одним человеком не познакомилась как положено – в дворцовой гостиной, с куртуазным представлением. Всегда в спешке – либо я за кем-то бегу, либо за мной бегут, либо мой очередной знакомый-знакомая от кого-то спасаются либо кого-то увлеченно преследуют. Такая вот развеселая у меня жизнь...

А четыре года назад, как уже было сказано, будущий великий герцог возглавлял очередной мятеж полуденных провинций против законного короля Аквилонии, ныне покойного Нумедидеса. По шумному и многолюдному лагерю повстанцев туда-сюда беспрепятственно шаталась разбитная молоденькая маркитантка по имени Росита, родом из Аргоса. Сия Росита не только бойко торговала надобными при всяком приличном мятеже товарами, но и чересчур внима-

тельно поглядывала по сторонам, иногда оказываясь в самых неожиданных местах. Впрочем, языкатая девчонка из Аргоса всегда могла убедить бдительную стражу, что забрела сюда совершенно случайно и не слышала ни единого словечка.

В одну прекрасную ночь – к вящему сожалению всех многочисленных друзей-приятелей – Росита вместе со своей тележкой и парой впряженных в нее одров преклонного возраста сгинула неведомо куда. Неясные слухи утверждали, что перед своим исчезновением маркитантка навестила шатер предводителя бунтовщиков. Шептались также, будто сей загадочный визит напрямую связан с тем обстоятельством, что через пять-шесть дней мятеж сам собой пошел на убыль, набранная армия разбежалась, люди вернулись к своим прерванным занятиям, а зачинщики мятежа скрылись в своих почти неприступных замках на берегах Алиманы.

Болтуны почти не ошибались. Единственно, они не совсем верно называли повод для встречи столь разных людей. Я просто всесторонне обдумала складывавшуюся ситуацию, нашла ее очень опасной для мятежников и рискнула дать господину герцогу несколько полезных советов. Он поступил весьма разумно, последовав им, иначе сегодня ему точно не представилось бы возможности пребывать в Тарантийском замке в качестве лучшего друга короля и правящего регента. Правда, особой благодарности ко мне герцог не питает. Ибо тогда я без обиняков выложила все, что думаю

о мятеже, описала возможные плачевные последствия и при этом подчеркнула, что меня-то происходящее, в сущности, не касается. Мол, я работаю на того, кто мне платит, и вылезла со своими подсказками лишь по доброте душевной да еще потому, что жаль будет смотреть, как через пару дней всю эту развеселую мятежную компанию будут вешать или лишать жизни через отсечение головы – кому что полагается, в строгом соответствии с законами Аквилонии...

Как ни тихо я кралась, все-таки меня услышали. Правда, я особо и не старалась – люди порой очень пугаются, внезапно обнаружив за своей спиной неизвестно откуда взявшуюся красотку с желтыми глазами хищника.

Надо отдать герцогу Пуантена должное – он не потянулся за лежавшим на столе кинжалом и узнал меня если не мгновенно, то достаточно быстро. Благо мой нынешний облик не слишком разнился с физиономией блаженной памяти Роситы – в те времена я еще недостаточно хорошо овладела умением удерживать кажущееся лицо.

Но сегодня я была безупречна и могла служить образцом хороших манер (жаль, Эви не видела!). У кого бы повернулся язык сказать, что маленькая Ринга родилась не на ступенях дворца, а в лесу под елкой (как, собственно, и было... Только произошло сие событие не под елкой, а под красной зингарийской сосной)? Мое многословное и витиеватое извинение за столь ранний визит можно было смело приводить в качестве примера великолепно построенной и ровным сче-

том ничего толком не объясняющей речи. Договорить, правда, мне не дали, прервав вполне закономерным вопросом:

– Росита, откуда ты взялась? Кто тебя впустил?

Я раскрыла рот для нового долгого и правдоподобного объяснения... а затем сказала:

– Из Ианты, Ваша светлость. Или из Зингары. Или еще откуда-нибудь. Просто приехала.

Какой смысл громоздить выдумку на выдумку, если ей все равно не верят? А мне не верили. Что было совершенно оправдано: как можно верить словам женщины, которую встречал в качестве бродячей торговки и которая посоветовала тебе прекратить столь успешно начатый мятеж, не хуже высокоученого философа доказав, что начатое дело изначально обречено на поражение? А теперь представьте, что спустя четыре года эта же женщина объявляется в вашем кабинете в обличье благородной дамы и мило извиняется за неожиданное вторжение. Я бы такой переменчивой особе ни за что не поверила. Но наверняка выслушала. Из любопытности – самого большого порока и достоинства рода людского. Хочешь чего-то добиться от человека – сумей пробудить его любопытство. Он сам тебе все расскажет, только успевай вопросы задавать.

– Что же тебе понадобилось в Тарантии, Росита? Или теперь ты – «госпожа Росита»? И, может быть, присядешь?

Все. За дверь точно не выставят. И притворно-строгим тоном меня не обманешь. Взгляд-то удивленный. И заинте-

ресованный. Такой же, как и четыре года назад. Ох уж эти мне черные глаза... Я люблю все красивое – и вещи, и людей. Особенно людей. Как утверждает мой муж, при рождении меня то ли прокляла, то ли благословила богиня Иштар, и пытаться как-то исправить мое поведение бесполезно. Во всяком случае он, Мораддин, тратить на это изначально безнадежное занятие свое драгоценное время не собирается. И мои робкие оправдания с попыткой сослаться на трудности ремесла он тоже пропустил мимо ушей, заявив, что это не имеет значения, раз я все всегда возвращаюсь обратно домой.

Вот такой мне достался благоверный спутник жизни. Впрочем, я тоже отнюдь не подарок богов. На том мы с мужем и сошлись во мнениях, решив больше к этому вопросу не возвращаться. В конце дороги каждый сам будет отвечать за свои дела.

...Я с достоинством уселась на предложенный мягкий стул, чинно расправила складки на платье и только потом изволила ответить:

– Допустим, госпоже пришел в голову каприз навестить давнего знакомого, а ожидать аудиенции по несколько дней она не привыкла.

– Допустим, – согласился герцог. – И что дальше?

– А дальше вышеозначенная госпожа тихонечко прокрадлась мимо задремавшего гвардейца и, не попадаясь на глаза особам, могущим поинтересоваться...

Меня прервали во второй раз.

– Госпожа Росита, ты по-человечески говорить можешь?

– Могу, – с облегчением сказала я. Высокопарно-официозный стиль – это, конечно, прекрасно, только у меня от него голова кругом идет. – Счастлива видеть Вашу светлость в добром здравии и процветании. Собственно, я почему примчалась? Одна маленькая птичка насвистела мне, что в Тарантии кое-кому не нравится король-варвар. Настолько не нравится, что названный «кое-кто» готов пожертвовать собственной страной, лишь бы увидеть монарха мертвым... Или сгинувшим в далекой полуночной земле, раз уж первая попытка не удалась.

Стрела была пущена наугад, а угодила точно в цель. Заостренное перо, которое Просперо бесцельно крутил в руках, хрустнуло, сломанное точно пополам. А в следующий миг он резко наклонился вперед, тихо и яростно спросив:

– Кто тебе платит, женщина? Кто твой хозяин или хозяйка? Кто ты?

– Я не враг, – сказала я первое, что пришло в голову. Собственно, для разнообразия это утверждение даже было правдой. – Ни королю, ни Аквилонии, ни Вашей светлости. Я служу людям, коим хотелось бы видеть твою страну не утопающей в крови и не разодранной на части мятежными баронами, а процветающей... Я сказала правду, регент.

– А почему я должен тебе верить? – быстро же герцог взял себя в руки. Такого человека всегда лучше иметь в друзьях,

чем во врагах. – Ты приходишь неизвестно откуда, исчезаешь, когда захочешь и никогда не отвечаешь на прямой вопрос...

– Никто не требует от Вашей светлости полного доверия, – возразила я. – Скажем так, я предлагаю сделку. Мы оба знаем кое-что полезное. Почему бы нам не обменяться своими знаниями к обоюдной и всеобщей выгоде?

Леопард из Пуантена надолго замолчал. Я успела про себя сосчитать почти до сотни и начала сначала, тщательно отгоняя пакостную мыслишку о том, что сегодняшний визит придется отнести к числу редких, но все же случающихся неудач. Но мое терпение было вознаграждено.

– Хорошо, госпожа Росита, – а физиономия такая, будто его без ножа режут. – Полагаю, я могу принять твое предложение... Хотя оно выглядит весьма странным.

– Честные ответы на честные вопросы, – я незаметно перевела дух. – С правом иногда не отвечать. Кто..?

– Дамы проходят первыми, – меня даже вознаградили легкой улыбкой. Замечательно. Вот я и спрошу.

– Правда ли, что король уехал в Пограничное королевство, в силу данного когда-то обещания помочь и в уверенности, что там кроется разгадка недавнего бедствия? – выпалила я.

– Правда, – кивнул герцог. – Твоя очередь, госпожа.

– У вас в столице обитает кучка заговорщиков, – я решила, что стоит слегка приоткрыть завесу над моей тайной. –

Они попытались убить короля... Восемнадцатый день прошлой луны, деревня или маленький городок Артен. Похоже, что главари участия в этом не принимали, а один из уцелевших послал сообщение на полдень...

– Куда? – нетерпеливо осведомился герцог.

– Это уже второй вопрос, – мило улыбнулась я. – Ладно, так и быть. Я не уверена, но думаю, что... – я выдержала надлежащую паузу. Когда-то мне довелось пошляться по Офиру с бродячими лицедеями, так что я хорошо изучила все актерские приемы. – В Хоршемиш.

– М-мерзавец... – непроизвольно вырвалось у Просперо. – Извини, Росита. Но почему? Аквилония не давала Кофу ни малейшего повода...

– Здесь я действительно не могу ничего сказать, – с огорчением признала я. – Единственное мое предположение – в Хоршемише козни строят просто из принципа. Или с какими-то столь далеко идущими целями, что я загадывать боюсь.

Ничего я не боялась. И предположения у меня были, целый букет. Но у герцога на плечах имеется собственная голова, и отнюдь не пустая. Пускай думает и будет настороже. Я подсказала ему главное – с какой стороны ожидать опасности. Как гласит старая зингарийская поговорка: «Кто предупрежден – тот вооружен.»

– Но имена? – несколько разочарованно спросил герцог. – Хоть одно имя ты можешь называть, Росита?

– Нет, – повторила я. – Не потому, что защищаю этих людей, а потому что на самом деле не знаю. Я опасаясь иного – из Хоршемиша можно дотянуться до Пограничья.

«И еще того, что мне придется тащиться в это захолустье! Митра Великий, за что? Чем я заслужила подобную немилость?»

– С королем уехали надежные люди, – твердо сказал Просперо. Поколебался и небрежно осведомился: – Тебе что-нибудь говорит имя графа Эрде?

«А как же!» – едва не брякнула я, но вовремя прикусила язык и ограничилась вежливым:

– Конечно. Известный человек, дворянин, отличный воин, но... всей душой преданный Немедии.

– Немедии – да, – подтвердил мою неприкрытую лесть пуантенец. – Однако он старый друг короля и сумеет отвести любую возможную опасность.

– Возможно, – согласилась я. Собственно, в способности Мораддина справиться с десятком-другим нападающих я не сомневалась. Однако бывают ситуации, когда и лучшим из лучших приходится тяжело. Это Конан на собственном опыте обучил меня непреложному правилу: «В любом бою кто-то должен прикрывать твою задницу» и теперь я частенько ему следую. Как ни странно, помогает. – И все же мне кажется вполне разумным послать вслед отряду короля надежных людей, которые будут держаться неподалеку.

– Да кто же согласится поехать в Пограничье? – хмыкнул

герцог и раздумчиво протянул: – И кому сейчас можно довериться? Разве что мне бросить Тарантию на канцлера и отправить самому?

– Ни в коем случае, – возразила я. – Король поручил охрану своей столицы Вашей светлости и мы не можем обмануть его доверие. Публио один не справится с управлением государством. Поеду я.

– Ты, госпожа?! – пуантенец смерил меня с ног до головы взглядом, выразившим откровенное недоверие.

– А почему бы и нет? – обиделась я. В конце концов, маленький рост и принадлежность к прекрасному полу еще не означают моей полной беззащитности! – Я могу постоять за себя, привыкла к дальним переходам и знаю, как ходить рядом и оставаться незамеченной. Мне потребуются подорожная, лошади и припасы, тогда я смогу отправиться в дорогу хоть сейчас.

Похоже, мнение герцога о моих скромных умственных способностях стремительно падало в глубочайшую из пропастей. Однако он промолчал и только поинтересовался не дать ли мне сопровождающих. Я гордо отказалась и стала смотреть, как наместник Аквилонии выписывает мне подорожную. На имя Роситы из Аргоса, разумеется. Впрочем, в моей сумке лежит по меньшей мере четыре надлежащим образом заверенных документа, в которых я выступаю под четырьмя разными именами. Еще от одного вреда не будет.

Заодно я быстрым взглядом окинула заваленный бумага-

ми стол, на миг задержавшись на полуразвернутом свитке с каким-то официальным отчетом. Я видела его вверх ногами, да и большая часть текста была скрыта, но что-то в почерке показалось мне знакомым... Додумать я не успела – моя подорожная с четко оттиснутой печатью и разрешением беспошлинно проезжать через все города и провинции Аквилонии, а также с позволением покидать пределы королевства была готова.

– Лошадей выберешь на конюшне, припасы – на нижней кухне, скажешь – по моему личному распоряжению, – командным голосом, не допускающим даже мысли о возвращении, распорядился герцог, а затем уже более мягко спросил: – Послушай, Росита, ты уверена, что доберешься без... трудностей?

– Конечно, – я пожала плечами. – Мало того, я собираюсь еще благополучно вернуться и притащить за собой живого короля. Увидимся через пять седмиц, Ваша светлость. Будьте осторожны и посматривайте по сторонам. И пожелайте удачи – она мне понадобится.

– Удачи тебе, – очень серьезно сказал Просперо. – Дай знать, как обстоят дела... И почему я только тебе верю? А, Росита? Или как там тебя на самом деле?

У меня был ответ на этот вопрос, но я уже выскочила за дверь. И на миг остановилась, сообразив, что показалось мне знакомым в почерке на небрежно брошенном свитке.

Буквы выведены той же рукой, что и на послании,

ушедшем в Хоршемиш!!!

Ну, спасибо, Леопард! И за все сказанное, и за то, о чем промолчал, и за то, о чем Ваша светлость и сам не догадывается.

Но до чего же мне не хочется опять срываться с места, кто бы знал!

* * *

На конюшне мне пообещали оседлать пару спокойных и выносливых гнедых коньков, на кухне я заполучила увесистый и тщательно увязанный мешок, и поднялась наверх, в отведенную мне комнату – переодеться, собрать немногие пожитки и обрадовать Эвисанду новостью, что я отбываю.

Прислуга и редкие стражники в коридорах косились на меня с подозрением, пытаясь сообразить, с какой стати по дворцу разгуливает одетая по-дорожному особа. Я же разыскивала неизвестно куда девшуюся Эви и, наконец, обнаружила ее на втором этаже, возле личных королевских покоев. Эви вышла из какой-то неприметной дверцы, тщательно закрыла ее за собой и только тогда меня заметила.

– Уезжаешь? – с плохо скрываемым облегчением спросила графиня Аггиос.

– Да, – кивнула я и добавила: – Я, собственно, попрощать-

ся... Ой!

Наверное, меня можно извинить – уж слишком непривычно выглядело животное, сопровождавшее Эви. Маленькое существо, размером с охотничью собаку, на спине сложены торчащие острым углом крылышки... Но главное – животное было прозрачное! Совершенно прозрачное, отливавшее радужным блеском. Сквозь блеск я заметила что-то темное, плававшее в животе существа. Наверное, его завтрак...

Я невольно попятилась, уткнулась спиной в стенку и вспомнила себе, что стоять с открытым ртом неприлично. Довольная впечатлением Эви представила своего питомца:

– Это сармак из Ямурлака. Его зовут Люсс.

– Люсс... – бездумно повторила я и пришла в себя. Животное из Ямурлака! Настоящий, живой зверь из Ямурлака!

Сармак осторожно приблизился, обнюхал мои сапоги, зачем-то куснул блестящую пряжку и вытянул остренькую морду, как любое домашнее животное, требующее, чтобы его погладили.

На ощупь зверек был теплый и слегка шершавый. Он тихонько повизгивал, а полуразвернутые крылья в тусклом свете, падавшем из окон, икрились синим и темно-желтым.

– Замечательное животное, – честно сказала я. Кажется, я ошибалась, утверждая, будто обитатели Ямурлака опасны... Но что еще прикажете думать о стране, которая всегда считалась рассадником всяческой нечисти и нежити?

Получивший свою долю внимания и восхищения сармак

отбежал и спрятался за юбками Эвисанды. Графиня явно колебалась, а затем спросила:

– Раз ты уезжаешь... Хочешь посмотреть на грифона? Только быстро и очень тихо.

– Хочу! – я едва не завизжала. Собственно, я собиралась намекнуть графине, как меня интересует таинственный разумный зверь, но опасалась, что ответом будет решительное «Нет!»

– Пошли, – Эви ключом открыла дверь, через которую только что вышла. Сармак по имени Люсс проскочил у нас под ногами и вбежал первым.

Все рассказы о грифонах, услышанные мной, не шли ни в какое сравнение с тем, что я увидела на самом деле.

Это было самое прекрасное существо на свете. Даже несмотря на то, что орлиная голова зверя была скрыта под повязками, что огромные крылья бессильно распластались на полу, а неподвижно вытянутые лапы с когтями длиной в два моих пальца иногда судорожно подергивались.

Чего бы я не отдала за то, чтобы увидеть, как этот невероятный зверь взмывает в небо...

– Идем, – тихонько сказала Эвисанда, потянув меня за собой. – Сейчас придет лекарь и попросит нас выйти.

Я послушно вышла вслед за Эвисандой в коридор и только здесь смогла снова заговорить:

– Он поправится?

– Не знаю, – грустно сказала графиня. – Лекари тоже не

могут ничего сказать. Его очень сильно ранили, и рана не заживает. Грифоны ведь устроены не так, как обычные животные...

– Эви, – перебила я. – Послушай меня внимательно, Эви. Я уезжаю догонять короля, но я обещаю – я обязательно разыщу того, кто это сделал. Разыщу и прикончу.

Эвисанда растерянно ахнула и попыталась что-то сказать, но я уже бежала по коридору – к лестнице вниз, к конюшням и к долгой дороге в Пограничное королевство. В тамошнюю столицу со странным названием Вольфгард, в края, где обитают загадочные оборотни, полулюди-полуволки, называющие себя «Племенем Карающей Длани Создателя», в земли, откуда явился губительный подземный огонь и куда неведомо зачем уехали Мораддин и Конан.

Что-то они там хотят найти? И найду ли я там что-нибудь?

Глава вторая

ХАЛЬК, ЧЕТВЕРТЫЙ РАССКАЗ

**Пограничное королевство, столица Вольфгард.
14 день третьей осенней луны, утро и далее.**

«...Столица Пограничного королевства всего лишь года четыре назад получила свое нынешнее имя, обходясь прежде без наличия оного. Столица, более напоминающая неказистое военное укрепление, нежели привычный глазу цивилизованного человека город, была не слишком приспособлена для достойного соответствия своему высокому званию. Однако с приходом на трон Эрхарда многое изменилось в лучшую сторону. Реорганизация армии и немногочисленных государственных учреждений позволила навести в стране долгожданный и так необходимый ей порядок. Нанятые за счет казны подгорные гномы, славящиеся своим непревзойденным мастерством в обработке камня, провели обширную починку коронного замка и крепости. Вокруг них начало расти и развиваться торговое поселение. Разумеется, оно не шло ни в какое сравнение с городами стран Заката, однако для Пограничья Вольфгард действительно стал образцом, к которому надлежало стремиться по мере сил и возможностей...»

Из «Синей или Незаконной Хроники» Аквилонского королевства

– Если я еще хоть раз переночую под открытым небом и на таком холоде, откроется кровавый кашель... – хриплым голосом сообщил я королю, когда отряд снялся с лагеря, устроенного в лесу, и отправился дальше. – Тогда я непременно заболую и умру. Что делать будете?

– Ну-у... – скривился Конан. – Вначале устроим роскошную тризну и как следует напьемся. А на следующий день я посоветую управителю Тарантийского замка нанять нового библиотекаря. Желательно пожилого, степенного человека... и уж ни в коем случае не гандера.

– Изверг бесчувственный, – уязвился я и добавил патетически: – Разве никчемный старикашка будет помогать своему владыке, делить с ним все трудности и невзгоды? И, в конце концов, варить кашу Его величеству?

Последнее замечание было более чем справедливым. Минувшим вечером на привале Паллантид выдал мне мешок с пшеном, сало, сушеное мясо и, дав в помощники самого молодого (и на мой взгляд, самого бестолкового) гвардейца, велел сделать ужин. Мы всегда занимались приготовлением пищи по очереди, и вчера настал мой звездный час как кулинара...

– Кашу? – голос киммерийца зазвучал совсем недовольно. – Она у тебя подгорела и была не послена. А старика

в библиотекари я хочу взять потому, что он не будет постоянно трепаться, подшучивать над персоной короля и втягивать его в разные неприятности. Лучше за своим оружием следить надо, бестолочь!

Вот так всегда. Вечно меня ни во что не ставят. Каша им, понимаешь, не понравилась. Подумаешь, отвлекся человек... Я, между прочим, стихи сочинял. Настоящую балладу о путешествии короля Конана Аквилонского в Пограничье. Только когда от котла начало потягивать едким дымком, меня толкнул Мораддин и спросил, что это я делаю. Каша, впрочем, все равно не удалась бы. Пшено сырое, мясо не просолено, а котел прежде не почищен...

...Сейчас мы двигались по наезженной зимней дороге, пролежавшей в самом сердце огромного лесного массива, окружавшего столицу Пограничья и расположившиеся вокруг нее пахотные земли свободных крестьян. Лишь иногда по ходу тракта встречались небольшие хутора охотников, на которых стояли малочисленные (три-пять человек) заставы стражи Пограничья. Веллан объяснил недавно, что раньше в этой стране армия, стража и служба охраны государства не различались. Однако в последние годы король Эрхард учредил отдельно военную управу, ведавшую постоянными отрядами армии, управу стражи поселков – чем занимались эти люди, понятно из названия – и приказ пограничной и дорожной стражи. Сам Веллан занимался делами армии и внутренней безопасности страны, а королевский племянник Эр-

тель, сын Теодобада – охраной внешних границ государства и поддержанием порядка на дорогах. Естественно, что ими обоими командовал король. Я после рассказа Веллана понял, что постепенно Пограничье начинает становиться королевством, в котором рано или поздно появятся крепкая власть и грамотное управление внутренними делами. Лишь бы Эрхард подольше сидел на троне...

Уже к третьему послеполуденному колоколу мы должны были, миновав леса, выйти к разросшемуся в крупное село хутору (в Пограничье такие поселки назывались «бургам»), а к четвертому – оказаться у стен Вольфгарда. Но вот уже слабое полуночное солнце начало склоняться к закату, а дорога все вилась меж столетних елей и огромных заснеженных валунов. Лошади начали уставать, а я почувствовал, что проголодался. Еще не хватало, чтобы мы заблудились!

Ну разумеется. Прислушавшись к перебранке Конана и Веллана, в которую изредка вступали Мораддин и Паллантис, я понял – проклятый оборотень-бритунец выбрал не ту дорогу и завел нас неизвестно куда.

Тице – это моя новая домашняя зверюшка, найденная во время поездки в Ямурлак – выбралась из-за пазухи, сонно оглядела окрестности круглыми голубыми глазами и, с трудом выговаривая аквилонские слова, спросила:

– Хальк, долго еще ехать?

– Не знаю, – покачал головой я. – Веллан заблудился. Вернее, нас заблудил.

– Дубина, – заключил Тицо и снова нырнул мне под тулуп.

Честное слово, когда-нибудь убью Конана и его приятеля-варвара из Бритунии! Ясно, конечно, что один справиться с ними обоими я не смогу, но попробовать-то можно... Эти двое остолопов решили, что будет очень смешно, если они научат Тицо всяческим ругательствам. Кошмар!

Я еще в Тарантии начал понимать, что маленькое, размерами не превосходящее кошку, существо, найденное мной, Мораддином и Велланом в самой таинственной области Ямурлака, не просто зверь. Тицо разумен, как люди, гномы или оборотни. Просто выглядит необычно и не понимает человеческого языка. Вернее, не понимал.

За полторы седмицы, прошедших с нашего выезда из столицы Аквилонии, я обучил Тицо нескольким простейшим словам, а после, всего пару дней, назад зверек научился распознавать более сложные фразы и выговаривать их самостоятельно. Я беседую с Тицо каждый день и уже узнал многое о нем. Он не помнит, как появился на свет, откуда взялся и почему оказался в Ямурлаке. Выяснилось также, что людей вблизи он видит впервые. Раньше Тицо видел только «леса и горы», и больше ничего. Кто возвел странные сооружения на полуострове озера Зеленой Тени, Тицо не помнил или не знал. Как он там оказался спящим – тоже осталось неизвестным. Однако я лелеял надежду, что рано или поздно покрытая густой белой шерсткой тварь научится разговаривать по аквилонски достаточно хорошо для того, чтобы ответить на

интересующие меня вопросы о Ямурлаке.

Тицо ехал со мной, в объемистой корзинке с крышкой. На дне корзины я положил мягкую шерстяную подстилку и каждый день оставлял новому любимцу несколько прошлогодних, сморщенных, но очень сладких яблок. Тицо очень любил яблоки, да и прочими фруктами не брезговал. Часто во время общих трапез нашего отряда он просил у меня кусочек мяса или немножко каши. Словом, питался всем, что предложат.

Боясь, что Тицо однажды сбежит, я ночами всегда держал корзину на замке, а днем зверь ехал у меня на плече, рассматривая проплывающие мимо леса и деревни, либо спал за пазухой. Как сейчас.

– ...А я тебе говорю – мы правильно едем! – мне пришлось натянуть поводья лошади. Отряд остановился, а покрасневший лицом Веллан жарко доказывал Конану, что мы вовсе не сбились с пути. – От Вольфгардского тракта отходят дороги на полночь Бритунии и в сторону киммерийской границы. Мы постоянно ехали прямо, никуда не сворачивая!

– А где Вольфгард? – гнул свое король. – Скоро темнеть начнет! Опять в лесу ночевать? Хальк уже кашлять начал...

– Прервитесь ненадолго, – поднял руку Мораддин. – Я умею различать стороны света. Мы движемся в сторону восхода – полуночного восхода. А нужно забирать ближе к полуночи. Мы встретили два хутора по дороге. Если я правильно помню карту Пограничья, на столичном тракте хуторов

должно быть четыре. Боюсь, Веллан, ты перепутал...

– Я? – возмутился оборотень. – Да здесь десять лет живу, все Пограничье изъездил из конца в конец! Это вы меня запутали!

– Тихо, – вдруг воскликнул Паллантид и оглянулся. В его глазах плеснулась тревога. – Слышите?

Гвардейцы, переговаривавшиеся между собой, замолчали, Веллан осекся, а Конан приподнялся на стременах. Из леса донесся глухой волчий вой.

– Велл, – Конан стрельнул глазами на бритунийца. – Это что?

– Волки, – пожал плечами оборотень. – Господа мои, волков можно не бояться, все-таки я с вами. А любой оборотень, как существо, властвующее над миром зверей, справится даже с самой дикой стаей, не обнажая клыков...

– Государь, движение в лесу! – один из гвардейцев окликнул Конана и вытянул руку. – Смотри! Правее четырех сосен и чуть дальше большого гранитного валуна.

Я, проследив направление, указанное Черным Драконом, всмотрелся в глубину леса. Точно, там кто-то есть, и не один. Рука сама собой потянулась к рукояти меча.

Отряд, следуя быстрым и четким приказам Паллантида, выстроился. Впереди центурион, Конан и Веллан, за ними полукругом встали гвардейцы. На правом фланге – я и Моррадин. Я заметил, как граф Эрде проверил, легко ли выходит из ножен слегка изогнутый кхитайский меч с длинной,

оплетенной черной кожей, рукоятью и круглой гардой.

В полусотне ярдов от нас на дорогу вышла странная процессия. Двое всадников, окруженные десятком крупных и по виду очень агрессивных волков. Выехавший вперед человек – немного похожий на Веллана, по виду лет двадцати пяти, среднего роста и более широкоплечий – посмотрел на наш отряд и движением руки остановил своих волков.

– Кто такие? – раздался высокий, но одновременно хрипловатый голос.

– Эртель!! – вдруг заорал Веллан, заставив меня вздрогнуть. – Великие боги, священная Иштар! Недоумок, ты зачем нас пугаешь?

– Велл? – названный Эртелем парень сощурил глаза. – Явился, значит. А кто с тобой?

– Угадай с трех раз! – прокричал бритуниец. – Не отгадаешь – ставишь пиво в «Короне и посохе»! Подсказать?

Я неожиданно ощутил острый взгляд Конана. Король смотрел на меня и в его синих глазах играло озорство. Я понял, чего он от меня хочет.

Поддав лошадь вперед, я выехал перед отрядом и, придав голосу наиболее возможную торжественность, провозгласил:

– Его величество король Аквилонии К°...

– Грязный киммерийский бродяга! – с восторгом заорал Эртель и, поддав своему коню шпор, понесся к нам. Благочинная сцена была испорчена напрочь. – Если напялил корону, значит, думаешь, что надо уподобляться моему дядюш-

ке? Дай тебя обнять, горский ублюдок!

– Счас по морде надаю, – столь же радостно ответил король, спрыгивая с лошади навстречу Эртелю. Повернувшись к нам, Конан веселым голосом сообщил:

– Хальк, завидууй! Перед тобой главное трепло Пограничья! Ставлю половину казны Аквилонии на то, что он тебя переговорит в любой беседе!

Эртель налетел на Конана как вихрь, и в конце концов повалил в сугроб, где они долго барахтались. Киммериец наконец вытащил наследника трона Пограничья из снега за шиворот и преувеличенно грозно прорычал:

– А вот за несоблюдение этикета я отзываю свое посольство из Вольфгарда!

– Какое посольство, дикарь? – рассмеялся Эртель. – У нас есть только одна миссия, представленная послом, и та от немедийского короля! Но если ты лично почтишь вниманием наше захудалое королевство, будем очень рады. Слушай, а какого демона вы вообще-то притащились? Эрхард ждал полтысячи гвардейцев или хотя бы обозы с едой...

– Разберемся, – бросил Конан, отряхивая снег с одежды. – Мы, между прочим, заблудились. И все благодаря твоему дружку Веллану. Где столица?

– Где ей и полагается, – недоуменно ответил племянник короля. – В полулиге от нас, в долине Круглого Холма.

Волки, сопровождавшие Эртеля и его спутника, пока не произнесшего и единого слова, остановились неподалеку и

спокойно смотрели на нас. Некоторые гвардейцы поглядывали в их сторону с настороженностью – шутка ли, одиннадцать настоящих хищных зверей! Лошади, однако, не беспокоились...

Тице безмятежно спал у меня за пазухой.

* * *

Если кто-нибудь однажды скажет мне, что Вольфгард – это столица, я рассмеюсь такому человеку в лицо. Поселение, в котором находится резиденция короля, главные управы и приказы страны, а также дома самых знатных купцов, не всегда может называться столицей. Последним словом обозначают крупный город с каменными стенами, тысячелетней историей и блистательными дворцами владык – Тарантию, например, или Бельверус, Аграпур, золотую Ианту... Но не большую деревню.

Как выяснилось, мы действительно заблудились по дороге. Невыспавшийся Веллан перепутал дорогу от Брийта к Вольфгарду с ответвлявшимся на восход торговым трактом – он вел в сторону Бритунии, а далее к Пайрогии. Неудивительно, что наш отряд до сумерек ехал в обход столицы Пограничья.

...Эртель, сын Теодобада – племянник и единственный

наследник нынешнего короля этой далекой земли – вывел нас к городу прежде, чем успело стемнеть. И за это короткое время сумел посмеяться над всеми: про Мораддина Эртель заметил, что он сидит на лошади, будто лосиный клещ; про меня сказал, что я похож (это он разглядел вылезшего наружу Тицо) на бродячего циркача; Конана Эртель постоянно называл вонючим и патлатым варваром... Впрочем, Веллану досталось больше всех. Мы, однако, не обижались – уж слишком жизнелюбивым и радостным был голос этого парня, и видно было, что он болтает не со зла, но только от резвости характера.

В перерывах между незлобивыми насмешками, Эртель рассказывал последние сплетни. Ах, Конан – этот вонючий варвар последний раз менявший портянки пять лет назад! – спрашивает, что я делаю в лесу с целой стаей волков? Очень просто! Недавно появился недоумок, объявивший себя наследником Бешеного Вожака. Он собрал небольшую шайку оборотней, из самого отребья этого народа, да разбойничает по мелочи. Никакой это, разумеется, не Бешеный Вожак, а просто бандит. Что? Каковы обстоятельства на полуночи, возле гор? Плохо. Если не сказать хуже – хреново. Подземные чудища так и шастают! Но дальше, чем на лигу от Пика Бушующих Ветров не отходят. Да, конечно, и облачная стена есть. Через нее ни один человек пройти не может, а оборотень и подавно. Мрут оборотни, если к ней приблизятся.

Много деревень – говорил Эртель – возле полуденных гра-

ниц разорены и опустели. Это из-за подземного чудовища случилось. В Немедии, говорят, дела еще хуже. Много тысяч подданных Нимеда в невиданных тварей превратились. Мороз по коже дерет, когда вспомнишь...

А волки, что с нами идут – и не волки вовсе, но сородичи. Ведь вы, благородные месьоры гвардейцы, и ты, дикарь из Киммерии, знаете, что Пограничье славно племенем Карающей Длани? Да? Очень рад. Так вот, все эти ребята – и Эртель на волков рукой показывает – старшие сыновья родов Карающей Длани, что в Вольфгарде живут. Охотиться на сумасшедших оборотней король только их единородцев посылает, знает, что люди не справятся. Люди либо в армейских сотнях служат, либо охрану на границах держат. А в общем, не будь беды на полуночи, в Пограничье тишь да благодать царили бы. Оборотни с людьми дружно живут, даже дочерей своих замуж за человеческих сынов отдают. Только теперь с гномами беда... Набежало к нам подгорных карликов больше сотни сотен. Подземелья некоторых гномов разрушены, другие сами от греха подальше ушли. Семь родов вынужден привечать король Эрхард! Семь! А в каждом роду-клане – больше тысячи родовичей. Женщин у них мало, не более трети. Остальные – либо старики, либо гномья молодежь, век бы их не видеть!

Гномы – работники хорошие. Если за дело берутся – никогда его не оставят. Работа для гнома – дело священное, так им прародитель заповедовал. Вот и сказал король Эрхард

гномьему государю Дьюрину: «Пускай твои подданные леса рубят, благо в достатке дерева в Пограничье, да жилища себе строят. Все бесплатно, как по мирному договору о помощи друг другу уговаривались.»

И начали гномы строить. Перво-наперво помогли королю Пограничья крепость обновить да переделать. Хорошая крепость получилась – гномы камень класть умеют, к труду жадны и, в отличие от людей, добротню все делают. Потом своим семьям в окрестностях Вольфгарда начали дома возводить. Двухэтажные, бревенчатые, теплые. Эрхард поспешил с государем Дьюрином договор подписать – мол, если гномы уйдут обратно под землю (когда напасть сгинет), пускай дома людям останутся.

Гномы дружину свою – хирд – в подчинение людскому королю передали. Теперь военной опасности для Пограничья нет. Даже если в Гиперборее, Бритунии или Немедии захотят покушаться на наши земли – вот им будет!

Эртель неприличный жест показал.

Гномы в драке сильны. Никто их никогда победить не мог. А почему они на поверхность не лезли да земли людей не завоевывали, то государь Дьюрин Эрхарду объяснил: «Гномы под землей жить привыкли. Созданы они для подгорного мира. Мы золото добываем, да камешки всякие, а вы, люди, за них едой расплачиваетесь. Не нужен нам мир внешний и любезнее родных подземелий нет ничего.»

Во дураки, правда?

Мораддин после этих слов помрачнел. Не нравится графу Эрде, когда его сородичей дураками называют. Пускай Мораддин и служит людскому королю Нимеду, да кровь гномья, от клана Фарина Секиры, себя знать дает.

– А как тебя зовут? – Эртель на меня смотрел. – Хальком? А, да ты еще и барон?! Благородный... Что, летописцем у варвара трудишься? Неужто дела лучше не нашлось? А платят хорошо? Плохо? Узнаю киммерийца. Всегда жадный был... Слушай, у нас в Вольфгарде сейчас живет аквилонец. Как его?.. Имя такое дурацкое, сложное... Вспомнил! Евсевий Цимисхий! Говорит, будто карты разных земель для аквилонского короля составляет.

– Евсевий? – изумился Конан. – Добрые боги, он же у меня выпросил разрешение поехать по разным странам, и по дорожную, и письма к аквилонским посланникам!.. Вот он где!

Я тоже знал Евсевия Цимисхия. Отпрыск благороднейшего рода Аквилонии, человек многоученный и воспитанный, занимал при дворе Конана (а раньше Нумедидеса), должность хранителя анналов права и составителя карт. Как библиотекарь, я нередко с ним встречался. Вот не думал, что повидеюсь с Евсевием в таком захолустье!

А Эртель продолжал изливать на нас поток рассказов о жизни Пограничья.

– Конан, помнишь Тотланта из Стигии? Того самого, который тебе едва голову не отрезал?

– Помню, – кивнул король. – Даже лучше, чем хотелось бы. Тотлант мне письмо недавно пересылал, на котором ты сам подписывался. И кто тебя писать выучил?

– Дядюшка, – хохотнул Эртель. – Говорит, будто человеку, не умеющему читать и писать, нечего на троне делать. А я ему говорю: Конан ведь стал королем!

– Неправда, – возмутился я, почесывая за ухом Тицо, вцепившегося мне коготками в тигеляй. – Его величество отлично пишет на аквилонском, а еще читает на немедийском и туранском!

– Какая разница! – отмахнулся Эртель. Наследник трона, больше похожий на развеселого молодого наемника, покачивался в седле и изредка бросал взгляд на самого крупного волка из сопровождавшей нас стаи. Словно говорил: «Скоро придем, не тревожься. А эти люди нам ничего плохого не сделают.»

– Так вот, – продолжил он. – Тотлант четыре седмицы назад, после приезда из Немедии, ушел со знакомым гномом... Конан, ты его помнишь, это Фрам, помогавший справиться с Бешеным Вожаком!² Они ушли по гномьим ходам, смогли многое разведать и вернулись живыми-невредимыми. За это Эрхард Тотланту пожаловал звание придворного волшебника и члена королевского Совета. Здорово, правда? Теперь мы настоящее королевство – у нас даже свой маг есть. Стигиец,

² В этой главе упоминаются события романа О. Локнита «Конан и Карающая Длань» (прим. переводчиков).

правда, но зато стигиец добрый, а не сволочь какая-нибудь, вроде Тот-Амона.

– Настоящее короле-евство, – передразнил я Эртеля. – У нас в Аквилонии, между прочим, колдунов при дворе не водится. Присутствие настоящего волшебника не говорит о величии государства.

– Какая разница! – повторил королевский племянник и обернулся к киммерийцу, – Конан, Тотлант очень хотел тебя видеть. Думаю, он обрадуется тому, что ты приехал. И Эрхард, конечно, тоже. И Эмерт из Боссонии...

– Ну и компания, – вздохнул король. – Все собрались под теплым крылышком Эрхарда! Честное слово, возвращаются прежние времена... Учтите, больше я с вами за сбрендившими оборотнями охотиться не пойду! Хватит, в прошлый раз набегались!

– А тебя никто и не просит, – произнеся эти слова, Эртель взгляделся в сгущающуюся тьму и вытянул руку. Лес поредел, перед нами предстала широкая долина, в центре которой поднимался крутобокий круглый холм с высоким замком без донжона. Замок окружали деревянные дома, обнесенные толстой примитивной стеной, собранной из земляного вала и длинных бревен. Тоже мне, столица...

Стража главных ворот, состоявшая из людей и небольшого отряда хирда гномов – последние были до глаз закованы в сталь и я удивлялся, как они могут таскать на себе эдакую тяжесть – пропустила нас беспрепятственно. Эртеля и Веллана узнали, а наследник трона распорядился не досматривать у гостей из Аквилонии подорожные. Положенный сбор за въезд в город тоже, разумеется, не взяли. Хорошо быть другом друга королевского племянника!

– Как все запущено... – вздыхал Мораддин, оглядываясь. Каменных зданий было совсем мало, по краям широких проездов стояли деревянные избы, кое-где на натянутых веревках сушилось белье, по заледеневшему снегу ходили, изредка поджимая красные лапы, раскормленные гуси, а двое пьяных гномов, шедших в обнимку, голосили заунывную песню на своем языке.

– А кому сейчас легко? – отозвался Эртель. – Впрочем, тебе, почтенный граф, надо было приехать сюда года четыре назад. Тогда на улицах лопухи росли, – племянник Эрхарда, выпустив поводья, развел руками, показывая величину лопухов. – Во-от такие! А теперь все благочинно. Дома отстроили, деревянные мостовые наложили...

– Мостовые, – я скорчил рожу. – Деревянные! Столица!..

– Столица, – серьезно подтвердил Эртель. – Почти тысяча дворов. Считая с гномами, жителей около восьми тысяч. Для Пограничья это очень много. Люди хорошо живут, в тепле, а некоторые даже в достатке. И пиво у нас хорошее...

Я не говорю, что много путешествовал. Так, поездил по Аквилонии, заглядывал в Пуантен и на полуночные области Зингары. Но в нашей стране поселения наподобие Вольфгарда обычно именовались селами или, на худой конец, поместьями. Захолустные дворяне обычно разрешали простолюдинам строиться вокруг замка.

Вольфгард удивлял человека, привыкшего к мраморным дворцам Тарантии или чистеньким, выложенным аккуратно обтесанными камешками, мостовым небольших аквилонских городков. Здесь – сплошь дерево, грубоватые дома и гавкающие из-за углов собаки. Хорошо, если бы породистые, а то шавки какие-то! И оборотни шастают. Дикари-с...

Эртель отпустил своего помощника-человека, махнул рукой волкам, на которых никто из жителей Вольфгарда никакого внимания не обращал (Светлый Митра, что бы сказали тарантийцы, увидев на улицах своей столицы стаю матерых хищников! Да голова начальника стражи мигом слетела бы с плеч!), и, увидев, что оборотни начали по одному расходиться по домам, повернулся к Конану.

– Едем во дворец, – он указал рукой в сторону громоздкой каменной коробки, стоявшей на холме. Слово «дворец» Эртель произнес с непонятной мне горделивостью. – Эрхард

обрадуется!

Я, Мораддин и Паллантид ехали вслед за увлеченно болтавшими о том, о сем киммерийцем, Велланом и Эртелем. Они про нас забыли. Зато мы втроем, как люди, привыкшие к настоящему столичному блеску, старательно перемысливали косточки теперешнему королю Пограничья и высказывали свое мнение обо всем, что попадалось на глаза. Мораддин был сдержан в суждениях, зато Паллантид, как человек военный, был прямолинеен. Во-первых, он, моментально оценив обстановку на улицах, заявил, что здешняя стража не стоит и медяка. Посмотрите, господа, три патруля одновременно встретились на одном углу. Что делают местные стражники? Не-ет, вместо того, чтобы доложить старшему по кварталу об обстановке и разойтись дальше, они встали у стены какого-то сарая и передают по кругу баклагу! Наверняка с вином! Во-вторых, на подходах к замку обязательно должны стоять заставы. Где они? Нет застав! В-третьих, этот хлев (Паллантид понизил голос, чтобы не обидеть Эртеля) может называться замком только у киммер... Простите, у варваров.

Мы с Мораддином старательно кивали. Граф Эрде, умудренный в делах обеспечения безопасности коронованных особ, немедленно вступил в спор с Паллантидом: где, мол, лучше устроить постоянные заставы и сколько патрулей должно находиться вблизи от дворца?

– Приехали! – возгласил Эртель, когда наши лошади поднялись к воротам небольшой каменной крепости, выростав-

шей из вершины пологого холма. Впрочем, какая это крепость, видимость одна! Больше смахивает на флигель тарантйского замка, используемый под склад. Здание квадратное, без главной башни. Одна стена протягивается шагов на сто, не больше. Стены невысокие, всего-то локтей десять. Только за одно похвалить можно – кладка добротная, недавно подновленная. Большие гранитные глыбы, скрепленные яичным раствором.

И, конечно, никакого этикета...

– Эй, – воззвал Эртель, когда наши кони остановились возле крепких, обшитых металлом ворот. – Гаут! Открывай! И побыстрее, к нам аквилонский король приехал!

Из бойницы над воротами донеслось:

– Эрт, это тебя принесло? Сейчас спущусь. Государь Эрхард еще два колокола назад спрашивал, вернулся ты или нет?

Тицо перебрался с моего левого плеча на правое и зевнул. Не понимаю, как это существо может спать почти целыми днями?

Эртель оттеснил назад Конана и Веллана, спрыгнул на землю с седла и тотчас одна створка ворот начала приоткрываться. Скрип стоял жуткий. Наверняка петли не смазывали со времен святого Эпимитриуса.

Десятник стражи по имени Гаут осмотрел наш отряд слегка пьяными, покрасневшими глазами, а потом воззрился на Эртеля:

– А кто здесь аквилонский король?

– Я, – ответил Конан. – Давай-ка мы сначала въедем внутрь. Без лишних разговоров, хорошо?

– Эртель, опять твои шуточки, – вздохнул десятник. – Какой это, в задницу, король? Это же Конан из Киммерии! Кстати, привет, Конан... Давно не виделись. Я твою рожу надолго запомнил. Ладно, проезжайте. Только чего вас так много?

– Я за всех ручаюсь, – поморщился Веллан. – Все свои. В конюшне свободные ясли есть?

– Полно, – Гаут махнул рукой. – Вчера королевских лошадей забрали для обоза. К немедийской границе. Нимед зерно продал, вот и нужно доставить.

Я тягостно вздохнул. Что же это за королевство такое, где собственных лошадей государя забирают для того, чтобы потом впрячь в сани, нагруженные мешками с зерном?

Мною ожидалось самое худшее – разваленная холодная конюшня, отсутствие конюхов и овса для лошадей, распрягать скакунов и снимать седла придется нам самим... Ошибся. Все было как раз наоборот. Гвардейцы лишь сняли дорожные сумы, а дальнейшим обустройством столь драгоценных в Пограничье ездовых животных занялись королевских конюхи. Правда, их было всего четверо (замечу, что в тарантийском замке конюхов почти пять десятков), но работали они споро.

– Где гвардейский караул у входа? – разорвался Паллантид,

подходя к дверям жилых помещений замка. – Граф Эрде, ты смог бы поручиться за безопасность своего короля в такой обстановке?

– Пожалуй, нет, – подумав, ответил Мораддин. – Уточняю – за своего. А вот Эрхард наверняка чувствует себя вполне привычно.

– Прекращайте такие разговоры, – прошипел Конан, обернувшись. – Почему вам все не нравится? Хальк, я, кажется, тебя уже просил – посади своего зверя в корзинку! Ходишь, будто бродячий актер! Учтите, Эрхард – мой старый друг, и если вы его обидите – обижусь я. Поняли?

– Как не понять, – ядовито заметил я. – Двое варваров всегда смогут найти общий язык...

– Именно, – серьезно подтвердил король. – Поэтому лучше молчите. Говорить буду я.

Мораддин, стоявший по правую руку от Конана, грустно вздохнул и произнес неслышно:

– Знаю я, чем кончаются твои разговоры. Плохо они кончаются...

Эртель распахнул двери и мы вошли в полутемный коридор первого этажа замка короля Пограничья. Полторы седмицы пути позади. Теперь можно отдохнуть. Хоть немножко.

Как я захотел домой! Силу моего желания невозможно выразить ни словами прозы, ни куртуазными висами. Да и прочие аквилонцы, исключая Конана, тоже чувствовали себя во «дворце» Эрхарда не слишком уютно. Холодно, сквозняки, в коридорах коптят факела. Пахнет кухней. Стены каменные, на ощупь ледяные. Однако подобные замки я встречал и в Аквилонии – пускай в коридорах холод пробирает до костей, но жилые комнаты изрядно натоплены и в них не то чтобы тепло, а даже жарко. Одна беда – очаг должен гореть постоянно, иначе обитатели поместья рискуют замерзнуть в собственных постелях.

– В тронный зал – направо, – невозмутимо сообщил Эртель и свернул в широкий коридор со стрельчатым потолком.

– Да-а... – прошептал Паллантид, подтолкнув меня локтем. Мы стояли у входа в помещение, только что поименованное племянником короля «тронным залом». – Впечатляет...

Зал был размером шагов тридцать на сорок. Неизменная солома на полу, куполообразный потолок, лавки вдоль стен. Трон стоял на каменной плите и представлял собой деревянное кресло с облезшей позолотой. Над тронном красовался герб, размалеванный яркими дешевыми красками – щит

разделен горизонтально на две части, в верхней половине на красном поле была изображена золотая королевская корона; в нижней, закрашенной белым – зеленели три дубовых листа, которые держала в зубах волчья голова.

У меня едва не пробились слезы умиления: около трона на соломе спали шестеро породистых охотничьих собак (явно привезенных Эрхарду в подарок чужеземцами). Рядом с ними бродили несколько кур, возглавляемых ярким оранжево-красным петухом, а на широких подоконниках выходящих во двор окон устроились трое серых гусей. Почему-то меня больше всего оскорбило то, что собаки, призванные охранять покой хозяина, при виде нашей оравы даже глаз не раскрыли, а гуси, наоборот, разгоготались, вытягивая длинные шеи.

– Деревня, – шепнул под нос центурион, но тут же осекся, перехватив грозный взгляд Конана.

– Кого принесло? – услышали мы твердый мужской голос. Было непонятно, откуда он донесся. Наконец, я увидел, что возле громадного, жарко пылавшего камина сидели двое людей. Прямо на полу. На подушках. Поднос, находившийся рядом с ними, был уставлен оплетенными лозой бутылками и глиняными мисками. Стало ясно – можно ехать домой. Почему? Самое невероятное мы уже увидели.

– Эртель, ты кого с собой привел? – подтянутый пожилой господин не очень высокого роста, облаченный в простой коричневый костюм охотника, встал и пошел к нам. Его сотра-

пезник, оправив черную долгополую хламиду, просто остался на месте, лишь повернувшись к нам лицом.

– Эрхард? – сощурился Конан и, с трудом придав голосу серьезность, изрек: – Приветствую тебя, царственный брат мой...

– Явился! – хмыкнул седоволосый. – А гонца прислать не мог, что приезжаешь?

– Ты знаешь, дядюшка, – медоточивым голосом начал Эртель, – варвар нас спасать приехал...

– Заткнись, – оборвал племянника король Пограничья. А это был именно он.

– Ну, во-первых, – прогудел Конан, – здравствуй. Рад тебя видеть. Во-вторых, ты, кажется, посылал за мной?

– Здравствуй, здравствуй, – спокойно кивнул Эрхард. – Устали, наверное, с дороги? Эй, Тотлант, приготовь всем вина!

– Я вам что, виночерпий? – возмутился человек в черной одежде, вскочил с подушек и быстро зашагал к нам. – Привет, варвар. О, граф Мораддин! Все-таки мы снова увиделись. А где наш оборотень?

– Который? – буркнул Веллан. – Я, что ли?

– Именно ты, – смуглый стигиец улыбнулся, показав ослепительно белые зубы. – А позвольте узнать, кем являются остальные гости?

– Здравствуй, Тотлант, – кивнул Конан. – Лет пять, кажется, не виделись?

– Меньше, – ответил стигиец, стараясь не замечать любопытных взглядов гвардейцев. Я, впрочем, тоже рассматривал придворного волшебника Эрхарда не без интереса. Если этот колдун сумел добиться расположения Конана – значит, в Стигии еще рождаются приличные люди... Тотлант продолжал говорить, глядя на нашего короля: – Рад, что ты получил мое письмо. Понимаешь ли, я начинаю всерьез бояться...

– Чего? – спросил Конан.

– Будущего, – уклончиво сказал Тотлант. – Кстати, Эрхард просил сделать вам вина? Подождите немного.

Тотлант зажмурился, быстро пробормотал под нос несколько фраз с обилием свистящих звуков и вытянул вперед руки. На миг сгустилось облачко тумана и вот уже стигиец держит раздувшийся темный бурдюк. Гвардейцы изумленно зашептались.

– Так спиться можно, – хихикнул Эртель. – Бесплатное вино каждый день, да еще не какое-нибудь, но розовое асгалунское. Не понимаю, как это у тебя получается?

– Ума нет, вот и не понимаешь, – беззлобно огрызнулся стигиец. – Креационное заклинание требует много сил, а еще больше мозгов.

– Мозгов? – расплылся в улыбке племянник короля. – Ты делаешь вино из чьих-то мозгов?

– Отстань, – поморщился Тотлант, умело развязывая горловину бурдюка. – А еще лучше – принеси кружки и поставь

на стол. Здесь тебе не Бельверус, слуг нет.

В самом углу тронного зала громоздилось величественное сооружение из грубых досок, которое столом можно было назвать лишь с большой натяжкой. Однако мы все сумели разместиться вокруг этого чудовища, порожденного болезненной фантазией местного плотника и разобрать чарки, принесенные Эртелем и Велланом. Отчасти этикет был соблюден – Эрхард посадил рядом с собой Конана, по левую руку – Тотланта, а остальным сказал рассаживаться, как душе угодно. Слуги все-таки нашлись – пока мы пили созданное Тотлантом буквально из воздуха отличное шемское вино, на столе появились блюда с холодным мясом, хлебом и редкой для этого времени года в Пограничье зеленью. Посуда, конечно, была самая простецкая – глиняная или медная. Только Конану и Эрхарду подали серебряные кубки и тарелки.

По местной традиции, после первого кубка все представились – по кругу. Эрхард с серьезным выражением на лице выслушивал сложные имена и гордые титулы наших гвардейцев, милостиво перебросился парой слов с Мораддином, а затем очередь дошла до меня. Я поднялся с жесткой скамьи и слегка поклонился королю Пограничья.

– Хальк, сын Зенса, барон Юсдаль-младший.

Конан усмехнулся и проворчал:

– Он же хранитель библиотеки, летописец и полное подобие Эртеля. Заговорит кого хочешь.

– Очень рад, господин барон, – учтиво сказал Эрхард. – Надеюсь, тебе понравится наша страна. А позволь узнать, что это за странный зверек?

Тицо сидел на задних лапках у края стола и недоумевающе пялился на короля Пограничья своими небесно-голубыми глазками.

– Это, – я запнулся, придумывая, как бы объяснить Эрхарду происхождение маленького существа. – Это мое домашнее животное. Вернее, Тицо не совсем животное. Он разумен, как мы, только его развитие остановилось на возрасте десятилетнего ребенка человека. Так мне кажется...

– Интересно, – хмыкнул старый король. – Ладно, господа. Теперь мы знаем друг друга по имени. Надеюсь, мне самому представляться не нужно? А с Тотлантом и Эртелем вы уже знакомы. Я счастлив разделить с вами стол.

Обед – достаточно вкусный и обильный – прошел в неловком молчании. Почти все, кроме хозяев замка, и, конечно, Конана, чувствовали себя неловко. С каких это пор обычную гвардейскую стражу допускают за королевский стол? Однако Эрхард счел себя обязанным накормить нас всех, и лишь когда яств на столе заметно поубавилось, подозвал Эртеля:

– Вот что, племянничек. Во дворце мы всех разместить не сможем, поэтому проводи господ гвардейцев в «Корону и посох». Хозяину скажи – постой оплатит король. И пускай отнесется к гостям с почтением, – Эрхард повернулся к Палландиду и спросил: – Думаю, центурион не будет возражать

против неплохой гостиницы за королевский счет?

– Если не будет возражать мой господин, – Паллантид покосился на киммерийца. – То я лишь подчинюсь.

– Отправляйтесь, – махнул рукой Конан. – Мне здесь ничего не угрожает.

После того, как Черные Драконы ушли, а со двора донеслись их радостные голоса (фактически, гвардейцы получили полный вечер, свободный от службы), Эрхард распорядился убрать со стола, принести кресла для гостей и бочонок ягодного вина, очень любимого в Пограничном королевстве.

Мы разместились возле жаркого камина, Тотлант по стигийской привычке устроился прямо на полу, на подушках, а Конан, отведав пахнущий ежевикой и малиной напиток, потянулся и сказал:

– Эрхард, может, отложим неприятные разговоры до завтрашнего утра? Не хочется сейчас выслушивать истории о ваших неприятностях. Думаю, подземные твари за ночь не сбегут?

– Это верно, – подтвердил король. – О, Эртель вернулся! Эй, давай к нам!

Эртель пришел не один. Королевского племянника сопровождали двое личностей, одна из которых была мне насквозь знакома – высокоученый хранитель анналов карт Аквилонского королевства, благороднейший месьор Евсевий Цимисхий собственной персоной. Конан аж скривился, увидев этого высокого черноволосого господина – киммериец предви-

дел, что сейчас произойдет. И точно...

– Привет тебе, о достопреславный владыка земель закатных и полуночных! – Евсевий куртуазно раскланялся, шаркнув правой ногой по устланному грязной соломой полу. – Сколь велика радость моя при лицезрении славного государя, почтившего своим вниманием сей отдаленный предел, в коем я пребываю вот уже в продолжении...

– Евсевий, остановись! – простонал Конан. – Поверь, я тоже очень рад тебя видеть. Однако если ты начнешь разговаривать не по-людски, мое величество разгневается.

– Умолкаю по твоему лишь повелению, о царственный, – аквилонец изящно поклонился и, подвинув скамью поближе к нам, попросил разрешения сесть. Конан только рукой махнул.

С Евсевием я познакомился еще во времена учебы в Тарантийском Университете. Этот дворянин, всецело отдавший себя науке с умным названием «география», преподавал нам основы составления карт и науку о минералах. Затем, после смерти Нумедидеса, он занял должность при дворе короля Конана. Я слышал, что Евсевий не так давно участвовал в одной из самых таинственных авантур киммерийца, связанной с поездкой в провинцию Темра. Что они там делали – я так и не выяснил.³

В последнее время Евсевий странствовал по королев-

³ Упоминаются события романа А. Мак-Дуфа «Служители Бездны» (прим. переводчиков).

ствам Полночи и Восхода, в Пограничье жил уже две полных луны, пользуясь благосклонностью Эрхарда, а заодно обучая наследника (как я уже понял, редкостного оболтуса) различным наукам.

Следом за Евсевием и Эртелем шел человек среднего роста, в небогатой дворянской одежде. На вид ему было лет сорок, полноватый, но ничуть не толстый, сутулый, с почти незаметными залысинами и пристальным взглядом вечно сощуренных близоруких глаз. Человек выглядел очень спокойным, но одновременно настороженным.

– О, почтенный Стефан! – Эрхард вскочил с кресла, буквально подбежал к этому незаметному человеку и усадил его на свое место. – Господа, Конан, вы разве не знакомы?

– Нет, – покачал головой наш король. – А что, должны быть?

– Возможно, – тихо сказал незнакомец, – обо мне ходит множество разных слухов...

– Стефан Король Историй, из Замковой Скалы! – торжественно провозгласил Эрхард. – Лучший рассказчик и сочинитель стран Заката!

– Ну, скажем так, не лучший, – скромно заметил Стефан, опуская глаза. – Таковым я считаю великого сказочника Петрониуса Тарантийского...

Зал погрузился в тишину. Конан удивленно поднял брови, Мораддин открыл рот, я привстал, а Тицо, неслышно зевнув, заснул.

– Очень рад вас видеть, господа, – не повышая голоса, сказал Стефан. – Если хотите, я вам что-нибудь расскажу нынешним вечером...

* * *

Сколько раз я давал себе клятву, что больше не стану пить с Конаном и его приятелями-варварами? Не упомяну уже... Одного понять не могу – почему каждый раз я нарушаю данное самому себе обещание?

Изрядно покачиваясь, держась одной рукой за холодные каменные стены коридора, а другой сжимая загривок вцепившегося мне в грудь Тицо, я добрался до отведенной мне комнаты неподалеку от тронного зала.

Дверь вначале долго не открывалась. Я ее толкал рукой, плечом, несколько раз ударил ногой, едва при этом не упав. Спасибо пожилому стражнику, проходившему мимо: видя мои мучения, он просто потянул дверное кольцо на себя. Естественно, что дверь открылась.

Покои нам предоставили неплохие. Квадратные комнаты, стены которых покрывала деревянная обшивка, с огромной кроватью и не менее громадным камином. Обязательная поленица из сухих березовых дров – если ночью станет холодно, поленья всегда можно подбросить в очаг. Стол с мед-

ным тазиком для умывания, кувшином непременно ягодного вина и блюдом с какой-никакой едой. Мои вещи уже перенесли в спальню, но разбирать их прямо сейчас не было никакого желания. Скорее спать... Позади долгий путь от Тарантии до Вольфгарда, вечерняя пьянка с Эрхардом, Конаном и остальными, а завтра предстоит выяснить, что же происходит в Граскаальских горах и насколько велика угроза нового появления зеленого огня...

Конан, памятуя о неприятных событиях последних дней, связанных с убийством гвардейцев, приказал обязательно запираться комнаты на засов, но я пропустил слова варвара мимо ушей. Сейчас было не до того. Главное – дойти до постели, при этом не упав и не своротив стол.

Глянув на кувшин с ягодным вином, я с унылой миной отвернулся. Очень уж оно обманчиво: на вкус приятно, чуть сладковато, пахнет лесом и, если так можно выразиться, солнечным светом, но... Трех кружек хватает, чтобы довести человека до скотского состояния.

Потрясающе! На теплом пледе, покрывавшем кровать, обнаружили нижние штаны и рубаха, причем чистые и, скорее всего, совершенно новые. Посадив Тицо в корзинку и защелкнув замочек на крышке, я сбросил одежду, передел белье и нырнул под плед. Льняные простыни были ужасно холодными.

Комната освещалась пляшущим оранжевым светом камина и четырьмя тусклыми масляными лампами. Уснуть я вна-

чале не смог – мешали шум в голове и мое слишком развитое воображение. Молодец Стефан, отличную сказку рассказал, кажется, всех пробрало, даже Конана!

...Стефан, по прозвищу «Король Историй», родом происходивший из поместья Замковая Скала, был дворянином, однако вместо того, чтобы поддерживать славу своего рода воинской доблестью, он, по мнению отца, начал маяться дурью. А именно: его с детства увлекали различные жуткие сказки и истории. Затем, научившись писать, Стефан начал собирать легенды для своей библиотеки, а после совершеннолетия он ушел из дома, начав зарабатывать на жизнь рассказами о чудовищах в трактирах и богатых домах.

Слава пришла к нему лет в двадцать пять. Случайно Стефан оказался в Бельверусе, где был принят младшим сыном короля, Ольтеном. Принц был еще юн и заслушивался страшными и необычными рассказами о демонах, вселившихся в самые привычные вещи, о вампирах или сумасшедших. Ольтен представил сказочника отцу и на одном из дворцовых вечеров Стефан постарался – от заката до полуночи он рассказывал королю и придворным невероятную историю о необычной лавке, хозяин которой мог продать желающему любую вещь за полцены. А за вторую половину стоимости он предлагал человеку невинно пошутить над одним из знакомых...

В тот вечер Нимед, слушавший Стефана, затаив дыхание, сказал:

– Я – король Немедии, а ты – Король Историй...

С тех пор и начали Стефана называть королем страшных сказок и невероятных повествований.

Сегодня вечером Стефан, загордившись тем, что его будут слушать сразу два короля, наследник трона, немедийский граф и аквилонский барон, рассказал длинную и, разумеется, очень мрачную историю, сочиненную им самим.

Я много раз читал списки с его сочинений, да и Мораддин у себя в Бельверусе тоже, но читать и слушать – это две совершенно разные вещи. Стефан говорил и за себя самого, и за героев своей повести, искренне переживал за них, вмиг превращаясь из толстого зингарского судьи в аргосского старика-колдуна, содержавшего бродячий театр... Суть сказки была вот в чем: толстяк-судья невольно послужил причиной гибели прекрасной дочери старика и не понес никакого наказания. Колдун наложил на судью проклятие и тот вскорости превратился из дородного, разжиревшего человека в живой скелет. Долго рассказывать, что было дальше. Только известно, что несправедный судья и его приятель-контрабандист были наказаны, а старик ушел дальше странствовать...

Конан во время рассказа переживал как ребенок. Больше всего король жалел контрабандиста, искреннее желавшего помочь своему приятелю-судье, и в конце концов погибшего от рук родственников колдуна.

Вполне естественно, что пока Стефан Король Историй говорил, мы прикладывались к кружкам с ягодным вином

и, когда рассказчик умолк, изрядно захмелели. Конан подарил Стефану собственный кинжал, украшенный королевским вензелем – «Конан Канах» – а потом начал доказывать, будто слышал эту историю и даже был знаком с помянутым судьей. Разумеется, при неприятных для самого себя обстоятельствах... А Стефан поверил. Или сделал вид, что поверил.

Постепенно я начал засыпать и на зыбкой грани между сном и явью перед моим мысленным взором проносились все герои этой истории – старый, с изъеденным редкой болезнью носом, колдун; красавец контрабандист с острой зингарийской бородкой и толстяк судья... Наверное, потом я заснул. Какие были сны – не помню.

...Я ощутил резкую боль у наружного края правой глазницы. Далее что-то холодное и очень острое соскользнуло по виску к уху. В чем дело?!

Действовал инстинкт – я взмахнул рукой, моментально перевернулся набок и со всей возможной быстротой отполз к левому краю постели. Там, на полу, лежал мой меч. И, конечно же, я закричал.

Как вы думаете, сколь сильно может испугаться человек, полный вечер слушавший страшную историю про таинственных убийц и колдунов, изрядно напившийся, и просыпающийся от прикосновения острия ножа? Я тогда был уверен, что умру со страху. Через затуманенное сном сознание проскочила мысль о неведомом убийце, покусившемся внача-

ле на Энунда, а позже убившего двух гвардейцев из десятка Паллантида... О боги, их всех поразили ударом кинжала в глаз!

– Про-очь! – заорал я. – Убью!

Рука сама нащупала рукоять меча и я, ощущая, как по правой щеке течет кровь, начал рубить клинком воздух. Я ничего не слышал – может быть, убийца успел выскочить, тем более, что пол устирал потертый, но толстый туранский ковер. А может быть, я просто боялся даже повстречаться с существом, названным нашим бритунийцем-оборотнем «чужим».

– Быстрее все ко мне! – продолжал надрываться я, размахивая мечом перед собой. В комнате было темно – камин прогорел и теперь в очаге лежала лишь кучка тусклых угольков, а в масляных лампах погасли фитили. – Конан, Веллан, сюда!

Дверь распахнулась. Это наш король ударил по ней ногой, влетел в комнату, сжимая в руке клинок и остановился возле камина в боевой стойке – ноги полусогнуты, меч держится на вытянутых руках перед собой. Вслед за Конаном в покой ворвались Веллан, Мораддин и Эртель. Они несли смоляные чадящие факелы.

Конан осмотрелся и внезапно опустил меч.

– Чего орешь? – жестко спросил он. – Весь замок перебудил. Нет никого... Вот демоны Серых Равнин, Хальк, почему на тебе кровь?

– Никто ничего не говорит, – Мораддин передал факел Веллану и быстрым шагом подошел ко мне. – Месьюр Хальк, повернись лицом к свету. Отлично! Та-ак, могу сказать одно – тебе повезло. А во-вторых, убийца во дворце.

– Какой убийца? – вскипел Конан. – Мораддин, ты о чем?

У меня сильно болел висок и я чувствовал, что из раны, протянувшейся от края глазницы до уха, продолжает течь кровь. Граф Эрде вытащил из рукава рубахи льняной платок, сложил его и отдал мне – приложить к ране.

– Что ты запомнил? – коротко спросил меня Мораддин. – Рассказывай!

Я честно ответил, что ничего не помню. Пришел, лег спать, потом проснулся от удара ножом в голову (Мораддин оглядев пол возле кровати, нашел мой же кинжал), начал звать на помощь...

– Повезло, – Веллан, Эртель и Конан подошли ко мне, а король осмотрел рану. – Если тебя били в глаз, как и остальных, то... Мораддин, глянь. Острие ударило по косточке с края глазницы, но соскользнуло наружу. Хвала Митре и Крому, только распороло кожу...

– Чуть выше проходит жила, – проворчал Мораддин. – Если бы ее задела, крови было бы во сто крат больше. Хальк, тебе лекарь не нужен?

– Какой, к демонам, лекарь? – взвыл я. – Нас тут всех перебьют! Вы понимаете, что если раньше подозрение могло упасть на меня или на Веллана, то теперь я могу подозревать

каждого из вас!

– Следовательно, – заметил бритуниец, – кто-то очень хочет нас поссорить. Хальк, вспомни еще раз, может быть, ты видел хотя бы тень человека, чувствовал его дыхание, слышал шаги? Хоть что-нибудь!

– Ни-че-го! – по слогам произнес я. – Понятия не имею, что это было. Призрак! Бестелесный демон! Домой хочу, надоело!

– Заткнись, – буркнул король. – Ты почему дверь не закрыл? Я, кажется, всех просил закрываться на ночь. Такой засов выдвинуть снаружи невозможно.

– Забыл, – признался я и смущенно опустил голову. – По пьяни...

– Так! – Мораддин выступил вперед. – Все происходящее мне решительно не нравится. С позволения короля Конана, – граф хитро посмотрел на киммерийца, – ведь ты позволишь? – мы будем спать в одной комнате. Перетащим туда кровати. Или можно просто спать на полу. Утром надо отослать Веллана в гостиницу, проверить, все ли хорошо у Паллантида и его людей. Если там ничего не случилось, значит, убийцей является кто-то из присутствующих.

– Ты головой повредился, – соболезнующе заметил Конан. – Ну скажи, зачем мне, тебе или Веллану убивать Халька? Бред.

– А я вообще ни при чем, – подал голос Эртель, посейчас молчавший. – Насколько я понял, убийства начались еще в

Тарантии?

– Начались, начались, – Конан огорченно вздохнул. – Я вот о чем думаю... Может, кого-то из нас околдовали? Человек по приказу какого-нибудь волшебника ночью убивает, не сохраняя воспоминаний об этом наутро. Или рядом с нами находится бестелесная тварь, получающая воплощение только ночью. Такое бывает, видел не раз... – Конан поднялся с края моей кровати и решительно приказал: – Хальк, Мораддин, Веллан, перетаскивайте свои вещи в мою комнату. Эртель, будь добр, прикажи страже постоянно находиться в этом коридоре. Скажи, что король Аквилонии заплатит тысячу золотых сестерциев, если стражники обнаружат поблизости либо незнакомого человека, либо увидят существо, не принадлежащее к нашему миру и опишут его. Возьмешь потом у меня золото, чтобы вознаградить стражу за лишнее бдение.

– Хорошо, – кивнул племянник короля Пограничья. – Конан, пойми, мне самому неприятно. Все-таки вы гости... А тут покушение на убийство. Я сделаю все, чтобы вы были в безопасности по крайней мере до рассвета.

Мы все сделали по приказу Конана. Я, Мораддин и Веллан покинули свои комнаты, собрались в покое, отведенном киммерийцу, и, заперев дверь на засов, на всякий случай подперли ее толстыми поленьями. Вещи переносили вместе. Тицо спал в корзине, не обращая внимания на царившую вокруг суматоху, и я поставил его маленький домик неподале-

ку от камина, чтобы зверьку было тепло.

Выпив по стаканчику ежевичного вина, мы заснули. Конан и Веллан расположились на кроватях, а мы с Мораддином устроились на полу, завернувшись в теплые клетчатые пледы и плащи из куньих шкур. На всякий случай наше оружие – от мечей и боевых топоров до обычных ножигов для разрезания хлеба – мы сложили в большой сундук. Ключ от него Конан прицепил себе на цепочку, висевшую на шее.

До рассвета не произошло ничего необычного.

* * *

Рано утром – небо на востоке едва начало сереть – мы вчетвером проснулись. Конан сразу начал распоряжаться: сейчас Веллан и Мораддин отправятся к Эрхарду и расскажут ему о ночном происшествии. Хальк пускай одевается и идет со мной – в гостиницу «Корона и посох», проверить, как дела у Паллантида и его подчиненных. В полдень король Пограничья хотел собрать Совет и потому с полдненным колоколом нам всем необходимо быть в тронном зале. Будем решать, что делать.

Зря я жаловался, что замок короля Эрхарда холодный и неуютный. Каково человеку выходить из натопленной комнаты в продуваемый всеми сквозняками коридор, а затем

на улицу? Снаружи был мороз, с крыш свисали длинные сосульки, а воздухе кружилась мелкая снежная пыль. День обещал быть солнечным – светило, поднявшись из-за дальних, едва заметных отсюда вершин Кезанкийских гор, бросило оранжевые лучи на Вольфгард и разогнало редкие облака.

Этим утром столица Пограничья показалась мне более приветливой и спокойной. Вчера я устал и был в дурном настроении, а потому все окружающее виделось в черных красках. Пускай ночью меня пытались убить, пускай я изрядно замерз, спав на полу, но, увидев поднимающееся к небу ровные струйки дыма от очагов, услышав приглушенное мычанье коров и чириканье красногрудых снегирей, я оттаял. Я происхожу родом из очень дальней аквилонской провинции, замок моего отца (не в обиду королю Эрхарду будь сказано) очень похож на «верхний город» Вольфгарда. Благостная патриархальность, спокойствие и древнее благочиние...

Мы с Конаном, облаченным в короткую меховую куртку и круглую шапку из меха чернобурки, беспрепятственно прошли через ворота квадратного замка Эрхарда, спустились вниз по дороге, ведущей с холма, и киммериец уверенно повел меня в сторону приземистого бревенчатого дома, на котором красовалась удивительно изящная для варварского Пограничья вывеска: «Корона и посох. Комнаты для проезжающих и вкусная еда. Содержит мэтр Хек Далум.» А еще на вывеске были старательно нарисованы указанные корона и посох, оплетенные сосновыми ветками.

– Изменилось все, – сказал мне Конан, кивая в сторону гостиницы. – Я здесь был четыре года назад. Вывеску новую повесили, дом отремонтировали... Глянь, новую конюшню пристроили...

– Эй!.. – оборвал слова короля резкий басовитый крик. – Это ты мне мерещишься?

«Сколько же у киммерийца приятелей в Пограничье? – подумал я, уяснив, что возглас незнакомца относился к Конану. – А по всему миру? Не удивлюсь, если у нашего варвара-короля найдутся знакомые и в Кхитае, и даже в сказочной Вендии...»

– Фрам! – заорал Конан. – Дубина длиннобородая! Ты откуда здесь?

– Опять гномы, – проворчал я себе под нос. И точно – перебираясь через сугробы, к нам бежал довольно высокий для своего племени (мне по подбородок) чернобородый подгорный карлик. Добротная зеленая одежда, непрременный капюшон, черные сапоги и обязательный топор за поясом. Гномы очень любят боевые топоры – национальное оружие.

– Конан, как я рад тебя видеть! – вопил гном. – Пойдем выпьем в «Корону и посох»! За встречу! А у нас тут такое случилось! Слушай, а ты зачем приехал? Опять работу наемника ищешь?

Конан наклонился, по-братски обнял гнома и сразу повернулся ко мне.

– Хальк, это Фрам, сын Дарта, по прозвищу Мрачный.

Фрам, это Хальк, аквилонский барон. Он мой друг.

– Друзья Конана – мои друзья, – очень почтительно, как умеют одни только гномы, поклонился Фрам. – Ты тоже наемник, господин Хальк?

– Не совсем, – отрекся я. – Вообще-то я служу в библиотеке аквилонского короля. То есть короля Конана Первого.

– Что, в Аквилонии король сменился? – удивился гном. – Здорово! Знаешь, Конан, самое смешное в том, что тебя и его зовут одинаково!

– Пойдем в трактир, – рассмеялся киммериец. – Там все объясню. Плачу я.

– А чего это ты такой богатый? – Фрам прищурился. – Опять кого-нибудь ограбил, старый разбойник? Пошли, пошли, мне кое-кто из наших задолжал за игру в кости и я тоже пива поставлю! Не тебе одному разоряться...

Киммериец подошел к двери трактира и толкнул ее ногой.

– Проходите, господа мои, – сказал он. – Сегодня Конан Канах всех угощает, потому что встретился со старым другом. Фрам, тебе какое пиво больше нравится – светлое или темное?

ДОКУМЕНТ

Лист дневника путешествия Хранителя путевых

карт королевства Аквилонского Евсевия Цимисхия в земли королевства Пограничного и горы Граскаальские, кои королевство помянутое от земель Гиперборейских отделяют.

После вновь направился король Конан в горы, дабы окрестность вершины, что Небесной горой у народов, там проживающих, именуется осмотреть и во всем том, что о месте упомянутом допреж поведено ему было, убедиться самолично.

Сопровождение же короля, как и пристало мужу, положение столь высокое имеющего и достославного весьма, хоть и не презрительно было на сей раз числом и великолепием и пышностию замечательною не отличалось, но из дворян и иных мужей титулованных и рыцарей славных и доблестных состояло, из коих паче всего назвать подобает

«длиннющий и скучнейший список с перечислением имен, званий, заслуг и прочих регалий и заслуг»

Дорогою же к горам означенным миновали они селения, и деревни и жилища, одне стоящие, пейзамам и пастухам принадлежащие и скудные прискорбно имуществом своим нехитрым, и скарбом всяким, и тако же землями плодородными и угодьями, для выпаса потребными, а посему и людми в числе своем не весьма изобильными.

И се, узрев таковую бедность вопиющую, буйством стихий и демонов злобных усугубленную гораздо, и отсутствие

у народа здешнего пищи, и орудий и вещей пусть не для преуспеяния, но бытования всякой твари человеческой приличествующих и необходимых вседневно и всечасно, умилится король наш в сердце своем и жалость превеликую к страдальцам сим испытал.

Засим из невеликой доли казны при нем случившейся, для издержек путевых, бенефиций и раздачи милостыни предназначенной, наделил от щедрот своих королевских и из милости монаршей и сочувствия людей сих, положение коих превеликой жалости достойно есть, < > монетами.

А надо сказать, что король наш всегда и повсеместно поступал таким же образом, ибо в душе был праведен, а сердцем милостив и беззлобен, в чем юности, а равно и мужам зрелым пример зело изрядный и назидательный благочестия и добродетели узреть надлежит и поступать подобно следует.

Далее же углубились они в местность пустынную, каменистую изрядно и горами и скалами изобилующую. А дорога и вовсе плоха сделалась, и лишь радению и заботам короля Эрхарда и подданных его обязаны были путники тем, что чрез препоны и потоки горные, во множестве на пути встречавшиеся, переправлялись без труда излишнего. Зане, как есть все мосты сотрясениями и корчами тверди земной уничтожены были, издал король сей указ о незамедлительной починке оных, что и было исполнено с усердием похвальным. В тех же местах, где таковая починка невозможна

была вскорости, зрели мы мосты из толстых бревен, со всей возможною поспешностью и тщанием превеликим наведенные. Что же до грязей прегнусных и неровностей, дорогам сим присущих, о том зело скорбеть не подобает мужам доблестным. Вот и не скорбели.

Гора же, именуемая пиком Ветров Бушующих, велика гораздо, и над окрестностию господствует. А вокруг нея и иные горы есть во множестве, и велики гораздо. И узрел король, что вся окрестность та огнем попалена и ямами изрыта, а тако же и трещинами испещрена, аки кора древесная, и трещины те глубоки весьма, поелику предмет, в оную трещину опущенный, падал предолго, и успели счесть до четырех десятков, допреж голос от падения его, слабый изрядно, услышали. А была земля и каменя там теплы гораздо, будто кто их до того огнем великим грел или же в кипятке варил, и в иных местах до того горячи каменя делались, яко и ступить на оные в сапоге с подметкою толщины дюймовой зело горячо было, а от земли же пар воскурялся. Поелику же каменя помянутые сухи были, заключаю я по разумению своему, что причиною теплоты оных огонь послужил, зане если бы случились в тех местах воды подспудные, горячие зело и на свет с шипением и паром извергающиеся, то озер малых, ручьев и иной влаги случилось бы там изрядно, а каменя мокры бы сделались оттого. Земля же королевства Пограничного влагою доброй всегда скудна была, а горные местности и подавно. Огонь же тот, мною наблюдаемый допреж,

из недр извергшийся и твердь расчленивший, а тако же и с небес павший, зол был гораздо, и все умертвил и пожег. Люди же прежде короля в месте том побывавшие и время изрядно там провелише после хворали тяжко. Король же, о том упрежден будучи, пребывал там не весьма долго. А поелику телом и духом крепок вельми, то по благоволению Митры Солнцезарного не умалился крепостью своей отнюдь.

Свидетельствую и руку к сему приложил Хранитель путевых карт королевства Аквилонского Евсевий Цимисхий.

Глава третья

МОРАДДИН,

ЧЕТВЕРТЫЙ РАССКАЗ

**Пограничное королевство, предгорья Граскааля
15–17 дни третьей осенней луны**

«...Переход короля Аквилонии и сопровождающих его лиц из Тарантии в Пограничье можно было бы назвать весьма заурядным. Отряд не встретил на своем пути ни одной из поджидающих путника трудностей, к коим относятся грабители, неблагоприятные погодные явления, слишком бдительная или, наоборот, пренебрегающая своими обязанностями стража различных границ, и прочие непереносимые тяготы дорог.

Однако в путешествии случились некие события, заставившие всех с настороженностью относиться к своим попутчикам. Неизвестный злоумышленник, сумев остаться никем не замеченным, несколько раз покушался на жизнь людей из свиты и охраны короля, причем характер его действий заставил заподозрить использование магии или, что было еще хуже, предательство кого-то из числа находящихся подле короля...»

Из «Синей или Незаконной Хроники» Аквилонского королевства

Я многократно задумывался над одним, пожалуй, самым важным для меня вопросом: каким образом сын гнома и женщины-человека мог добиться столь высокого положения, которое ныне занимаю я, Мораддин, граф Эрде, к тому же (если учитывать наследные права моей жены Ринги) барон Энден? В сущности, Конан Канах тоже начинал свою невероятную карьеру с обычного шадизарского воришки, а теперь наш варвар стал аквилонским королем. Замечу, что благоразумия и своего рода управленческой гениальности у киммерийца премного. Он сумел примирить соперничающие дворянские семьи Аквилонии (у Нумедидеса это не получилось), за полгода успел провести реформу армии, стойко противился заговорщикам и влиянию чужеземных держав... Наверное, здесь сыграли свою роль варварское здравомыслие, недоступное подданным цивилизованных стран, и врожденная способность сметать с пути любых противников, будь они дикими гирканскими кочевниками или благороднейшими дворянами-аквилонцами.

Я даже немного горжусь Конаном. Мы путешествовали вместе всего несколько месяцев, и было это полных пятнадцать лет назад. Однако киммериец сумел перенять от меня понятие чести настоящего воина, способность мыслить трезво в любой ситуации и самое благородное качество бойца –

убивать только врага, который хочет убить тебя, но щадить покорных и не влезających в драку.

Правда, Конан до сих пор открывает двери ногой. Но это можно списать на его молодость – тогда варвар был лишь одним из многих плебеев... Однако теперь Конан Канах действительно может именовать себя королем Аквилонии. Почему? Очень просто: за прошедшие годы он на своем опыте получил то, что ученые мужи называют «мудростью». Сказались двадцать лет странствий, разнообразные поприща – от пирата и контрабандиста до телохранителя и гвардейца одной из самых блистательных королев Заката – Конан стал человеком, умудренным годами и познаниями о жизни человеческого рода. А потому киммериец – добрый король, а не тиран, расчетливый владыка, не склонный тратить деньги казны на бесполезные дела, и просто хороший человек. Пускай и со странностями. Думаю, мои последние слова верны.

Пожалуй, нужно вернуться к своей персоне. О Конане Канах будут писать хронисты в своих летописях, а я, скромный подданный Его величества короля Нимеда из династии Эльсдорфов, владык Заката, могу лишь рассказать о себе сам...

Почтенный Гай Петрониус, второй после Стефана Короля Историй сказочник и сочинитель стран Закатных пределов Хайбории, неоднократно выводил меня одним из действующих лиц своих невероятных и чудесных историй, связанных с легендами о короле Конане. Я вам скажу прямо и честно – Петрониус не совсем прав. Да, действительно, Морад-

дин (то есть я сам, выступающий в его рассказах под именем Морадан) путешествовал вместе с Конаном из Киммерии от Султанапура до Бельверуса, в это время мы вдвоем попали в несколько неприятных историй... Но приписывать мне, как это делает Гай Петрониус, некоторые дела, свершенные Конаном, абсолютно не следует.

Мораддин, сын Гроина, появился на свет почти шестьдесят лет назад. Моим отцом был гном, один из старейшин клана, по имени Гроин, сын Фарина. Матерью была самая обычная женщина-бритунийка. От нее я унаследовал серые глаза и привычное для жителей Бритунии спокойствие характера, а от отца – редкие для человека силу и ловкость, небольшой рост и долголетие. Мне скоро исполнится шестьдесят, но выгляжу я не более чем на тридцать лет, по-прежнему чувствую себя здоровым и сильным.

Судьба однажды сделала меня гвардейцем великого государя Турана, императора и самовластного правителя Илдиза. Пусть Эрлик и Нергал упокоят его душу на Равнинах Мертвых! Я сумел дослужиться до чина капитана тайной гвардии Илдиза, но потому, что далеко не все придворные Его величества имели понятие о чести, я стал «белой вороной». Они добились моего разжалования, император сослал меня на рудники в Кезанкии обычным надсмотрщиком, но...

Боги сделали так, чтобы Конан Канах был заключен именно в ту штольню, над которой я надсматривал. Долго рассказывать эту историю. Лучше почитать сочинения Гая Петро-

ниуса – сказочник (что удивительно для него) почти не наврал. Наши с Конаном приключения описаны истинно. Почти. Однако иные рассказы Петрониуса грешат против действительности.

Впрочем, это неважно.

Я могу это назвать «божественным провидением», «судьбой», «стечением обстоятельств», но получилось так, что с помощью и при прямом участии Конана я тогда познакомился с моей будущей женой Рингой, поступил на службу в Немедийскую канцелярию, а позже стал главой этого почти незаметного учреждения – Вертрауэна... Не знаю, почему герцог Лаварон приказал оставить меня своим наследником. И вот уже десять лет я стою на страже безопасности своей новой родины, земли, на которой родились мои дети, и страны, которую я полюбил всем сердцем. Теперь Мораддин, сын Гроина, выросший и воспитывавшийся в Туране – немедийский граф, преданный своему королю и трону великой Немедии.

Следовательно, я обязан оберегать государство и короля от любых опасностей. А самую чудовищную опасность я сейчас вижу перед своими глазами – окруженная колдовскими облаками часть Граскаальских гор, таящая в себе угрозу как для моей страны, так и для прочих королевств Заката. Обиталище невиданных прежде чудовищ, уничтожающих все живое и обращающих людей в жутких, омерзительных тварей.

...Солнце, укрытое висевшей в воздухе белесой морозной дымкой, казалось огромным бельмом на глазу Светлого Митры. Наверное, потому добрый бог и не мог наблюдать за происходящим в этой стране. Полуночные земли Пограничья оказались заброшенными людьми – лишь опустевшие деревни, следы волков на снегу и, куда ни глянь, густой хвойный предгорный лес, не прореженный созданными человеком дорогами.

Нас вели Фрам и Веллан. По словам гнома, отряду следовало миновать перевал, ведущий к Голубой долине, выйти к разрушенной деревне и там переночевать. Лошадей придется оставить в поселке, а самим подняться выше, найти незаваленную штольню, через которую Фрам и Тотлант уже проникали в подземелья, а дальше... Дальше видно будет. На все воля богов.

– Эй, посмотрите! – гном, сидевший на невысокой мохнатой лошадке нордхеймской породы, вытянул короткую руку и указал вниз. Мы находились на гребне перевала. – Правее высокой гранитной скалы, рядом с оползнем. Видите?

– И что мы там должны увидеть? – проворчал Конан. – Надеюсь, это будет трактир, где подадут горячего вина со специями?

– Даже не думай об этом, – пресек мечтания варвара Фрам. – Дело к закату, а нам нужно место, где переночевать. В Райте осталось два неразрушенных дома. Вернее, не спаленных. Кто-то сжег деревню две луны назад, когда зеленый

огонь только появился.

– Райта? – Хальк подал коня вперед и заинтересованно уставился на Фрама. – Эта брошенная деревня называется Райта?

– Именно, – подтвердил следивший за разговором Веллан. – Ты тоже обратил внимание? Эйвинд был родом отсюда и дома сжег именно он. Видимо, здесь и началась история с подземным пламенем...

– Жаль, Эйвинд сюда не вернулся, – вздохнул Хальк. – Ладно, чего старое вспоминать, поехали.

Лошади, взрывая копытами наметенный недавней вьюгой снег, побежали рысью по пологому склону горы, за которой лежала маленькая долина. Конан и Хальк вырвались вперед, за ними двигались Фрам и Тотлант, а я ехал рядом с Велланом. Преодолев за день не меньше восьми лиг, мы приблизились к самому логову подгорных тварей. Завтра гном и стигийский волшебник проводят киммерийца и сопровождающих его людей через прорытые карликами ходы за невесомую границу, отделившую мир живых от Пика Бушующих Ветров.

* * *

После неудавшегося покушения на Халька мы переноче-

вали в комнате Конана. Наутро киммериец вместе с немного очухавшимся от ночного происшествия библиотекарем отправились в трактир «Корона и посох», проведать Паллантида, а мы с Велланом пошли в тронный зал, надеясь отыскать короля Эрхарда и рассказать ему о случившемся.

Некоторое время пришлось ждать – с утра к Эрхарду заявились купцы из Немедии, обсудить цены на пшеницу и вяленое мясо. Торговля велась по всем правилам – даже из соседней комнаты было слышно, как пожилой монарх яростно отстаивает каждый серебряный талер. Не хуже завязатого трактирщика, решившего закупить припасы. Наконец, купчишки вышли, и Эртель, выглянув в коридор, пригласил нас войти.

Хальк уже рассказывал, что тронный зал королевского замка Пограничья выглядит, скажем прямо, странновато. Больше всего это помещение смахивает на большую приемную комнату в крепости донельзя обнищавшего провинциального немедийского дворянина, спустившего отцовское состояние на женщин, вино и азартные игры. Нимед (уж на что крепкий старик!) упал бы в обморок, если бы во время визита в Пограничье его принимали здесь. Почему-то больше всего раздражали бродившие по «тронному залу» гуси. Не понимаю, почему эти домашние птицы содержатся не в курятнике, а разгуливают по дворцу?

– Наконец-то вижу нормальных людей! – страдальческим голосом воскликнул Эрхард. – Как мне надоели торгоши!

– Хотел быть королем – терпи, – ухмыльнувшись, заметил племянник государя. – А вообще-то, давайте рассудим справедливо. По-моему, ты их обсчитал, дядюшка. На триста золотых. Кто здесь торгаш?

– Заткнись, – поморщился Эрхард. – Иначе лишу наследства. Я все делаю во благо страны! Эти ожиревшие ублюдки не обеднеют. Доброе утро, граф Мораддин. Привет, Веллан. Эртель уже поведал о ваших неприятностях.

– Если мне будет позволено, – я слегка поклонился королю, – то будет лучше, если я сам расскажу тебе о событиях минувшей ночи и о том, что предвляло их.

– Говори, – кивнул Эрхард. – И вообще, почему мы стоим? Присаживайтесь к столу. Эртель, хватит бездельничать! Сбегай на кухню, принеси чего-нибудь горячего и кувшин светлого пива.

Я приучен сдерживать эмоции и поэтому не позволил себе даже улыбнуться. В какой стране мира наследник престола должен ходить к поварам, чтобы принести еду для гостей и короля? Правильно, только в Пограничье. Я уж не говорю о том, что понятия этикета и куртуазии здесь трактуются весьма своеобразно. Однако эта необычная простота, полное отсутствие немедийской или аквилонской чопорности и доброе отношение короля к нам всем мне очень симпатичны. Я не вправе осуждать здешние нравы. Такова традиция, а приезжий не должен попрекать хозяев за порядки, установленные в их доме.

Я честно рассказал Эрхарду обо всем: про покушение на грифона, убийстве двоих гвардейцев и порче лошадей в Брийте, и, наконец, о попытке убить Халька. В конце концов король Пограничья обязан знать о наших делах, благо мы являемся союзниками в борьбе против общей опасности и неизвестно, сколь близко от недавних происшествий стоит таинственный «хозяин» зеленого огня, про которого рассказывал Тач. Я подозреваю, что без вмешательства этого странного создания, о котором мы знаем только то, что оно существует, здесь не обошлось.

Перебивая друг друга, мы с Велланом к вящему удивлению Эрхарда, наследного принца и заглянувшего вскоре к нам Стефана Короля Историй (король пояснил, что Стефан временно живет во дворце) рассказали о Ямурлаке. Стефан немедленно заметил, что он просто обязан отправиться в эту маленькую страну, найти василиска Тача и как следует поспросить старейшего... Может быть, на основе воспоминаний Тача получится сочинить несколько новых страшных историй.

Веллан, рассказывая о своих приключениях в Ямурлаке, постоянно бросал торжествующие взгляды на Эртеля. Бритуниец верно говорил – королевский племянник слюной изойдет от зависти. В конце концов Эртель вскочил и потребовал у дядюшки две луны свободного времени, чтобы сопроводить Стефана в Ямурлак и обратно.

– Дома сиди, – строго ответил на это король. – Месьор

Евсевий Цимисхий мне жаловался, что ты не усердствуешь в науках. Мне не нужен наследник, не способный и трех букв разобрать, понял?

– Дядя! – Эртель посмотрел на государя обиженно. – Мне двадцать пять лет! Читать и считать умею, драться могу хорошо, купцов обихаживаю! Чего тебе еще надо?

– Подожди, – Эрхард поднял руку. – Слышите?

Снаружи донесся звук колокола. В Пограничье все не как у людей – колокол, которым отбивают время, вывешен не на башне (таковой, кстати, в замке короля вообще нет), а установлен на деревянных распорках посреди обширного квадратного двора. Особый человек из числа стражи всегда носит с собой песочные часы и, когда их верхняя полусфера пустеет, а песок пересыпается в нижнюю, он подходит к отлитому гномами колоколу и ударяет по нему молотом. Сейчас был слышен один удар – полдень.

– Где Конан? – Эрхард перевел взгляд на меня. Он уже понял, что я являюсь одним из самых приближенных к аквилонскому королю людей.

– Ушел, – я пожал плечами. – Вместе с Хальком, еще рано утром. В гостиницу, проведать Паллантида.

– Ты уверен, что с ними ничего не случится? – нахмурился король. – Если убийца появился даже во дворце, ему ничего не стоит подстеречь киммерийца на улице. Не буду спорить, от мечника Конан отобьется, но как противостоять арбалетной стреле?

– Правильно, – Веллан поднялся с лавки. – Пойду-ка посмотрю, что они делают. До трактира идти всего ничего... Граф Мораддин, отправишься со мной?

– Конечно, – я коротко кивнул и уже хотел было встать, но...

Ответ на вопрос «Где сейчас Конан?» пришел сам собой. Его аквилонское величество находился в замке, а точнее – в коридоре, ведущем к тронному залу.

Служение войне – завидней доли нет,
Доспехами скрипеть и всех рубать мечом.
Секира за спиной, под мышкой арбалет —
Кто в наши встал ряды, тому все нипочем!

Мы изумленно переглянулись. Разносившаяся по дворцу Эрхарда разудалая песня наемников исполнялась двумя или тремя голосами, среди которых был ясно различим мощный баритон варвара.

– Они что, с утра напились? – Эрхард недоуменно посмотрел на меня и Веллана. Мы, не сговариваясь, одновременно пожали плечами.

А представление продолжалось:

Железные бока, стальная голова,
Извилина одна – и ту оставил шлем!
Силен ты и могуч, зачем тебе слова,
Махнешь своим мечом – и никаких проблем!

– И как это прикажешь понимать? – Эрхард, изобразив на лице строгость и благородное королевское негодование, уставился на ввалившегося в залу киммерийца. – Опять бу-
янишь?

– А нас из трактира выгнали! – радостным голосом сообщил Конан. Хальк, стоявший за его спиной, икнул. – Эрхард, у тебя ежевичное вино осталось?

– Господин летописец, – король Пограничья укоряюще посмотрел на пьяного вдрызг Халька. – Ты же дворянин, благородный и ученый человек...

– Я – да, а они – нет, – снова икнул Хальк. – Это они меня напоили!

Наконец-то я рассмотрел третьего гостя, стоявшего за спиной Конана. Гном. Ну, разумеется. Я, кажется, просил варвара больше не пить в компании с моими сородичами.

– Это Фрам, сын Дарта, – сказал Конан, выталкивая гнома перед собой. – Он нас угостил... Между прочим, не беспокойтесь – у Паллантида и его ребят все хорошо. Никаких происшествий. Мы пришли на королевский Совет! Вот!

– Фрам, – Эрхард вздохнул и посмотрел на гнома. – Я тебя знаю не первый год. Ты же солидный чело... Тьфу, то есть гном. Ты зачем угощал Конана?

– За встречу, – ответил Фрам. – Корону обмывали, потом за здоровье всех друзей пили. Потом нас выставили. Шумим, мол, очень.

– Это они шумели, – вставил Хальк. – Песни всякие орала. Потом Паллантид и двое наших лейтенантов пришли. Их тоже выпить уговорили...

– Понятно, – вздохнул Эрхард. – Если «Корону и посох» до заката не сожгут или не растащат по бревнышку – буду считать, что моей стране повезло... Конан, сядь, пожалуйста. Эртель, передай Его величеству королю Аквилонии горячей баранины и пожирнее. Хальк, Фрам, тоже присаживайтесь. Веллан, сбегай за Тотлантом, он должен быть в своем покое на первом этаже. Давайте полагать, что королевский Совет мы уже собрали. Конан, пожалуйста, сначала поешь, а потом тянись к вину...

Некоторое время все увлеченно жевали. Явился Тотлант, поздоровался, раскланялся с Фрамом и Конаном. Хальк заснул. Между прочим, сейчас на его виске красовались несколько швов – видимо, Конан вместе с библиотекарем набрали в «Короне и посохе» на умелого лекаря, сумевшего стянуть края ночной раны и зашить ее толстыми шелковыми нитками.

– Ну что ж, – Эрхард утерся рукавом и обвел всех присутствующих серьезным взглядом. – Тотлант, тебе не кажется, что со вчерашнего заката наши гости только и занимаются всякой ерундой? Пьянствуют, шляются где ни попадя... Гномов всяких подбирают на улице.

– Я не «всякий», – обиженным голосом заметил Фрам. – Вспомни историю с Бешеным Вожаком. Что бы вы без ме-

ня делали, проходимцы? Кто хирд гномов поднял? Кто всех спас? Правильно, старый Фрам. А какая благодарность? Никакой! Хоть бы орден дали...

– Зачем тебе орден? – не понял Эрхард.

– Чтоб был! – прямолинейно ответил гном. – Должна же быть хоть небольшая награда!

Конан слегка затуманенными глазами посмотрел на Фрама и сказал:

– Правильно! Награда должна быть! Жалую тебе... А чего ты хочешь? Орден? Хорошо, считай что король Аквилонии даровал тебе орден Большого Льва за победу над бешеными оборотнями.

– А нам? – в один голос вскричали Эртель и Веллан. – Мы не заслужили?

– Остановитесь, – Тотлант, шелестя длинной черной хламидой с вышитым на груди символом в виде циркуля и магической чаши, поднял руку, прекращая ненужный пьяный спор. Стигиец с его выбритой головой, светло-коричневой кожей и огромным перстнем посвященного волшебника на пальце выглядел очень величественно. – Конан, ребята, помолчите. Все-таки вы приехали в Пограничье по серьезному делу и нам следует обсудить, как поступать дальше.

Я подумал, что это очень неплохая мысль. Познакомившись с Тотлантом еще в Немедии, я понял – этот человек далеко пойдет. Пускай он стигиец, пускай обучался магии у волшебников Черного Круга, но он добровольно отверг

религию Сета и тем самым освободил душу от власти Бога Тьмы. Тотлант мне рассказывал, будто теперь поклоняется лишь Создателю Вселенной, чьими детьми и являются все остальные боги. Весьма удобная и правильная точка зрения: не обидишь и последователей Митры, и людей, кладущих требы Иштар, и Эрлику, и прочим богам.

– Рассказывай, – Конан поднял внезапно прояснившиеся глаза на стигийца. – Что ты сумел узнать?

– Полагаю, – осторожно начал Тотлант, выбравшись из-за стола и начав расхаживать по тронному залу взад-вперед, – угроза миру сохраняется. Вы просите высказать мою точку зрения на происходившее в течение последних трех лун? Пожалуйста...

Начал Тотлант издалека. Вначале он процитировал на память несколько выдержек из самых древних летописей, рассказывавших о падении Небесной горы в каменистые пустоши на полуночи материка. Его речи сходились со словами василиска Тача – пришедший из Внешней Тьмы обломок другого мира ударился о земли Хайбории около восьми тысяч лет назад, вызвав ужасное бедствие. Что произошло дальше?

Зеленый огонь являлся прежде несколько раз. Когда именно – неизвестно. Причина появления пламени тоже остается тайной. Как атланты и кхарийцы противостояли этой напасти – неясно. Скорее всего, магией. Однако надо учитывать то, что великие расы древности владели колдовством почти в совершенстве и лучшие нынешние волшебни-

ки не могут сравниться в умении даже с одним из захудалых магов Атлантиды. Разумеется, уничтожение подземной твари в Ивелине стало незаурядным событием – выход из положения был найден весьма остроумный. Сейчас известно, что чудовища расплодились – их уже не меньше десятка. А самое главное – остается угроза от рухнувшей на землю Небесной горы, которая, скорее всего, и порождает существ, выбрасывающих зеленый огонь.

– Как – не меньше десятка? – Конан аж вскочил, отбросив опустевший кубок. – Тотлант, ты спятил! Как мы их будем бить? Что произойдет, если они снова отправятся путешествовать по Немедии, Аквилонии и другим странам?

– Человеческий род погибнет, – бесстрастно ответил Тотлант. – Останется лишь земля. Без людей, животных, птиц. Сила, с которой мы столкнулись, не подчиняется законам магии или богов. Это чужая сила. Она возникла по воле чужого бога.

– Сета, что ли? – поднял бровь Эрхард.

– Нет, – покачал головой стигиец. – Сет принадлежит нашему миру. Его поступки предсказуемы и своеобразно логичны. В горах Граскааля лежит тварь, существо или механизм, чужеродный не только миру Хайбории, но и всему творению Бога Единого. Я не знаю, что это. Наверное, Митра, Бел, Эрлик и другие боги, в существование которых мы верим, тоже не ведают о сущности сего... скажем так, явления.

После этих слов Тотланта в зале стало подозрительно ти-

хо. Признаться честно, у меня волосы дыбом встали. Как такое может произойти? Все люди знают, что мир, который мы называем Хайборийским, единственный населенный разумными тварями – людьми, гномами, альвами, грифонами и многими другими. Откуда может появиться нечто чужеродное?

Однако Тотлант, не обращая внимания на наши помрачневшие лица, жестко продолжал:

– Оно чужое. Оно не знает принятых среди нас законов. Оно желает чего-то непонятного людям и, скорее всего, враждебного. Его сила неизмерима. Но...

Конан вышел вперед, подняв руку, и остановил речи волшебника.

– Но его можно победить, – воскликнул король. – Тотлант, если оно для нас чужое и мы не можем его понять, то и мы для него чужие. Правильно? Я не могу предугадать его действий, однако и он не может верно предсказать мои? Я прав?

– Один из тех редких случаев, когда ты говоришь истину, – вздохнул Тотлант.

– Позвольте сказать, – я решил, что необходимо вмешаться в разговор. – Стигиец, ответь, почему ты говоришь об этой силе «Оно»? Ты уверен, что Небесной горой, чудовищами, опустошавшими Аквилонию и Немедию, управляло одно существо? Почему?

– Не знаю, – развел руками Тотлант. – Я волшебник и могу чувствовать враждебную мощь сильнее, чем люди, гномы

или оборотни. Я вижу, что минувшее бедствие вызвано мыслью, посланной из одного источника. То есть где-то неподалеку находится неизвестная тварь, желающая нашему миру зла. С этим не сравнится зло Сета или других темных богов, только потому, что оно чужое и мы не можем предсказать действия его хозяина.

– А может быть, это существо желает нам добра? – Хальк внезапно проснулся и внимательно посмотрел на Тотланта. – Только по-своему. Вдруг измененные под влиянием зеленого пламени люди счастливы?

– Не исключено, – ответил стигиец. – Но мы созданы такими, как пожелал Бог Единый, Создатель мира. Никто другой не вправе изменять его волю. Поэтому все создаваемое неведомой нам тварью чужеродно.

– А вдруг эта тварь и есть Бог Единый? – хмыкнул Конан. – Пожалуйста, Тотлант, не смотри на меня будто на развратителя детей, ладно? Я просто предположил.

– Оставь, – скривился волшебник. – Мы знаем, что подземные чудовища агрессивны, они уничтожают людей и разрушают устои нашего мира. Как сыны человеческого рода, мы обязаны воспротивиться!

– Что ты предлагаешь? – Конан машинально плеснул в кубок Эрхарда ежевичного вина, отпил и уставился на Тотланта. – Мы знаем, как убивать подземных тварей, но уничтожить подземную гору, выкопанную гномами, скорее всего, не под силу даже самым могущественным волшебникам...

Тотлант, Фрам, расскажите, как вы ходили за облачную стену, и что там видели? Я имею в виду размеры Небесной горы, количество измененных людей, которые ее выкапывают, охрану на подступах, ближнюю стражу...

– Ты меришь все по людским привычкам, – горько усмехнулся стигиец. – Я же много раз повторил – мы имеем дело с необычным. С чужим. Оно не выстраивает стражи на границах. Его воины не носят мечей или боевых секир. Оно не использует магию. Оно чуждо людям. Я не знаю, как его уничтожить...

– А у меня есть мысль, – Фрам, этот чернобородый широкоплечий гном, выбежал на середину зала. – Хотите услышать, как гномы воюют против неизвестного? Все просто! Любое создание Бога Единого или других богов боится огня. У нас в подземельях водятся самые разные страшилища. Однако если пугнуть их огнем, то победа будет на стороне владеющего им. Небесная гора, как гласят предания гномов, лежит над глубочайшими подземельями, прорытыми нашим народом. Что находится под этими старыми штольнями и забоями? Никогда не думали? А я знаю! И другие гномы знают!

Конан, усевшийся на пристенную скамью рядом с Эртелем, лениво развернулся в сторону Фрама. Лицо варвара выражало скуку и усталость. Наверняка киммериец подумал, что гном сейчас начнет рассказывать древние легенды своего народа, повествующие о борьбе с разнообразными под-

горными чудовищами. И, разумеется, эти сведения, далеко не всегда правдивые, но выдержанные в стиле героических саг Нордхейма или так называемых «Преданий Кхасад» (то есть свода гномских сказаний), будут лишь сказочными иллюстрациями к делам давно минувших лет.

Однако Конан ошибся. Зная варвара достаточно давно, я скажу, что ошибается он часто. Но в то же время способен прислушаться и понять другого спорщика...

– Было так, – изрек Фрам, торжественно налив в свою чару темно-красного вина из лесной малины и встав в величественную позу. Темная, с редкими седыми волосками борода гнома гордо топорщилась, усы, закрывавшие верхнюю губу, раздулись веером, а живот, как казалось, вырос вдвое. Впечатляющее зрелище. Однако Эртель с Велланом одновременно захихикали и все ощущение благолепия было испорчено.

– Помолчите, – бросил Фрам оборотням. – Рассказываю истину! Значит, было так. Небесная гора, рухнув на полуночные земли, презрительно глубоко, от неизмеримой тяжести своей, погрузилась в недра, сокрывшись там на долгие столетия...

– Фра-ам, – простонал Конан. – Эту историю я уже слышал десять раз! Давай покороче, а?

– Не перебивай, – надо полагать, гном тоже был не слишком знаком с правилами этикета. Я содрогнулся, представив, что произойдет, если я подобным образом оборву речь мое-

го государя Нимеда. Впрочем, сравнивать здесь нельзя. Пограничье – одна страна, а Немедия – совсем другая. Фрам продолжал: – Гномы уже не одно поколение знают о погребенной в Граскаале Небесной горе. Но выкопать ее не могли, потому что гора застряла в глубинах гранитных пород. Как думаете, клан Фрерина, открывший дорогу зеленому огню, был первым из многочисленных кланов нашего рода, пытавшихся откопать эту... это... словом, Небесную гору?

– Вам, гномам, – Хальк намеренно искажил название подгорного народа. Наверное, хотел досадить, – всегда больше всех нужно. Лишь бы покопаться где-нибудь! Алмазы там найти хотели? А что получили?

Фрам пропустил слова пьяного библиотекаря мимо ушей.

– Гномы пытались подобраться к Небесной горе всегда, – Фрам сделал паузу и обвел нас взглядом небольших, но очень внимательных черных глаз. – Предупреждаю, я сейчас разбалтываю тайну рода и меня могут наказать старейшины... Так вот, случилось так, что в течение последних семисот лет по людскому исчислению, гномы клана Фрерина окапывали этот огромный чужеродный предмет. Самые глубокие штольни находятся под днищем или, если благородным господам будет угодно, под основанием Небесной горы, и там прорыто великое множество ходов, открыты залы, образованные самой природой, а самое главное... – Фрам сделал многозначительную паузу и поднял к потолку короткий

мозолистый палец.

– Не тяни! – рявкнул киммериец.

– В одной из пещер, – заговорщицки понизив голос, сказал Фрам, – гномы нашли выход подземного огня...

– Чего? – Конан скривился. – Какого еще? Подземных огней что, очень много?

– Это настоящий огонь, – спокойно ответил Фрам. – Огонь Изначальный, пламя, из которого создан Мир.

– Я понял! – воскликнул Хальк, перебив гнома. – Это лава! Конан, ты видел когда-нибудь вулканы, огненные горы? Видел? Отлично! Слушайте все меня, я, кажется, понял, о чем говорит уважаемый Фрам, сын Дарта.

Летописец (доньине, по моему понятию, изрядно пьяный) неожиданно вскочил со скамьи и, размахивая руками, выбежал на середину зала. Тут Хальк подобрал левой рукой край длинной, опускавшейся ниже колена и разрезанной на боках, туники, набросил его на правую руку, словно полу тоги, и высказался:

– Объясняю для бестолковых и для тебя, Конан, в особенности...

– Почему я тебя до сих пор не повесил? – как бы невзначай заметил варвар.

– Благородных нельзя вешать. Дворяне подлежат казни через отсечение головы, – отмахнулся Хальк и его глаза снова загорелись светом, присущим только ученым мужам. – Молчите все! Фрам сказал, будто Небесная гора висит над

пещерой, заполненной расплавленным камнем, лавой. Правильно я говорю?

– Правильно, – кивнул гном. – Это очень большая пещера. В ней ни человек, ни гном, ни альв или оборотень не сможет даже дышать – очень горячий воздух. А Изначальный огонь бурлит и вскипает ежемоментно, плюясь брызгами...

– Замечательное место! – воскликнул Хальк, легким шагом подойдя к столу и опрокинув чашу ягодного вина. Между прочим, чаша принадлежала мне. Я постарался не обращать внимания на вольности аквилонского летописца. А Хальк говорил:

– Мы хотим уничтожить Небесную гору, виновницу всех бед, свалившихся на королевства людей в последнее время. Как это сделать? Правильно, испепелить ее, обрушить в огонь, расплавляющий даже камень! Фрам, сын Дарта, ты меня понимаешь?

– Да, господин барон, – поклонился гном. – А ты сам туда полезешь? А ты придумаешь, как разбить перемычку между Небесной горой и озером пришедшего из глубин Багрового Огня? Ты знаешь, как противостоят демонам, которых этот огонь порождает? Сумеешь оборониться от их огненных бичей? Защитишь спутников от неназываемых тварей, обитающих в глубочайших недрах? Сможешь вывести нас обратно, на поверхность, до времени, когда Небесная гора начнет плавиться?

Я был удивлен, что Хальк, этот неисправимый книжник,

владеющий оружием «постольку, поскольку», шагнул вперед и громогласно изрек:

– Мы – сможем!! Я полезу в подземелья. Демонов вообще не существует, а если таковые найдутся – с ними будет разговаривать Тотлант на языке магии (стигийский волшебник поперхнулся вином и сморщился). С чудовищами из плоти и крови справятся наши рубаки, им не привыкать. Конан, Веллан, Эртель?! Согласны пойти с нами охотиться на чудовищ? Отлично! Граф Мораддин, а ты как смотришь на возможность прославить свое имя?

Я медленно наклонил голову, плохо понимая, на что соглашаюсь. Я догадывался, что эти сумасбродные аквилонцы втянут меня в невероятную авантюру, но чтоб такое...

Хальк по-прежнему совращал всех присутствующих на подвиги:

– Фрам, твоя задача как гнома, знающего подземелья досконально и привычного у подгорной жизни – привести нас на место и показать, где именно нужно разбить перемычки. Король Эрхард, пожалуйста, выдели нам должное количество провианта и необходимое снаряжение. Тебя, о государь Пограничья, мы не будем звать с собой...

Я подумал, что Хальк преждевременно принял решение за нас всех.

– Какое счастье – меня решили оставить дома, – хохотнул Эрхард. – Барон Юсдаль, ты слишком много выпил, остановись!

– Отнюдь, – выкрикнул Хальк. – Эй, ребята, прославим знамя Аквилонии? И, если уж на то пошло, знамя Пограничья! Эрхард, в твоей стране есть знамя?

Заговорили все одновременно:

– Сбрендил, – вздохнул Веллан.

– А может, на самом деле сходить? – вяло предложил Тотлант.

– Сколько ехать до входа в штольню? – заинтересовался Конан.

– Вы все сумасшедшие, – заметил я.

– Как интересно... – заблестели глаза у Стефана.

– Это же чистое самоубийство! – воскликнул Эртель.

– Разбить перемычки! Каким образом? – проворчал Фрам.

– Не следовало с утра напиваться в стельку, – заключил Эрхард, слегка шлепнув ладонью по столешнице. – И что теперь будем делать?

– Давайте разбираться по порядку, – сказал Хальк, когда остальные утихомирились. – Полагаю, хотя бы первая часть моего плана не несет в себе ничего невозможного. Во-первых, если Фрам и Тотлант уже ходили в логово чудовищ и вернулись живыми-невредимыми, у нас есть все шансы повторить их подвиг. Во-вторых, нас не должно быть много, чтобы не привлекать чужого внимания. От силы четверо-пятеро. В-третьих, нужно как следует осмотреть подземелья и только лишь выяснив наши возможности, раздумывать, как

поступать дальше. Может быть, привести гномов, способных каким-то образом разрушить породу, отделяющую громадную штуковину от озера лавы... Или Тотлант найдет нужное заклинание... Не понимаю, о чем спорим? Надо придти и посмотреть на месте. Или вы испугались?

– Это кто еще испугался?.. – начал возмущаться Веллан, но его тут же остановил аквилонский король.

– Мы не боимся, – веско сказал Конан, – мы опасаемся. Две большие разницы. Впрочем, я согласен съездить в горы и пройти по подземельям. Фрам, проводишь?

– А что с вами делать? – напустив на лицо мрачности, ответил гном. – Пусть меня услышит Длиннобородый Отец нашего племени!.. Я не хотел туда идти второй раз, но вы меня заставили! Отпустить одних я вас не могу – заблудитесь, свалитесь в пропасть или попадете на обед черным Элайнам!

– А это кто? – живо заинтересовался Веллан.

– Увидишь – не спутаешь, – буркнул гном. – Животные такие. Под горами водятся, в пещерах. Мы их иногда приручаем. Решайте, кто едет? Тотлант?

– Поеду, поеду, – сокрушенно покачал головой волшебник. – Единственно, толку от меня чуть.

Решили мы таким образом: к облачной стене отправятся шестеро – гном, стигийский колдун, я, Веллан, Хальк и, разумеется, Конан. Эртеля, как тот не просился, король Пограничья не отпустил, равно как и Стефана. Эрхард сказал, будто не желает одновременно лишаться и наследника, и самого

известного человека Пограничья, приносящего королевству славу культурной страны. А благородные господа из Аквилонии могут искать приключений на свою задницу сколько угодно. Эрхард даже порадуетя, если Конан сгинет в подгорной тьме, а тарантийскую корону заберет себе кто-нибудь другой, более разумный. Мир вздохнет с облегчением.

– Вот они, старые друзья, – почесал в затылке киммериец. – Сначала умоляют спасти их от неизвестной напасти, потом выясняется, что они ждут не дождутся твоей смерти от лап всяких чудовищ! Эрхард, ты что, собираешься присоединить Аквилонию к Пограничью, старый пройдоха?

– Нужно больно, – фыркнул король. – Подарю ее Эртелю. Ладно, хватит трепаться без дела. Эртель, беги на конюшню, скажи, чтобы седлали лошадей. Веллан, заberi из кладовых припасы.

– Я схожу к себе, прихвачу кой-какие снадобья, – сказал волшебник из Стигии. – Могут пригодятся.

– А вы чего стоите? – прикрикнул на меня и Халька варвар. – Марш собираться! До темноты мы должны приехать в последнюю обитаемую деревню на полуночи, переночевать и завтра оказаться возле гор! Бегом!

«Ну вот, – подумал я не без веселья. – Конан уже обращается со мной, как с подданным. И во что мы только ввязались?..»

По странному стечению обстоятельств, неразрушенные штольни, ведущие в глубь гномских подземелий, находились совсем неподалеку – в полулиге – от укрытого облачным куполом пика Бушующих Ветров. Сожженная деревня, из которой происходил родом Эйвинд, стояла в одной четверти лиги от ближайшей шахты. Тотлант и Фрам уверенно проводили нас к сохранившемуся на берегу озера добротному бревенчатому дому и сказали, что здесь можно расположиться на ночлег. Огонь, пожравший плотно застроенное село, пощадил эту избу, так как она стояла на отшибе – Веллан пояснил, что здесь, наверняка, жили оборотни. Они, мол, всегда строят дома немного в стороне.

Пепелище выглядело мрачно, пускай снегопады и запорошили черные останки некогда красивых и крепких домов. Некоторые здания выгорели лишь частично и теперь ветер, налетающий с гор, тревожил уцелевшие деревянные ставни, хлопавшие о рамы и поскрипывающие заржавевшими петлями. Невдалеке шумел лес, хрустел под ногами лошадей подмерзший настом снег. Только одно оживляло угрюмую картину – на ветках высоких кедров пощелкивали клесты, ссорясь из-за шишек с орешками.

Зеленое зарево мы видели и предыдущей ночью, и этим

вечером. Над горами иногда взлетали фонтаны изумрудного сияния, слышался тяжелый гул и подрагивала земля. Фрам сказал, что бояться нечего – в округе полно зверья, а значит, ядовитые испарения подгорных тварей не опускаются на долины. Иначе животные умерли бы.

Несколько раз встретили волков – самых обычных. Крупные стаи, числом не меньше двух десятков. Волки побаивались подходить ближе, хотя по виду были голодны. Скорее всего, хищников отпугивал Веллан: любой оборотень для волка – то же, что вожак стаи. Видели медведя-шатуна, изгнанного из берлоги бесконечными землетрясениями и предчувствием опасности. К счастью, медведь только что заломал лося и не обратил на отряд никакого внимания. Правда, покосился вслед – а вдруг люди отберут добычу? Мелькали серые шкурки белок, изредка пробегали соболя. Ближе к перевалу, ведущему к Райте, Веллан с легким удивлением указал нам на странные трехпалые следы и заявил, что минувшим днем здесь проходила дрохо. Дрохо – это огромная ящерица, теплокровная тварь, покрытая белой пушистой шкурой, наподобие Тицо, любимца Халька.

Разумеется, летописец забрал с собой маленькое животное, не пожелав оставлять его на содержании во дворце Эрхарда. Корзинку, в которой ехал Тицо, обмотали плотным шерстяным пледом, чтобы зверек не замерзал ночами. Днем Тицо по обыкновению сидел за пазухой у Халька, изредка выбираясь на свежий воздух, чтобы рассмотреть окрестно-

сти. Аквилонец не переставал удивляться сообразительности существа – оно уже сносно говорило на человеческом языке, передразнивало наши беседы, но рассказывать, откуда взялось и что делало в Ямурлаке, отказывалось наотрез. Не помню, и все тут!

Если говорить вкратце, наш план был таков: спуститься в гномьи выработки, добраться до смотрового окна, откуда видна черная штуковина, порождающая подземных чудищ, а затем попробовать выйти на нижние уровни подземелий, к озеру лавы, о котором рассказал Фрам. А там будем решать, что делать.

– Веллан, Мораддин и я занимаемся лошадьми, – скомандовал Конан, когда мы оказались у стен уцелевшего дома. – Фрам, Тотлант, Хальк, зайдите в дом, осмотритесь. Если что – позовете нас.

– А если нас съедят раньше, чем мы успеем позвать? – устало отозвался библиотекарь.

– Здесь никого нет, – Тотлант уверенно поднялся на крыльцо и толкнул дверь. – Ни людей, ни существ, принадлежащих... ну, вы поняли. Я умею чувствовать чужое присутствие. На чердаке – с десятков летучих мышей. Они в зимней спячке. Под коньком крыши свил гнездо филин...

– Ты еще о пауках доложи, – скривился король. – Почему вы, колдуны, такие мудрые?

– Чтобы компенсировать скудоумие остальных, – не остался в долгу стигиец. – Эй, Фрам, посмотри на полenni-

цу! Остались дрова. Потащили, потащили в дом!

Когда окончательно стемнело, мы все сидели вокруг обычного для Пограничья круглого очага. Дом, заброшенный несколько лун назад, как оказалось, удивительно хорошо держал тепло – большая горница нагрелась моментально, стоило лишь развести огонь. Вдоль стен были протянуты длинные скамьи, большой стол стоял посередине, а на полках обнаружилась чистая глиняная и деревянная посуда. Удивительно, что в клетке обнаружались нетронутые мышами припасы и на ужин мы разжились отличным копченым окороком... Правда, окорок подмерз, но стоило положить его у очага – мясо начало оттаивать.

Только здесь, в Райте, я понял всю великую опасность, исходившую от зеленого пламени. Мне случалось бывать в брошенных хозяевами или разоренных войной поселениях, но нигде я не видел ничего подобного. Такое впечатление, что этот дом-призрак лишь недавно оставлен хозяевами и они вернутся очень скоро. Сохранилась мебель, немудрящая деревенская утварь, даже припасы остались... А людей нет. И, видимо, новые поселенцы уже не придут на дурное место – никто не строится на пожарище. Райта умерла. Вернее, деревню и ее хозяев убил зеленый огонь. Представив себе весь мир, наполненный лишь опустевшими городами без людей, замками-привидениями, холодными запыленными дворцами и мертвыми деревьями, я поежился.

Мрачная картина. Надеюсь, такого не случится.

Поужинав, мы легли спать. Сторожить первую часть ночи вызвался Веллан, его должен был сменить Тотлант, а я взялся подняться после волшебника и охранять наш сон до утра. Впрочем, стигиец сообщил, будто поблизости опасности нет, дрохо по ночам спят, а чудовища наподобие вампиров, упырей или муль здесь не водятся.

Конан устроился неподалеку от входа, на широкой скамье. На всякий случай киммериец, подав заодно пример остальным, поставил меч рядом. Похоже, словам волшебника он не очень верил.

Я заснул сразу и открыл глаза лишь когда Тотлант незадолго до рассвета потрепал меня за плечо и тихо сказал:

– Поднимайся. Твоя очередь. В округе все тихо, только у меня почему-то нехорошее предчувствие. Почему – не знаю. На всякий случай возьми эту штучку.

Стигиец протянул мне мешочек, в котором перекатывались маленькие шарики.

– Появится чужой – брось шарики в него, – шепнул волшебник. – Это ненадолго остановит любое существо, от человека до демона. Мы успеем проснуться и забрать оружие. Понял?

– Да, – кивнул я. – Иди спать.

В зимнюю пору на полуночных землях рассвет наступает поздно – незадолго после девятого послеполуночного колокола. Сменив Тотланта, я некоторое время просто сидел у гаснущего очага, потягивал пиво и размышлял о предстоящих делах. А заодно пытался предположить, что именно может произойти в закатных государствах в течении ближайших года-двух.

К великому сожалению для рода человеческого, чуждого волшебству, магия является одной из важнейших сфер нашей жизни. Немногие люди, способные улавливать пронизывающую мир «силу» и умеющие повелевать ей, могут напортить многое. Против магии бессильны армии величайших государей, народные восстания и интриги королевских дворов. Иногда, впрочем, волшебникам можно противостоять – они имеют те же слабости, что и обычные люди, а потому этими слабостями пользуется мой Вертрауэн. Несколько раз мы подкупили зингарских и кофийских колдунов, некоторых сбрендивших волшебников пришлось вообще устранить с помощью кинжала наемного убийцы, иные маги с удовольствием соглашались работать вместе с Тайной канцелярией – им, видите ли, острых ощущений не доставало!

Недавно, к примеру, тайной службе удалось нейтрализо-

вать одного из самых серьезных колдунов Стигии. Его имя известно на Закате – Тот-Амон, сын Мин-Кау, родом происходящий из Сухмета. Не спорю, этот знающий и умелый колдун не является слишком уж заметной персоной, но вся его беда в том, что Тот-Амон не ограничивает свою деятельность лишь магией, а вмешивается в политику. Почему? Наверное, ради собственного удовольствия. Достаточно вспомнить его аферу (к счастью, не удавшуюся) с наследницей зингарского престола, принцессой Чабелой. Или историю с заговором «Бога из чаши». Тогда (это случилось лет двадцать назад) неумный стигиец нагадил в Нумалии. А его последняя авантюра, связанная с пиктами и аквилонским дворянином, авантюра, грозившая разрушить какой-никакой барьер между пиктскими варварскими землями и цивилизованной Аквилонией, стоящей на страже спокойствия всего Заката, вынудила меня и моего помощника графа Майля принять кое-какие меры. Собственно, из-за этой истории моя супруга Ринга, графиня Эрде, уже полгода сидит в Ианте Офирской, переживая поднявшуюся в Черном Кругу Стигии бурю...

Департамент не слишком мудрил. Мы попросту (с помощью нанятых Рингой конфиденентов) скомпрометировали Тот-Амона в глазах его приспешников из Черного Круга, а дальше стигийцы все сделали сами – у колдуна было отнято волшебное кольцо, в коем заключалась часть его силы, а сам он бежал на Закат и, растеряв большую часть могущества, попал в услужение к обычному аквилонскому дворяни-

ну. Интересно, какво сейчас приходится Тот-Амону? Несомненно, рано или поздно он придумает способ выкарабкаться из этой неприятной ситуации, но пока стигиец безопасен.

Магия, магия... Как говорит наш киммериец: «Врезал мечом по башке – и нет никакой магии!» Однако здесь, в Граскаале, «врезать мечом» не получится. Тем более, что жутковатая тайна, скрывающаяся возле пика Бушующих Ветров, не имеет к волшебству никакого отношения. Это что-то другое. Как правильно выразился Веллан, «Чужое». Впрочем, я бы не стал возражать, если бы Тот-Амон сейчас был на нашей стороне – Тотлант по сравнению с ним невежественный недоучка.

Я отодвинул опустевшую кружку, встал и выглянул в окно. Постепенно напоздали синевато-голубые рассветные сумерки, небо на востоке чуть посветлело. В доме все спали. Конан, широко раскинувшийся на скамье, едва слышно похрапывал, Хальк зарылся с головой в меховой плащ, Веллан что-то шептал во сне... Фрам, разлегшийся на полу, причмокивал губами – наверняка гному снилось пиво.

Я похлопал себя ладонями по бокам – очаг прогорел и в доме стало холодать. Дров не осталось, лишь багровели угли, дававшие все меньше тепла.

Утро. Теперь уже не должно случится ничего особенного. Просыпающиеся ночью чудовища (которые, как утверждает Тотлант, в Пограничье не водятся) заснули, а дикие животные не подойдут к дому, в котором спит оборотень. Однако

сейчас все проснутся, захотят поесть горячего, а за дровами никто идти не соберется. Так что я натянул подбитый мехом зимний тигеляй, забрал боевой топор Фрама (надеюсь, гном не обидится...) и пошел во двор.

Проведал лошадей – наши коньки спали стоя, мешки с овсом были почти опустошены. Вроде бы все лошади здоровы. Вот и отлично. А я отправлюсь рубить дрова.

Конечно, разрубать толстые поленья боевой секирой, выкованной в подгорных кузницах гномов, не совсем хорошо – не для того она предназначена. То есть, боевое оружие создано лишь для битвы. Однако дерево без особых усилий со стороны человека поддавалось острейшему металлу и вскоре возле моих ног громоздилась целая гора пригодных для сожжения в очаге полешек. Некоторое время я потратил на то, чтобы перетаскать дрова в дом, а затем долго раздувал очаг. Поставив на огонь котелок с водой, я сел и подумал о том, что лучшего способа согреться не найти – рубив дерево, я даже вспотел. Скоро надо будить честную компанию... Может, сейчас и начать? Правда, это чревато тем, что Конан запустит в меня сапогом, а Хальк будет пол-утра ныть: его, понимаешь, разбудили слишком рано, на улице холодно... Ну, и так далее.

А это еще что такое?

Я резко повернулся к скамье, на которой расположился Конан, и застыл с открытым ртом. Какого демона здесь делает Тицо? Сбежал, проклятый грызун! Надо поймать и су-

нуть обратно в корзинку, иначе Хальк меня убьет за то, что недосмотрел за его беленьким уродцем!

Замерев, я наблюдал за Тицо. Маленькое существо каким-то образом выбралось из запертой корзинки, залезло на скамью киммерийца и сейчас сидело рядом с головой спящего Конана. Малюсенькие розовые ладошки зверька лежали на висках варвара, а сам Тицо что-то очень тихо бормотал. Прислушавшись, я различил искаженные писклявым голоском слова:

– Султанапур... Государь Илдиз и его гвардия... Нумалия... Герцог Просперо Пуантенский... Чабела, дочь Фердруго... Ринга...

Услышав имя своей жены из уст Тицо, я вскочил, как ошпаренный и одним прыжком оказался возле постели киммерийца.

– Ты чего делаешь, уродец? – громко рявкнул я. – Тицо, отойди от Конана! Марш в корзинку!

Я нагнулся, взял зверька за шкуру и оторвал от головы варвара. Животина взглянула на меня невинным взглядом ярко-голубых глазок и тихонько пискнула. В следующий миг коротенькие лапки уцепились за мою одежду на груди и Тицо пополз мне на плечо.

– Развлекаешься, да? – я погладил его левой рукой по загривку. – Ты что делал, маленький мерзавец?..

Проклятая тварь оказалась шустрее дарфарской обезьяны. Я не заметил, как Тицо с помощью задней лапы, укра-

шенной короткими, но цепкими пальчиками, вытащил из ножен висевший на моем поясе кинжал, мигом переброшил его в переднюю лапу и замахнулся...

– Ах ты скотина! – выдохнул я. Тицо целил острием в глаз.

Спасибо моему первому учителю-кхитайцу из Султанапура, сумевшему развить в десятилетнем Мораддине неплохую реакцию. Я отбил удар, поранив при этом ребро ладони, правой рукой отодрал от себя зверька и отбросил его в сторону. Тицо взвизгнул, скакнул в сторону двери, нырнул в щель и исчез. Я, толкнув стол, бросился к своему мешку, к которому был приторочен короткий самострел, и, не раздумывая, сорвал оружие с ремешков.

– Какого демона? – это проснулся Хальк. – Ты чего шумишь?

Не обратив внимания на летописца, я рванулся к двери, распахнул ее и успел заметить маленькую светлую тень, скользившую по снегу. Щелкнула тетива самострела, стрела с коротким визгом ушла в сторону деревьев и я с разочарованием заметил, как толстый болт ударил в наст всего в одном-двух дюймах от убежавшей зверюшки. Спустя мгновение она скрылась среди деревьев. Преследовать Тицо было невозможно – животное слишком легкое, чтобы оставлять следы на обледеневшем снегу, и слишком маленькое, чтобы его обнаружить в дремучей чаще. Может, послать по следу Веллана? Впрочем, нет. Оборотень сумеет догнать этого ублюдка, но мы не сможем преследовать его по глубокому

снегу...

– Кром и Митра! – я услышал за спиной рык Конана. – Что происходит? Мораддин, в кого палишь?

Киммериец воздвигся за моим правым плечом и подозрительно осмотрел двор и ведущую в глубину леса просеку.

– В Тицо, – сказал я, стараясь придать голосу спокойствие. – Сбежал.

– Зачем в него стрелять? – завопил Хальк. – Это безобидное создание...

– Твое безобидное создание, – я шагнул в дом и плотно притворил дверь. Остальные продирали глаза, лишь Тотлант проснулся мгновенно, будто кошка, – пыталось меня убить. Ударом кинжала в глаз. Посмотри.

Я кивнул на лежавший на полу клинок, показал поцарапанную ладонь, и коротко объяснил, что произошло.

– Тицо выбрался из корзинки? – изумился Хальк и, подбежав к постоянному обиталищу своего любимца, осмотрел крышку. – Невероятно, замок открыт... Я точно помню, что запирал его вечером!

– Понятно, – процедил сквозь зубы Конан. – Хальк, иди сюда.

– Зачем? – летописец подозрительно глянул на короля.

– Бить буду. Долго. Ногами, в лицо, и не снимая сапог, – Конан аж побагровел. – Ты кого нашел в Ямурлаке?

– Маленького безвредного зверя, – уверенно заявил Хальк. – И не нужно меня бить. Я, в конце концов, дворя-

нин! Хочешь – вызывай на поединок.

– Пойдите, – я вмешался в этот напряженный разговор. – Конан, утихомирься. Хальк, сядь рядом с Фрамом и не трепли языком. Эй, Конан Канах, расскажи, как ты проснулся?

– Голова болит, – рыкнул варвар. – И сны странные виделись. Будто вся жизнь перед глазами прошла. Тебя видел, Рингу. Помнишь эту сучку из Немедии? – я едва сдержался от желания двинуть киммерийцу по морде. Впрочем, он не знает, что Ринга – моя жена. – Всякое видел во сне. Как служил Илдизу лет в восемнадцать, как пиратствовал под зингарским флагом. Как Нумедидеса прикончил. Хальк, рассказывай, в чем дело?

– Не знаю, – едва не плача, ответил летописец.

– Повремените с обвинениями, – я встал между Хальком и Конаном. – Зверь пытался убить меня. Удар знакомый. Таким образом едва не прикончили грифона Энунда и отправили к Нергалу двоих гвардейцев из стражи Конана. Хальк, ты уверен, что запирал крышку корзины на ночь?

– Да!! – выкрикнул Хальк и вытащил из-под рубахи цепочку с оберегом, медальном и маленьким серебристым ключиком. – Вот ключ! Второй потерялся еще в Тарантии.

– У тебя что, было два ключа от замка? – округлил глаза киммериец.

– Конечно, – сказал Хальк. – Корзинку делали на заказ. Для замочка сделали два ключа. Один запасной. Я думал, что потерял...

– Интересная история, – неожиданно подал голос Тотлант.

А Веллан добавил:

– Хальк, ты понимаешь, что во всех наших неприятностях по дороге в Пограничье может быть виноват Тицо?

– Понимаю, – вздохнул летописец. – Граф Мораддин, вода на очаге закипела... Давайте успокоимся и постараемся обсудить эту историю. Согласны?

– Честное слово, я тебя зарежу, – проворчал Конан. – Хорошо. Мораддин, Фрам, сделайте поесть. Остальных прошу сесть за стол. Фрам, где бочонок пива, который ты прихватил с собой? Давайте думать.

Деревянные кружки покрылись шапками пены, Фрам ожесточенно насаживал мясо на тонкие стальные вертела, а Тотлант, желая нас отвлечь, наколдовал соленой рыбы к пиву. Всегда уважал настоящее волшебство. Как-то мне объяснили знающие люди, что заклинания, называемые «креационными», то есть «создающими», требуют недюжинного мастерства. Якобы волшебник творит необходимую вещь из растворенных в воздухе мельчайших частиц, невидимых глазу. Удивляюсь, как Тотлант может вынуть прямо из пустоты отличную красную рыбу?.. Впрочем, сейчас нужно думать не о секретах магического искусства.

– Ну? – Конан хмуро оглядел нас. – Высказывайтесь. Только не хором. Мораддин, ты здесь самый умный, поэтому начинай.

Так всегда. Как только случается нечто из ряда вон вы-

ходящее, отдуваться приходится мне. И почему киммериец решил, что самый умный – именно я?

– Хорошо, – я сел поудобнее, откашлялся, хлебнул пива и начал выкладывать свои соображения, – я рассуждаю просто. Когда начались наши неприятности?

– После первого сообщения о зеленом огне, – некстати перебил меня Хальк.

– Это вполне естественно, – я позволил себе улыбнуться. – Но я имею в виду неприятности другого рода. Вскоре после приезда из Ямурлака, где мы нашли Тицо, пытались убить грифона. Затем мы отправились сюда, в Пограничье. Погибли двое гвардейцев, покалечены лошади, в отряде началось взаимное недоверие... Ночью напали на Халька и он не помнит, чтобы в комнате корчмы находился некто другой. Когда умерли подчиненные Паллантида, мы основывались на словах Тицо: «Сюда заходил человек». Однако этого человека никто в глаза не видел. Веллан не смог распознать запах убийцы. Велл, как ты говорил? Это был «чужой»?

– Именно, – подтвердил оборотень. – Запах живого существа, но чужого... Тицо пах по-другому. Однако в комнате Халька чужой запах был сильнее всего.

– Далее, – продолжил я, – сегодня маленькая мирная зверюшка делала что-то странное с Конаном. Я ее спугнул. Тицо пытался меня убить и убил бы, окажись у него времени на полмгновения больше. Два вывода: либо этот зверек и есть тот самый таинственный «хозяин зеленого огня», либо

животное принадлежит этому «хозяину». И оно старательно пыталось помешать нам добраться до Граскаала.

– Тицо не может быть хозяином, – отрицательно покачал головой Хальк. – Василиск из Ямурлака говорил, будто это чудовище огромно размерами и окраска у него... Несколько другая. Зеленая.

– Зеленый и чешуйчатый, – со смешком буркнул Конан. – А мы имели дело с белым и пушистым. Разницу замечаете?

– Неважно, – ответил я. – Мы столкнулись с тайной, на которую нет ответа. Тицо сбежал... Э, Хальк, а почему ты вообще взял Тицо с собой в Пограничье? Ну-ка отвечай!

– Почему? – летописец задумался. Дальнейшая речь Халька звучала отрывисто и сумбурно: – Я раньше этому как-то не придавал значения... Я хотел было оставить его с госпожой Эвисандой, как и сармака. Графиня смогла бы позаботиться о двух красивых и необычных зверьках. Еще при выезде из Ямурлака я понял, что Тицо разумен и начал с ним разговаривать, пытаюсь обучить человеческому языку... А в Тарантии, в утро нашего отъезда, я сказал Тицо, что, мол, уезжаю и надолго. Когда я собирал вещи, зверь начал верещать. Грубо говоря, орал в голос. Я отнес его к Эвисанде... Тицо хотел укусить госпожу графиню и не мог оторваться от моей одежды. Вопил жутко. Я ему тогда сказал, что может быть, смогу взять его с собой и Тицо сразу замолчал...

– Интересные дела, – Конан взъерошил пятерней темные волосы с редкой, почти незаметной сединой. – Получается

так, что зверюга напросилась ехать с нами. Ты куда глядел, балда?

Хальк надулся и твердо отчеканил:

– Можно подумать, будто ты у нас слишком предусмотрительный. До сегодняшнего дня я считал Тицо маленьким безобидным существом. Конан, скажи, кто-нибудь из нас мог подумать о том, что этот зверек может убить человека? Что он может являться тем самым «чужим», о котором поминал Веллан?

– Тицо оставил после себя множество вопросов, – заметил стигийский волшебник. – Как он умудрился убить гвардейцев и ранить грифона? Он ведь казался маленьким и слабым... Когда он убивал наших спутников и калечил лошадей его никто не видел, а это значит, что зверек умеет отводить чужое внимание. Хальк, между прочим, уверяет будто в комнате в ночь покушения никого не было... Почему ямурлакский найденыш пытался поссорить нас столь жестоким способом? И, наконец, что Тицо делал с Конаном сегодня утром? Какие последствия это может вызвать? Я, признаться в недоумении...

Доселе молчавший Фрам снял со стены большое деревянное блюдо, сбросил на него шипящее жирное мясо, подогретое над огнем очага, и выставил на стол.

– Я так думаю, – веско проговорил гном, – чудовища там или кто другой, а покушать надо. И вообще, зачем вы спорите? Мораддин, ты, конечно, похож на гнома, но многослов-

ность наверняка унаследовал от матери-человека. Поцарапанная ладонь скоро заживет и, если хочешь, я тебе дам мазь от ран. Ваш зверек убежал. Все живы. Конан вроде бы здоров. У нас сейчас другие дела.

– Несомненно, – прошелестел Тотлант. – Но вы знаете, почтенные господа... В последние дни я чувствовал присутствие чего-то странного. Не спрашивайте, каково это чувство. Человеку, не обладающему даром волшебства, подобное не объяснить... Это ощущение лучше всего описал Веллан – «Присутствие чужого». Я беспокоился за нас. Но был уверен, что смогу защитить отряд своей Силой. Сейчас тревога стала меньше. Наверное потому, что...

– ...Что противник отдалился? – догадался я, перебивая Тотланта. – Тицо сбежал, но крутится неподалеку?

– Нет, – твердо произнес стигиец. – Он уходит. По-моему, он удаляется на полдень, в сторону Вольфгарда или к немецкой границе.

– Не дойдет, – Конан хищно ухмыльнулся, – зверь маленький, шкура не ахти... В лесу очень холодно. Если Тицо поймает росомаха или куница, я только порадуюсь.

– Мясо остывает, – напомнил Фрам. – Кушайте, почтенные. Конан, тебе особое приглашение нужно? Нам выходить не позже чем через один колокол. Иначе к вечеру не доберемся до штольни.

Мне всегда нравилась рассудительность и практичность гномов, предков моего отца. Что бы ни случилось, гном

прежде всего подумает о хлебе насущном, о предстоящем деле и своих друзьях. Фрам полностью отвечает этим правилам. Между прочим, темнобородый высокий гном изначально решил взять на себя заботы о нас, людях, предполагая, видимо, что без его руководства все дела будут забываться, вещи потеряются, а мы сами останемся голодными.

Во многом Фрам наверняка прав.

* * *

Вопреки мрачным предположениям моего сородича, шахта, ведущая в подземелья погибшего от зеленого огня клана Фрерина, обнаружилась задолго до захода солнца. На обрывистом склоне выветрившейся базальтовой горы зияло темное отверстие, под крутым углом уходящее в черную глубину. Из дыры шел пар и поэтому глубокий снег, лежащий на камнях возле штольни, изрядно подтаял и замерз, превратившись в толстую ледяную корку.

...Скакунов мы оставили в мертвом поселке, некогда носившем имя Райта. Конан и Веллан вначале долго огорчались из-за лошадей – неизвестно, как долго придется бродить под горами, никого нельзя оставить в деревне для ухода за коньками и, соответственно, бедные животные несколько дней будут голодными, а то и вовсе падут.

Как обычно, положение спас волшебник. Тотланту ничего не стоило оградить частично разрушенную конюшню охранным заклинанием и на время усыпить лошадей. По словам стигийца, скакуны будут спать до самого нашего прихода. А если мы не вернемся – заклинание само прекратит действие через пять дней и лошади будут предоставлены своей судьбе.

Мы прошли пешком не меньше лиги, поднимаясь в горы по козлиным тропам. К счастью, выметенный вьюгой снег был не слишком глубокий и двое самых малорослых членов отряда – я и Фрам – не утопали в нем по грудь. Погода стояла вполне благоприятная – светило солнце, небо было ярко-голубым, а на закате серебрился серп нарождающейся луны. Я расслышал, как Веллан бормотал благословение каким-то богам за то, что сейчас не полнолуние. В этом случае звериная половина нашего оборотня взяла бы верх над человеческой – выходит, легенды о том, что на оборотней влияют фазы луны, верны.

Конан, как самый высокий и здоровенный из всей компании, шел впереди, разметывая снежные наносы. За ним следовал Тотлант, изредка прожигавший волшебными огоньками особенно большие сугробы, потом шли Хальк и Фрам, а мы с Велланом замыкали цепочку. Я никогда не жаловался на отсутствие физической силы – благодарение богам, унаследовал мощь предков-гномов – но все равно тащить на себе тяжеленный заплечный мешок, набитый сосновыми факелами, едой, флягами с крепким красным вином и оружием

тяжеловато. Замечу, кстати, что Фрам нес в два раза больше меня (гном взял с собой большую кирку и горные инструменты), но, в отличие от всех нас, даже не отдувался и не пыхтел, а спокойно шел вперед. Ох, и выносливы мои родители!

Два раза мы видели дрохо – снежных ящериц. Они пялились на нас из-за камней, прикидывая, стоит ли нападать на столь доступную и легкую добычу. Я сам впервые видел дрохо воочию и, честно признаться, не хотел бы связываться с настолько крупной и очень ловкой тварью – дрохо была похожа на стигийских крокодилов, что содержатся в зверинце Бельверуса. Единственно, ноги у нее гибкие, бегают быстро и зубы длинные, как у дракона. А кроме того, снежная ящерица покрыта коротким, но очень плотным белым мехом.

Дрохо не стали нападать. Наверное, решили, что мы им не по зубам. Зверюги пошипели на отряд из-за камней, потрогали воздух длинными раздвоенными языками и скрылись. А вскоре мы вышли на гребень перевала и...

Вот она, туманная стена, закрывающая пик Бушующих Ветров. Более всего она напоминала облако, опустившееся на землю и покрывшее куполом пространство, на котором может уместиться довольно большое немедийское баронство. Из самой середины туманной полусферы в голубые небеса вонзалось серебряное оконечье огромной горы. Облако бурлило, исходило серовато-белыми призрачными клубами, солнечный свет подкрашивал его в золото... До на-

ших ушей доходил едва слышный гул, редкое гроыхание и странный шорох, выпрастывающийся из-под земли. Твари, которые погубили многие тысячи людей в Немедии и Аквилонии, ползали под горами. Я сумел уловить, как с одной стороны туманного купола вдруг взблеснуло зеленым. . .

– Шахта здесь, – сказал Фрам. – Конан, Веллан, возьмите стальной штырь и вбейте его в камень. И, пожалуйста, сделайте все накрепко. К штырю мы привяжем две веревки, по которым будем спускаться в шахту. Граф Мораддин, вот тебе баночка с зельем, промажь им веревки. Тогда есть вероятие, что канаты не тронут здешние животные. Тотлант, поставь вокруг шахты охранное заклинание. Барон Хальк, сколько можно глазеть на окрестности? Готовь факелы!

– Раскомандовался, – проворчал киммериец, который вместе с Велланом уже забивал острый железный костыль в щель меж камнями у самого входа в штольню. – Ненавижу гномов! Почему я, король Аквилонии, должен слушаться подгорного карлика?

– Очень просто, – отозвался Фрам, ничуть не обидевшись. – Без меня вы не выживете внизу. И ты, Конан из Киммерии, должен будешь слушать старого Фрама и всемерно ограждать его от разных опасностей! Понял?

– Понял, понял, – Конан смирился. – Стоило становиться королем, чтобы тобой помыкал гном! Веллан, ты подумай, а?

– Сам виноват, – бессердечно обронил бритуниец. – По моему, твое призвание в работе наемника, а не монарха.

– Его призвание, – елеиным голоском вставил Хальк, – портить жизнь окружающим. Мой государь – это неприятность, которая ходит и ищет, где бы ей случиться.

Конан только поморщился, наверняка решив, что отвечать болтуну-летописцу будет ниже его достоинства.

Наконец, крепкие и очень толстые пеньковые веревки, вымазанные снадобьем гнома, были увязаны на громадном стальном гвозде. Первым в глубины гномских подземелий спустился Фрам, а сразу за ним пошел Тотлант. Мы терпеливо ждали наверху, надеясь, что с ними ничего не случится и страшные подгорные твари (судя по легендам, брошенные поселения гномов непременно заселяли всякие невиданные на поверхности чудовища) не осмелятся напасть прямо здесь, возле выхода из покинутого обиталища карликов.

В горах поднялся ветер и тучи морозной ледяной пыли нависли над вершинами Граскааля.

– Все в порядке, – донесся из глубины гулкой голос Фрама. – Конан, отправь остальных, а сам иди следом.

...Мы спустились по наклонной шахте в широкий, тщательно отделанный трудолюбивыми гномами коридор, укрепили веревки на каменных столбах и остановились в молчании. Пахло гарью, разложением и смертью. Плохо пахло.

– Надо идти налево, – сказал Фрам. – Тотлант, мы с тобой впереди, замыкают Конан и Мораддин. Киммериец, не возмущайся. Самый неожиданный и сильный удар может быть нанесен в спину. Тогда ты себя и покажешь.

– Эй, Конан Канах, – вдруг улыбнулся Хальк. – Все-таки мир спасать идем. Скажи историческую фразу, а ее потом в летописи запишу!

Конан подумал и сказал историческую фразу:

– Вперед!

И мы пошли вперед.

Глава четвертая

ВЕЛЛАН, ЧЕТВЕРТЫЙ РАССКАЗ

Гномье царство под горами Граскааль.

18 день третьей осенней луны.

«...Неоднократные извержения подземного огня, как известно, вызвали многообразные разрушения в подземных поселениях гномов, заставив их обитателей искать спасения на поверхности. Однако, спустя некоторое время, некоторые из подгорных карликов рискнули наведаться в спешно брошенные пещеры – с целью спасти уцелевший в них скарб, а также в попытке установить размеры разрушений и определить средства, необходимые для восстановления погибших жилищ.

Гномов ожидало радостное открытие – они преждевременно объявили свои владения разрушенными до основания. Конечно, большинство подземных городов были изрядно трачены огнем, кое-где обрушились переходы и штольни, но в целом поселения гномов сохранились. Требовалось лишь каким-либо образом устранить все еще скрывающийся в малонаселенной части Граскааля источник зеленого огня, и тогда можно было бы вести речь о возвращении гномов в места их исконного проживания...»

Из «Синей или Незаконной Хроники» Аквилонского королевства

Ненавижу подземелья!

Удивительно, как гномы могут всю жизнь торчать в этих темных, пропахших мхом и каменной пылью коридорах? Однако запах этот – исконный аромат гномьих поселений – сейчас остался только на нижних уровнях, куда мы спустились сразу после заката. Думаете, откуда я знаю о перемене времени суток? Ха-ха, это еще одно врожденное свойство оборотня!

Наверху пахло совсем по-другому. Первые четыре подземных этажа пропитались запахами гари, разложения и смерти. Было отчетливо видно, как подземный огонь, выпущенный на свободу неразумными гномами, прошел смерчем через ходы, вырубленные в скале, и уничтожил на пути все живое и неживое. Ужасное бедствие усугубили загоревшиеся запасы угля и подземной черной смолы, называемой гномами «нефтью». Несколько уцелевших родовичей клана Фрерина говорили нашему королю Эрхарду, будто их родные катакомбы горели еще несколько дней после вскрытия двери, ведущей внутрь Небесной горы. Черная смола разлилась, выжгла жилые уровни и отчасти пролилась в рудники – все работавшие там гномы задохнулись от дыма или сгорели.

Двигаясь за Фрамом в сторону пика Бушующих Ветров,

мы много раз видели покрытые черной гарью скелеты карликов, уничтоженные огнем пещеры и залы. Стены и потолки переходов покрывал толстый слой жирной копоти, оставлявший маслянистые следы на одежде в случае, если ненароком прикоснешься. Вонь постоянно усиливалась.

Вскоре мы набрали на большую пещеру. Ее потолок скрывался в темноте, но, судя по разносившемуся эху, сей зал был удивительно огромным.

Огонь не пощадил и это помещение. Здесь не просто воняло, а буквально вопияло к небесам! Если, правда, можно достичь светлых небес из подгорного царства...

Едва мы вошли внутрь, Конан скривился и зажал нос ладонью. Хальк (это было заметно даже при оранжевом свете факелов) смертно побледнел, обычно сдержанный Мораддин пробормотал ругательство, а Тотлант вынул из мешочка на поясе нюхательную соль.

– Воображаю, что здесь было тогда, – глухо сказал киммериец. – Легенды моего народа и нордхеймцев рассказывают о Царстве Мертвых, которым правит страшная великанша Хель... Там вечно горит неугасимое пламя, пожирающее тени всяких ублюдков, живших недостойно, или души людей, умерших не как воины. Тут, похоже, побывала сама великанша, принеся с собой частицу Вечного огня...

– Ужасно, – вздохнул Мораддин. – Сколько же их здесь?.. Зал был завален трупами. Ближе к дверям, выводившим к нижним уровням, покойники были обуглены, а некоторые

сторели до скелетов. Там, где стояли мы, тела гномов почти не были трачены огнем, но надо вспомнить, что беда случилась уже больше двух лун назад... Вздутые животы, зеленая лопнувшая кожа и копошащиеся в глазницах личинки неизвестных насекомых. Под ногами противно хлюпает вытекающая из трупов вязкая и омерзительно пахнущая жидкость...

– Пусть Длиннобородый Отец примет их души, – прошептал Фрам. – Тут умерло не меньше трех сотен гномов.

– Надо уходить отсюда прочь, – Тотлант отступил к двери, через которую мы вошли, и бросил на Конана вопросительный взгляд. – Яд, распространяющийся от трупов, может отравить нас. Фрам, кажется, в прошлый раз мы шли немного другим путем?

– Да, – подтвердил гном. – Но я думал, что если мы пойдем через Пиршественный чертог, будет короче.

– Хорошо они здесь попиrowали, – едва слышно буркнул Конан. – Уходим.

Вскоре Фрам нашел лестницу, уводящую вниз, в обход общей могилы, в которую превратился некогда великолепный и пышный зал. Мы спустились на три уровня вниз, нашли чистый коридор, ведущий точно на полуночный восход, и зашагали по нему.

Гном объяснил, что сейчас мы двигаемся в нужном направлении, но, чтобы потом выйти к смотровым окнам, потребуется снова подняться наверх. Скорее всего, до рассвета к окнам мы не доберемся, так что заночевать придется пря-

мо в коридоре или в одном из хозяйственных помещений. К счастью, на этот уровень огонь не добрался, но ядовитые испарения и дым выгнали отсюда всех живых существ или уничтожили их.

– ...Кроме, наверняка, элайнов, – проворчал Фрам, споро шагая вперед. – Элайны, думаю, выживут даже после конца света. Крепкие они больно.

– Может быть, ты объяснишь, что это за существа? Ты много раз упоминал о них. – спросил Хальк, уже отправившийся от потрясения, испытанного в Пиршественном чертоге. – Они не опасны?

– Как сказать, – на ходу пожал плечами гном. – Мы научились их приручать, но у элайнов остались дикие семьи. Их немного, но они есть. И, если на нас нападет дикий элайн, будет плохо. Так что смотрите по сторонам. Если увидите хоть одно движение, сразу скажите.

Я полагаю, что боги людей и оборотней никогда не заглядывали в гномские подземелья. Известно, что Митра владеет небом и землей. Хель или Нергал повелевают тайным подземным миром теней. Остальные боги ведают жизнями и судьбами человеческого рода, не уходя с поверхности земли ни наверх, ни вглубь. А вот у гномов свои боги. Фрам рассказал, будто подгорным миром, как в Граскаале, так и в Кезанкии, и в прочих обитаемых гномами горах верховодит неизвестный людям бог. Имени этого бога Фрам не назвал, сказав, что это тайна народа гномов. Этот бог хороший

и добрый хотя бы потому, что однажды создал гномов. Но я думаю, что это была большая ошибка с его стороны. Конан мое мнение разделяет – киммериец всегда говорит, будто все беды в мире происходят от племени карликов. Они, мол, «живут не как все».

Любые разумные существа нашего мира – дети Бога Единого и Митры (как люди, так и оборотни), альвы, грифоны, василиски и другие – привыкли жить на поверхности, под светом Ока Солнечного Бога. Одни гномы предпочли зарыться в невероятную глубину, ковыряться в камнях, добывая ненужные им богатства (сами понимаете, камушками да золотом не наешься!), и не признавать нас за родичей. Якобы люди отдельно, а гномы – отдельно. Еще кичатся: «Без нас человеческий род не научился бы обрабатывать металл и видеть красоту самоцветного камня и золота!» Вот какие эти гномы. И не представляю, как судить – плохие они или хорошие? Однако я общался с подгорными карликами долго и знаю, что у каждого гнома есть множество качеств, сделавших бы честь каждому человеку. Гном никогда не предаст друга, всегда держит слово и не отступится перед любой нечистью. А кроме того, любой гном, от мала до велика, отлично дерется на любом оружии.

Только бы гномы воображали о себе поменьше...

По моим расчетам, мы прошли по темным коридорам подземелий клана Фрерина не меньше двух лиг. Снаружи, за этими толстыми гранитными стенами, отделяющими нас от

привычного мира, уже было глубоко за полночь. И тогда Фрам свернул налево, в незаметную низкую арку (длинный Конан едва не расшиб себе лоб о каменную притолоку) и мы оказались в небольшом помещении с погасшим очагом и множеством деревянных ящиков, явно купленных некогда у людей.

– Малая оружейная, – провозгласил Фрам. – Мы устали, нужно отдохнуть. Располагайтесь. Спим до пятого полуночного колокола, а затем идем дальше. Хальк, притвори дверь. Граф Мораддин, сын почтенного Гроина из Кезанкии (гном даже сейчас не отступал от привычки к велеречивости), эти ящики можно разломать на дрова.

– Ну-ну, – Конан мрачно осмотрел комнату. – А дым? От очага пойдет дым. Мы же задохнемся!

– Не считай себя умнее других, киммериец, – сказал гном в ответ. – Подними голову и увидишь дымоход, специально пробитый на поверхность.

Конан задрал башку и вдруг раскрыл рот, чисто машинально положив ладонь на рукоять меча.

– Фрам, – тихо сказал варвар, – посвети факелом. На потолке кто-то сидит. Большой.

– Мерзость какая, – выдохнул Хальк, смотревший в том же направлении, что и Конан. – Кто это может быть?

Я не скажу, что не встречал за свою жизнь никаких чудовищ. Всякое бывало, честно признаться. И бестелесных демонов повидал, и лесных мантикоров, и болотных ящеров...

Последние иногда появляются возле людских поселений Пограничья и таскают скот, а кметы жалуются страже. Вот и изводим чудищ по мере сил. Но настолько безобразного создания я никогда не видел!

Мы подняли факелы на вытянутых руках. Мораддин задержал дыхание, Хальк отступил к стене, Фрам улыбнулся, Тотлант сказал «Фи...», а Конан, осторожно вытащив меч, легонько потыкал острием в сидящее на потолке существо.

– Ну и рожа... – выговорил король. – Фрам, объясни, кто это?

– Хотели увидеть элайна – пожалуйста, – ответил гном, отстраняя державшую меч руку Конана от жуткой черной твари. – Не бойтесь. Он прирученный. Видите клеймо на панцире? Знак клана Фрерина.

Элайн, спавший на потолке, проснулся и начал шипеть. Наверное, ему не понравился клинок варвара. Затем чудовище отцепило щупальца от едва заметных выступов на камне и мягко спрыгнуло вниз, на пол пещеры. Я отшатнулся. Великая Иштар, да какой из богов мог создать такую страхолюдину?

Животное, поднявшееся на задние лапы совершенно не походило на живых существ, обитающих на поверхности. Куполообразный череп, нависающий над ребристым туловищем, мощные ноги, длинные суставчатые передние лапы, украшенные короткими, но очень острыми когтями... С боков у зверя свисали острые гибкие щупальца с присосками.

На них-то он и висел на потолке. Ладонь существа напоминала человеческую, разве что оказалась раз в пять крупнее да и была покрыта черной глянцевой кожей. Длинный хвост, на который опирался элайн, смахивал на толстенную шипастую плеть. А морда!.. Мне подумалось, что элайн отдаленно смахивал на насекомое, называемое в полуденных странах «богомолом».

Такое впечатление, что «лицо» существа состояло из одних лишь клыков. Зверь, продолжая шипеть на нас, выпрямился, поднял тонкие темные губы и, слегка наклонив голову, начал осматривать пришельцев. Из рта капала прозрачная тягучая слюна.

– Тихо, тихо, мы свои, – Фрам бесстрашно выступил вперед. Угловатая фигура элайна возвышалась над гномом как медведь над лисицей. – Как тебя зовут?

Элайн пискнул коротко, наклонив голову, «обнюхал» Фрама или осмотрел его – настоящих глаз у существа я не смог заметить. Потом он раскрыл пасть, вытянул из нее нечто странное, одновременно похожее на язык или дополнительную пару челюстей, обвел этим органом лицо гнома и утихомирился.

– Хороший зверь, – ворковал Фрам, поглаживая ладонью гладкий черный череп элайна. – Ты голодный, наверное, да?

– Мы его кормить не будем! – громко сказал Конан. – Ты посмотри, какой он здоровый! И вообще, ты можешь его отослать куда-нибудь?

– Конан, – вздохнул гном, поворачиваясь к варвару. – Если бы ты нашел на улице бездомную собаку, ты бы ее приютил?

– Конечно, нет! – не раздумывая, ответил киммериец. – Между прочим, мне самому зачастую жить было негде и никто не удосужился меня «приютить», как ты выражаешься!

– Ах, – хихикнул аквилонский летописец, избывший страх перед необычным животным, – государь сравнивает себя с бездомной собакой! Как поэтично!

– Ты еще Петрониусу разболтай! – рявкнул король. – Фрам, убери отсюда это чучело!

– Ты не понимаешь одного, Конан, – гном снова провел ладонью по темной броне, покрывавшей элайна. – Этот зверь многократно лучше собаки. Он никуда от нас не уйдет, пока мы будем находиться в подземельях, и оборонит от любой опасности – элайны удивительно сильны, выносливы и хитры. Ни одна подземная тварь не посмеет на нас напасть, когда рядом элайн.

– Еще и этого уroda с собой тащить! – простонал Конан, но тут черное чудовище мягко шагнуло к варвару и громадная когтистая лапа легла ему на плечо. Киммериец инстинктивно отступил в сторону. – Ладно, Фрам, выстави его в коридор, пускай сторожит! А мы спать ляжем!

Гном проворчал под нос неразборчивое ругательство, оттащил жуткого зверя от варвара и приказал элайну идти в коридор. Чудище мягко подпрыгнуло, уцепилось гибкими шу-

пальцами за потолок и, будто громадный паук, переместилось за двери комнаты.

– Стражу можно не выставлять, – сообщил Фрам. – Если появится кто-нибудь чужой, элайн нас немедленно разбудит.

– Вот и замечательно, – Хальк уже потрошил свой мешок, доставая оттуда меховую накидку. – Только, пожалуйста, не гасите факелы. Веллан и Фрам видят в темноте, а я – нет.

Наскоро перекусив, мы устроились на полу оружейного склада. Хальк, безмятежный Фрам и Тотлант заснули почти сразу, я просто лежал и бездумно глазел в потолок, а Конан решил слегка помародерствовать. Киммериец взял кинжал и, стараясь не шуметь, начал вскрывать громоздившиеся вдоль стен ящики с несравненным гномьим оружием.

Уже засыпая, я слышал его бормотанье:

– Кистень... Всем хорош, только легковат... О, какой замечательный клинок! Даже охранные руны на лезвии выгравировали... Взять, что ли? Так, двуручная секира... Недурно, но топорище без зацепа... Ого, а это что такое!?

– Конан, – сонно буркнул Фрам. – Пожалуйста, не трогай чужое. Между прочим, на некоторых клинках может лежать заклятие, защищающее от посторонних рук. Палец оттяпает – будешь знать!..

– Ведь интересно, – тихо прошипел киммериец. – Спи давай. И, кроме того, оружие бесхозное. Видеть не могу, когда хорошие вещи пропадают просто так!

Ночь, проведенная нами в подземельях гномов, не принесла неожиданностей. Я сплю довольно чутко и могу почувствовать приближающуюся опасность, Конан тоже всегда настороже, а уж о черном элайне и говорить нечего.

Хуже другое. Я четко ощущал легкое-легкое дрожание горной породы, иногда превращавшееся в незаметное другим смещение каменных слоев. Такое впечатление, будто наверху, на поверхности, происходило нечто странное – там постоянно шла какая-то работа. Я знал, что мы находимся у корней пика Бушующих Ветров и рядом с нами лежит Небесная Гора, но все одно – чувство некоей опасности, пока отдаленной, меня не оставляло.

Сказать, что я спал, нельзя. Скорее это напоминало полудрему. Остальные же беспробудно дрыхли. Конан и Фрам раскатисто храпели, а Хальк разговаривал во сне, причем не на аквилонском, а на своем гандерском наречии. Я вскоре понял, что над горами начало всходить солнце, поднялся, разжег огонь и начал будить своих попутчиков. Просыпаться они отказывались, лишь Конан вскочил моментально, решив, что поднялась тревога.

Собственно, потом не происходило ничего необычного. Встали, позавтракали и отправились дальше. Только Конан

вызвал неудовольствие Фрама тем, что забрал себе очень красивый кинжал, найденный в одном из ящиков. Варвар оправдывался, говоря, будто гномы в эти подземелья уже не вернуться, а оружие рано или поздно заржавеет. После чего Конан прицепил длинную узкую дагу в черных, изукрашенных серебром ножнах себе на пояс и демонстративно перестал обращать внимание на брюзжание Фрама.

...Элайн, эта черная бесшумная и стремительная тень, оснащенная жуткими зубами и когтями, которым позавидовал бы любой дракон, двигался впереди. Фрам отдал элайну приказ на каком-то неизвестном языке и нескладное чудище теперь вело нас вперед. Гном объяснил, что элайны отлично знают всю систему гномьих ходов и стоит лишь называть зверю место, куда хочешь придти – он тебя отведет самой короткой дорогой.

Так и получилось. Мы быстрым шагом прошли по коридорам до ведущей наверх лестницы, вырубленной в огромном гранитном монолите, и начали подниматься наверх. Через некоторое время элайн вывел нас к залу, в который проникал дневной свет. Впрочем, это был не золотой взгляд Ока Митры, а серый, мутный и какой-то болезненный свет, не приносящий радости.

– Фрам, где мы? – Конан метнул взгляд на устроившегося по потолком элайна, сейчас тихо попискивавшего, будто говоря: «Пришли. Что вам еще нужно?» – Здесь смотровые окна?

– Несомненно, – нагнул голову гном. – Пройдем за угол и там увидим площадку.

– Точно, – тихо сказал Тотлант. – Вспоминаю это место. Фрам, кажется, мы здесь уже бывали?

– Ведите, – Конан отступил на шаг от широкой двери, из которой проникал свет, и почему-то положил руку на рукоять новообретенного кинжала.

Фрам и стигийский волшебник смело ступили в проем, за ними двинулись Конан и мы с Хальком. Мораддин замыкал шествие, постоянно оглядываясь, будто его что-то беспокоило.

– Стойте, – вдруг сказал граф Эрде. Голос его был подчеркнута спокоен, а это значило, что неподалеку опасность. – В том коридоре, откуда мы пришли, кто-то есть.

Я понюхал воздух. Не спорю, человеческое обоняние не может сравниться с обонянием моей «звериной» половины, но все равно я учуял странный чужой запах. И расслышал легкое шуршание. Будто змея ползет по камню.

– В чем дело? – Конан обернулся и шагнул обратно в привратный зальчик. – Фрам, подойди.

Гном подошел к черному провалу с уходящими вниз лестничными ступенями, прислушался и мигом свистнул элайну, вложив два пальца в рот. Зверь мгновенно занял позицию над лестницей, свесив вниз когтистые передние лапы и шупальца.

– Скверно, – бросил гном. – На наш след напал Бродячий

Многоног.

– Бродячий... кто? – тонким голосом переспросил Хальк. – Это какое-то подгорное чудовище?

– Наподобие, – туманно отозвался Фрам. – Отойдите ближе к свету и приготовьте оружие. Сейчас нас попытаются сожрать.

– Как все знакомо, – хмыкнул Конан. – А твой элайн на что?

– Он сможет противостоять Многоногу, но, если чудовище окажется слишком большим, нам придется помогать, – гном говорил быстро и напряженно. – Ждите. Такую тварь нельзя оставлять за спиной. Конан и Хальк пусть встанут справа от лестничного пролета, Веллан и Мораддин – слева. Вы атакуете Многонога с боков. Тотлант, ты сможешь его поджарить волшебным огнем?

– Это просто животное или магическое существо? – деловито осведомился колдун, отступая назад и растирая ладони.

– Животное... Поберегись! Бейте его по щупальцам!

Из ведущего в глубины прохода показались несколько длинных и тонких темно-коричневых плетей с маленькими глазками на кончиках. Мы замерли, а элайн едва слышно зашипел. Плети-щупальца непонятного Многонога изгибались, как змеи, глаза вперились в стоявшего прямо перед аркой Фрама, а шуршание, доносившееся снизу, усилилось.

Как и приказал гном, мы с Мораддином прижались к стене слева от прохода, держа клинки в вытянутых руках. Я

стоял за спиной немедийца. Так было удобнее – он роста небольшого, а я наоборот, длинный. Поэтому и могу рубить через его голову. Наконец, на верхних ступенях лестницы появилось странное плоское туловище, напоминавшее огромную членистую пиявку. Щупальца Многонога росли из спины существа и были длиной не меньше трех шагов каждое.

Едва Многоног нацелился на Фрама, в дело вступил элайн. Черный зверь нанес несколько точных ударов, перекусил страшными зубами полдюжину щупалец и, наконец, всей своей тяжестью свалился на Многонога.

– Назад! – заорал Фрам, падая на пол и откатываясь к стене. – Не нападайте прямо сейчас!

Мораддин, этот коротышка, казавшийся мне несколько слабосильным, буквально снес меня с ног одним движением правой руки, после чего повалился на меня сверху. Краем глаза я успел заметить, как черный элайн сцепился с Многоногом. Получился неопрятный клубок из щупалец и когтистых конечностей, покотившийся на середину привратного зальчика. Элайн шипел, как масло на раскаленной сковороде, Многоног бестолково размахивал длинными жвалами, а стоящий неподалеку Тотлант сотворил маленький шарик голубоватого огня. Пламенный клубок висел над ладонями волшебника, но стигиец никак не мог послать свой смертоносный снаряд в цель – элайн и Многоног бешено дрались, постоянно меняя позиции, и колдун рисковал попасть своим

шариком в нашего союзника.

– Кр-ром! – рев Конана заполнил привратную комнату. – Убью!

– Кого? – из угла зальчика донесся слабый голос Халька. – Меня не надо убивать...

Я неоднократно видел Конана в бою и обычно удивлялся его невероятной реакции. Раньше я полагал, что мы, оборотни, гораздо стремительнее людей, но киммериец развеял мои домыслы. Конан вдруг оторвался от каменной стены, подобно молнии ринулся вперед, держа одной рукой меч над головой, и всей тяжестью тела свалился на сплетшихся в смертной битве элайна и неизвестного подземного монстра.

– Назад! – взвыл Фрам, потрясая топором. – Ты-то куда полез, киммерийское отродье?

– Вперед! – выкрикнул Мораддин, вскакивая на ноги. – Конана сейчас убьют!

Никто из нас не заметил, что варвар очень точно соотнес свои движения с движениями двух странных существ. Такому глазомеру можно лишь завидовать. Конан ударил Многонога острием меча прямо в середину туловища. Лезвие лишь на волосок разминулось с черной шкурой элайна, который уже вонзил свои жуткие клыки в кожистый панцирь подземного чудища. Спустя мгновение элайн отшвырнул Конана в сторону ударом могучей членистой лапы, меч, застрявший в толстой коричневой коже Многонога, выскользнул из руки киммерийца, а Тотлант наконец запустил сотворенный им

сгусток огня.

...Бело-голубая вспышка заполнила комнату перед смотровой площадкой, на некоторое время ослепив меня. Я протирал глаза, когда на мое плечо легла небольшая, но твердая ладонь Мораддина.

– Все кончилось, – сказал граф Эрде. – Мы убили это животное.

Опираясь на руки, я встал с пола и подошел к своим товарищам. Они все собрались вокруг отвратительно вонявшей туши Многонога. В теле этого существа были заметны выжженная колдовским огнем дыра размером с мой кулак и жуткие рваные раны, из которых сочилась яркая шафрановая жидкость. Замечу, что кулак у меня не самый маленький... Элайн, пофыркивая и редко взвизгивая, сидел, как обычно, на потолке.

– Какая гадость, – слабым голосом проговорил Хальк. – Фрам, поведай мне, как гномы постоянно могут жить в одних подземельях с такими страшными чудовищами?

– Привыкли, – невозмутимо пожал плечами гном. – Этот Многоног совсем маленький. А вот большие...

Мертвое страшилище, лежавшее у нас под ногами, действительно напоминало пиявку. Очень большую. Но пиявки обычно гладкие, с глянцевой темной кожей и без щупалец. А это существо имело не меньше трех десятков длинных и очень гибких лап, заканчивающихся толстым выступом, на котором можно было разглядеть мутноватый глаз и узкую

щель пасти.

– Конан, – с короткой усмешкой сказал Фрам. – Ты зачем полез в драку? Жить надоело? Если бы Многоног тебя укусил, то яд, исторгаемый его зубами, распространился бы по крови почти мгновенно. Тебе повезло, киммериец...

– К Нергалу! – рявкнул король. – Не терплю, когда меня и моих друзей пытаются слопать! Кроме того, это чудище выглядит уж очень страховидно.

– Подождите, – Мораддин ненавязчиво отпихнул меня локтем и шагнул вперед. Я углядел, как немедиец тихонько пнул дохлого Многонога. Наверное, от волнения. – Почтенные месьоры, кажется, только я один не забыл о том, что время идет. Зачем мы сюда пришли? Устраивать стычки с червяками? Или... – Мораддин указал взглядом на арку, из которой напознал серый дневной свет. – По-моему, самое страшное чудовище, обитающее в Граскаальских горах, лежит там, а не здесь.

Элайн, словно в подтверждение слов графа Эрде, глумливо свистнул с потолка.

– Ладно, идем, – буркнул Конан. – Фрам, можешь сказать своей... сторожевой собаке, чтобы охраняла коридор и арку возле лестницы?..

Обзорная площадка оказалась не слишком большой. Полукруглое помещение, вырубленное гномами в скальном выступе, было длиной шагов в двадцать, а шириной и того меньше. Зато в горе были выдолблены огромные квадрат-

ные окна, выходящие на полуночный склон пика Бушующих Ветров. Было очень холодно, у основания широких подоконников лежал покрывшийся ледяной коркой снег, а порывы пробирающего до костей ветра заносили в смотровые отверстия колючую ледяную пыль. Однако нас не остановили ни холод, ни продувающий любую одежду сквозняк, ни внезапно появившееся чувство страха.

– Это оно и есть? – очень медленно проговорил Конан. – Что это?

– Небесная Гора, – чуть слышно прошептал Тотлант.

– Мы взяли за безнадежное дело, – выдохнул Мораддин, стоявший за моей спиной. – О боги, насколько она огромна...

– ...И нет такой армии, которая бы сокрушила всех этих чудовищ, – Фрам, словно задыхаясь, схватился за горло. – Взгляните, сколько их!

Я подумал, что все они правы.

– Подождите, подождите, – Хальк вышел вперед, растолкав нас всех, перегнулся через проем смотрового окна, и, прищурившись, медленно оглядел открывшуюся перед ним картину. Наконец, он шумно втянул в себя морозный воздух и сказал сквозь зубы:

– Кажется, мы запаниковали только из-за грандиозности зрелища. Конан, вспомни, Тарантия тоже большой город, но, имея достаточно разума и смекалки, и твою столицу можно взять штурмом. Поэтому нам просто необходимо подумать,

а не наскоро принимать решение.

– Их здесь десятки тысяч, – Конан говорил странно упавшим голосом. – Даже десятки десятков... Небесная гора непобедима!

– Мы же не собираемся драться со всеми этим тварями! – я решил, что нужно сказать свое слово и тронул Конана за рукав куртки. – Хальк правильно говорит – давайте подумаем. Я слышал, будто святой Эпимитриус однажды сказал, что в мире нет ничего непобедимого, кроме смерти и воли богов.

– Хорошо, – вздохнул Конан. – Давайте вернемся на лестницу или в привратный зал. Здесь очень холодно. Посмотрите на Халька, у него уже зубы стучат...

* * *

– Зубы стучат! – возмущался летописец, агрессивно поглядывая на короля. – А тебе понравилось то, что мы видели?

– Не понравилось, – твердо сказал Конан. – Но ведь можно держать себя в руках?

Мы решили устроиться на широкой площадке между двумя лестничными пролетами, совсем неподалеку от привратной комнаты. По крайней мере, там почти не было сквозняка и мы знали, что сверху, от смотровой галереи, опас-

ность грозить не может – окна находились слишком высоко для того, чтобы до них доползла какая-нибудь страшная тварь. Правда, неприятные гости могли пожаловать снизу, из гномьих подземелий, однако Фрам приказал элайну (похоже, ничуть не пострадавшему в драке с Многоногом) защищать лестничный пролет, ведущий на глубинные уровни мертвого гномьего царства.

Признаюсь честно – я в наемниках хожу лет семь-восемь. До этого жил в Келбаце Бритунийской. По молодости видел много уличных драк, сам участвовал в них, а когда нашел хорошего учителя – работал на потешной арене, кем-то вроде гладиатора. Единственно, битвы на этой арене бывали не до смерти а просто до первой крови. А когда в семнадцать лет ушел из дома и подался на полуночный закат, в Пограничье, твердо решив стать искателем удачи – наемником, перевидал много разного. Путешествовал вместе с охотниками за чудовищами, которые за деньги истребляли всяких жутких тварей, досаждающих мирным поселянам. Затем полгода входил в компанию контрабандистов, переправлявших через Пограничье запрещенные товары из Немедии в Аквилонию. Потом встретился с нашим Вожаком – старым Эрхардом. Когда служил в его десятке пограничной стражи тоже много всякого насмотрелся. Я не хочу сказать, будто я слишком опытен и участвовал в передрягах, в какие попадал наш киммериец, но все-таки за двадцать шесть лет я успел довольно многое повидать. Но признаюсь – руки у меня дро-

жали всего два раза в жизни. Впервые это случилось на границе Бритунии и Пограничья, когда я нос к носу столкнулся с громадным лесным мантикором и едва успел унести ноги. Второй раз я не смог держать меч в руках именно сейчас.

Поверьте, я очень почитаю двух богов – Митру, Дарителя Жизни, одного из вышних приближенные Бога Единого, а с ним – Иштар, прекраснейшую богиню любви, принесшую в наш мир красоту и чувства, испытываемые что нами, оборотнями, что ближними родичами, называющими себя людьми – счастье, любовь, искреннюю дружбу... Когда я подошел у окну смотровой площадки и увидел, что творится у подножия Пика, я воззвал и к Митре, и к Иштар. Но они остались глухи к мольбам смертного. Могу это объяснить лишь одним: Жизнь и Любовь не имеют власти над тем чудовищем, что сейчас теснит боками Граскаальские горы. Горы принадлежащие стране, которую я признаю за истинную родину.

...Представьте только: вы смотрите вниз почти с вершины огромной скалы и вашему взгляду открывается широкое межгорье, окруженное заснеженными и острыми пиками, что пронзают вершинами невесомый облачный купол, скрывший остальные земли. И вот в центре глубокой долины лежит нечто, более всего похожее на овального червяка-ленточника из летнего пруда, только увеличившегося тысячекратно. Вот она, Небесная Гора!

Она была огромна. Думаю, если бы она упала на Та-

рантию, то серебристо-черное тулово накрыло бы большую часть города. Небесная Гора настолько глубоко вонзилась в Граскаальскую твердь, что на поверхности была видно лишь малая ее часть. Однако воображение с готовностью дорисовывало остальное. Полагаю, больше трех четвертей Горы доныне были сокрыты под каменными монолитами наших полудночных гор...

Закругленную поверхность Небесной Горы испещряли многочисленные канавки и желоба, вырисованные на ее поверхности черным. Линии сходились в странные, чужие для нашего мира знаки, кое-где в теле Горы помаргивали зеленоватые глаза или, может быть, просто огни?..

«Великие и вечные боги, – подумал я, увидев это страшное лицо. – Неужели оно живое? Да, мы убили одно маленькое его порождение, но как справится с *этим!*?. Небесную Гору не поразишь копьем или мечом, не утопишь в воде, да и если полить растопленной смолой... Впрочем, сколько же потребуется для этого смолы? А главное – как победить тех, кто служит Небесной Горе? Ведь если мы сможем начать против них военную кампанию, то каждый немедийский или аквилонский солдат будет думать, что вот эта тварь когда-то могла быть твоим братом, твоей матерью или сестрой или дальним родичем, а то и просто хорошим другом... Боги, ответьте, сколько же людей потеряло свои души, чтобы теперь служить этому невероятному чудовищу, выползшему из самых страшных снов?»

Я видел, как вокруг Небесной Горы суетятся многие тысячи существ. Издалека они казались совсем маленькими. Однако я призвал на помощь свой дар оборотня – наш народ обладает гораздо лучшим зрением, нежели у людей. И вот...

Это напоминало муравейник. Чудовищно огромный муравейник. Каждый из его обитателей выполнял свою работу. Вон там, справа, громоздится вновь созданный пологий холм из каменный отвалов. К нему тысячи существ, когда-то бывших людьми, несут в руках-лапах тяжеленные камни, каждый из которых не поднять ни мне, ни Конану. Возле самого окоема, отделяющего Небесную Гору от Граскаальских скал, мельтешат серые тени, разламывающие гранит на осколки, высвобождая от каменного плена мертвое сизое тело чудовища.

Я как-то упоминал, что всех детей из семей оборотней родители обучают счету и письму. Я считаю очень хорошо. На глаз могу определить, сколько конников во вражеском отряде, сколько пехотинцев или лучников. Но здесь... Думаю, каменные завалы, закрывавшие Небесную Гору, разбирали не меньше двадцати – двадцати пяти тысяч чудовищ, некогда бывших людьми. А сколько этих созданий таскало породу к отвалу и сколько работало на нем самом – то мне неизвестно.

Однако более всего меня поразило другое. На границах, вокруг Небесной Горы, и каменного отвала, прямо по поверхности гор рыскали те страшные твари, с одной из которых я повстречался в катакомбах под аквилонским городком Иве-

лином. Чудищ было шестеро. Они словно играли роль пограничной стражи: медленно ползали по каменистым склонам, минуя острые выступы и редкие ущелья, тихо фыркали, посматривая своими яркими белесыми глазами на происходящее в долине. Вот одна остановилась, заурчала и вдруг выбросила из спины долгий зеленый фонтан... Подземный огонь! Вот они, существа, опустошавшие города, уничтожая многие тысячи людей в Аквилонии и Немедии, твари, превратившие мирных крестьян в непотребных страшилищ... Теперь я понимаю, что все страны Заката столкнулись с опасностью, перед которой может померкнуть нашествие любой армии дикарей из полуденных стран или явление самого Сета. Боюсь, даже Темный Змей не совладал бы с обосновавшимся в Граскаале чудовищем...

– Мы обязаны уничтожить это существо, – глухим голосом сказал Конан. – Если оно погибнет, то сгинут и все его порождения.

– Но как? – Хальк положил ладони на виски. – Государь мой, подумай! Оно огромно! Нас же всего шестеро! Впрочем, подождите...

Почтенный летописец встал и в его глазах загорелся азартный огонь. Барон Юсдаль, заложив руки за спину, спустился на десяток ступеней вниз, потом поднялся обратно к нам и в упор посмотрел на Фрама. Гном ответил аквилонцу тяжелым удрученным взглядом.

– Уважаемый сын Дарта, – начал Хальк. – Помнится,

недавно мы говорили об озере расплавленного камня, истекающего из глубин земли...

– Было дело, – кивнул Фрам.

– Ты знаешь, как спуститься вниз? – Хальк поднял вверх указательный палец. – И, может быть, ты сумеешь дать нам должные советы?

– Какие советы? – простонал гном. – У меня есть только один совет – надо уходить отсюда! Мы не можем справиться с лежащим возле Пика Бушующих Ветров монстром и его слугами!

– Я не уйду, – тихо сказал Конан.

– И правильно! – я поддержал аквилонского короля.

– Попробовать можно, – скривился Тотлант.

– Одна беда – мы все можем погибнуть, – сказал Мораддин. – Но я пойду в глубины.

– Чтоб вас забрали Багровые Демоны! – воскликнул Фрам, сжимая кулаки. – Герои, понимаешь! Жить надоело? Вы понимаете, во что ввязываетесь? Хорошо, я иду с вами! Гномы никогда не были трусами, а кроме того, провожатый-то нужен...

На том и порешили.

...Пожалуй, это было самое утомительное путешествие за всю мою жизнь.

Покинув смотровой зал, мы направились к четвертому подземному уровню каменного царства гномов. По словам Фрама, там начиналась древняя лестница, ведущая к наи-

более глубоким и старинным копиям, некоторые из которых выходили напрямиком в пещеры под Небесной Горой. Якобы именно там и клочкотало неугасимое пламя, вырывающееся из недр земли.

Гномы иногда называют себя «тан-герд», что означает «повелители гор». Фрам окончательно уверил меня в правильности этого наименования. Наш чернобородый гном никогда прежде не бывал в подземельях клана Фрерина, но доставшееся в наследство от предков чутье давало ему возможность провести нас к лестнице, называемой гномами «Бесконечной», кратчайшим и самым безопасным путем. Черный элайн незаметно скользил по потолку впереди отряда, повинуясь приказам гнома. Зубастое чудовище, прирученное подгорным народом, было готово в любое мгновение напасть на всякого противника. Как выяснилось, кроме Многоногов в подземельях гномов водились удивительно злобные и хищные твари, противостоять которым можно было только используя опыт многих поколений карликов и силу их «сторожевых собак» – элайнов.

Однако постигшее клан Фрерина бедствие истребило почти всех живых существ, обитающих под горами. Фрам сказал, что могли уцелеть только элайны, способные дышать в дыму, спокойно переносить губительный для остальных огонь, и питаться падалью. Многоноги являлись безмозглыми родственниками элайнов, но были столь же крепки, а потому и они без труда выжили после явления подземного ог-

ня. К счастью, Многоноги были довольно редкими животными и увидеть сразу двоих или троих этих тварей за один день было невозможно даже в лучшие времена.

Но оставалась другая опасность – существа бестелесные. Люди часто называют их духами, демонами, призраками и еще по-другому... Известно, что гномы живут совсем неподалеку от жуткого подземного мира, коим владеют темные боги. Нет, я не имею в виду Нергала – на подвластных ему Серых Равнинах души погибших обретают не наказание, но покой. Подземный мир Черных Духов – это совсем другое. Там заперты самые жуткие твари, сотворенные Первым Черным Властелином сразу после возникновения Мира по воле Бога Единого, властвующего над другими богами.

Я не зря завел речь о Черном Властелине. Сейчас об этом великом боге помнят лишь полуночные народы, и то смутно. Почему-то ныне Владыкой Тьмы считают Сета, бывшего в прежние времена лишь прислужником Первого. Это неверно, говорю вам как оборотень – наш народ имеет более долгую память, чем люди. Самые-самые древние легенды, передающиеся из поколения в поколение, искаженные временем и нашим представлением о мире, туманно повествуют о некоем Всаднике, приходящем с полуночи и забирающем разумные души в обитель Тьмы. В сказаниях оборотней Всадника называют именем «Рота». Что сие означает – мне неизвестно. Но говорят, будто у Роты в полуночных землях стояла великая крепость, разрушенная позже атлантами и по-

сланниками Митры. Это было очень давно. Тогда мир был другим, среди людей жили Изначальные альвы, гномы были сильны и воинственны, на стороне Тьмы сражались те, кого мы сейчас называем «гоблинами» – эти существа, почти сказочные, сохранились лишь в самых отдаленных областях Нордхейма и Гипербореи...

Минуло множество столетий и все это забылось.

Однако гномы и оборотни помнят бога, именуемого Всадником. А племя подгорных карликов доньше живет рядом с полуразрушенными подземельями крепости Роты. Вот и приходится иногда гномам сражаться с покинувшими закрытую обитель неназываемыми демонами.

Мы увидели одного из этих демонов. К счастью, издалека.

Отряд спустился на четырнадцатый уровень по Бесконечной лестнице. Это заняло у нас полный день и еще три колокола до полуночи. Все очень устали. Хальк иногда пытался нудить (хотя именно он и затеял это предприятие), Конан едва слышно ругался, а граф Мораддин частенько напоминал: «Терпите, рано или поздно все кончается...»

Стало жарко. Фрам объяснил, что мы подходим к озерам глубинного огня, в которых непрестанно кипят камень и металлы, составляющие земную твердь. И верно – некоторые встречавшиеся по пути залы были налиты оранжево-багровым светом, выходящим из пробитых гномами световых шахт. И вот...

– Стойте, – неожиданно шикнул Фрам, когда отряд выхо-

дил из очередного коридора. Я заметил, как бесстрашный элайн отполз в сторону, прильнув всем телом к потолку. – Багровый ужас! Если он нас заметит...

– Понятно, – быстро сказал Конан, всматриваясь в глубины пещеры. – Не дурак. Ребята, прижмитесь к стенам.

Сощутив глаза, я глянул туда, куда указывал вытянутой рукой Фрам, и замер.

Оно не походило ни на что, известное людям или оборотням. Среди опускающихся с потолка подгорного зала каменных сосуллек струилась легкая переливчатая тень. Существо, проходящее неподалеку от нас, напоминало силуэтом человека огромного роста с парой черных крыльев за спиной. Глаза светились багровым отблеском, темно-бордовые языки пламени окутывали тело... А в правой руке демон сжимал длинный, волочащийся по полу и оставляющий в камне выжженные углубления огненный кнут.

– Тихо, – едва слышно, одними губами произнес Фрам. – Пускай идет. С этим чудовищем невозможно сражаться.

– А вы пробовали? – с задором в голосе прошептал Конан на ухо гному.

Багрово-черная тень медленно плыла среди сталактитов. Пламенные очи демона бросали отсвет на голый камень стен пещеры.

– Пробовали, – беззвучно ответил гном. – Это существо непобедимо. Ему могут противостоять лишь великие волшебники, да и то не всегда.

Чудовище миновало зал и, не заметив нас, скрылось в черном проходе, уводящем вниз, к огненным озерам.

– Фу! – вздохнул Фрам. – Уж думал – погибнем здесь, как крысы.

Элайн медленно выполз из темноты, опустил свою жуткое рыло вниз, почти коснувшись клыками лица Конана, и скорбно пискнул. Извините, мол, благородные месьюры, но мне тоже жить охота. Такое чучело мне не по зубам...

– Идемте, – гном осмотрелся и осторожно шагнул в зал. – Помните, откуда появился Багровый Ужас? Нам точно в этот проход. Еще немного – и мы придем в пещеры с озерами расплавленного камня.

– Жарко, – вздохнул Хальк у меня за спиной. – И почему все это свалилось именно на нас?

– Я вот с молодости задаюсь этим вопросом, – невесело хмыкнул Конан. – Почему все люди как люди, а со мной вечно приключаются всякие неприятности? Хальк, шагай вперед. Насколько я помню, что киммерийцы, что гандеры не привыкли сдаваться. Веллан, ты чего встал, как пень?

Я шумно выдохнул и, мысленно призвав Иштар в попутчики, двинулся вслед за Конаном, уже топавшим за чернородым гномом. Факелы бросали на грубо обработанные стены пляшущие оранжевые блики.

Гномы частенько говорят о том, что в сотворенном Единым мире нет ничего прекраснее подземелий. Я очень долго полагал, что подгорные карлики ошибаются... и придерживаюсь этого мнения доныне. Если живое разумное существо не может должно оценить красу сосновых лесов, освещенных закатным солнцем бурых скал с низвергающимся в прохладное озеро хрустальным водопадом, то немного таковое создание понимает в красоте. Но и мы, оборотни да люди, привыкшие к свету Ока Митры, не в состоянии оценить любезные гномьему сердцу мрачные коридоры и затопленные темнотой залы царства под Граскаалем. Это для нас чуждо, как, наверняка, чужеродны для гномов зеленая трава, переливы птичьих голосов в предрассветном тумане и шум быстрых пенистых речек, прокладывающих себе путь меж древних валунов Пограничья.

Но здесь... Открывшаяся нашим взглядам гигантская пещера, дальний край которой терялся в багровом мареве, являла собой одно из величайших чудес. Это было красиво. И жутко.

Фрам вывел отряд к галерее, опоясывающей пещеру поверху – нечто вроде узкого каменного балкона, нависшего над бескрайним озером расплавленного камня. Тут бы-

ло жарко, и нам приходилось терпеть прикосновения раскаленного воздуха, обжигающего кожу и гортань. Иногда начинало сильно пахнуть серой, слышались тяжелые всплески вырывающейся из глубин земли лавы и фыркание газовых пузырей, лопавшихся на поверхности багряно-оранжевого озера. Впрочем, я неправильно сказал – лава, заполнявшая дно пещеры, переливалась всеми цветами. Вон там, левее, прорвался фонтанчик серного газа, молниеносно воспламенившийся, и на несколько мгновений оплавленные стены зала осветились голубовато-зеленым. Еще правее заклокотала струя жидкого камня, брызги, подобно маленьким кометам, полетели во все стороны, оставляя за собой фиолетово-малиновый след... В самом центре озера разорвался огромный всплывший на поверхность пузырь, и на миг блеснула ослепительная белая вспышка.

– Как красиво... – заморожено прошептал Хальк, подходя к ограде опоясывающего зал балкона. – Никогда бы не подумал, что окажусь в столь прекрасном месте...

– Дышать тяжело, – буркнул Конан, стоявший за спиной библиотекаря. – И жарко очень, пот так и льет.

– Как ты прозаичен, варвар, – Мораддин широко раскрытыми глазами смотрел на буйство огня под галереей. – Никто из нас ничего подобного в жизни не видел, а ты о чем? Дышать ему тяжело, понимаешь! Мы, между прочим, тоже не из камня сделаны...

Фрам позвал нас за собой и мы отправились дальше по вы-

рубленному трудолюбивыми гномами проходу. Изредка мы видели лестницы, спускавшиеся вниз, к самому огню, и проводящий объяснял, отвечая на наши вопросы, что у берегов жгучего озера самые умелые гномы ставили небольшие кузницы. Мол, на Первородном пламени куется самое лучшее оружие.

– Остановимся, – тяжело выдыхая, сказал Фрам, когда мы прошли не меньше тысячи шагов. – Веллан, помоги мне снять заплечный мешок... Во, спасибо! Теперь развяжи горловину и достань две баклаги, лежащие сверху. Там должна быть подсоленная вода. Кроме нее, здесь ничего нельзя пить.

– Понял, – просиял Хальк. – Мы ведь здесь очень сильно потеем, правильно?

Гном кивнул.

– Пот у нас соленый, – Хальк продолжил излагать свою догадку. – Значит, чтобы пополнить потерю жидкости, мы должны пить соленую воду?

– Да, – подтвердил гном.

Когда мы все отхлебнули из объемистый баклаг, предложенных Фрамом, Конан утер рот тыльной стороной ладони и, прищурившись, осмотрелся.

– Фрам, – тихо окликнул король. – Теперь объясни, что именно мы должны здесь увидеть? Хватит с нас чудовищ и затхлых пещер, пора делать дело!

Черный элайн спустился с потолка на пол галереи и, сложившись едва не втрое, заснул. Наверное, страшилище ура-

зумело, что пока его услуги не требуются.

– Подними глаза наверх, киммериец, – с некоторой торжественностью в голосе проговорил Фрам. – И ты узришь то, что стало причиной многообразных бедствий, обрушившихся на мой и твой народы.

Конан мягко шагнул в сторону, задрал голову и начал вглядываться в нависший над нами куполообразный потолок пещеры. Далеко наверху, не меньше чем в двух сотнях локтей, виднелся покрытый трещинами свод, с которого свисали острые каменные сосульки. Справа и слева границы потолка терялись в полутьме – пещера изгибалась полумесяцем.

– Ничего не вижу, – признался Конан. – Фрам, скажи толком!

– Постойте, постойте, – Мораддин положил руку на плечо Конана и отстранил его. – Видите, возле трех сталактитов и правее зигзагообразной трещины? Фрам, этот оно? Вернее, она? Небесная гора?

– Да, – сказал Фрам. – Только отсюда можно разглядеть ее частицу. Мы стоим прямо под ней. Вся часть потолка пещеры, находящаяся над нами – нижняя грань Небесной горы. Всмотритесь, почтенные месьюры...

– Всеблагая Иштар, – прошептал я, когда разглядел огромный силуэт, застрявшей в камне. – Это ведь лишь малая ее частица...

То, что мы все приняли за огромный выступ гранитного слоя, из коих составлялся пик Бушующих Ветров, в действи-

тельности было оконечьем исполинской твари, застрявшей в Граскаальских горах. Теперь я видел, что камень не может быть обработан столь ровно, не может быть испещрен странными рунами, которые мы по-первости приняли за трещины... И в обычном камне не могут гореть зеленоватые огоньки, похожие на мертвые глаза демонов.

Нижнее оконечье Небесной горы, обрамленное камнем, нависало над огненным озером, и отделяли их друг от друга лишь шестьсот локтей горячего воздуха...

– Гномы всегда видели Небесную гору лишь отсюда, – рассказывал Фрам. – мы давно поняли, что это создание чужеродно Граскаальским горам, и неизменно хотели подобраться к нему поближе. Но другие коридоры, сотворенные еще нашими дальними предками, всегда вели в обход Небесной горы, окруженной холодным и застывшим камнем. Гномы начали пробивать ход в сторону этого чудовища около четырех лет назад, и вот...

– Докопались, – буркнул Конан, настороженно поглядывая вверх. – Тотлант, чего хорошего скажешь?

– Признаюсь, я не особо смыслю в горных работах, – подал голос стигиец. – Но кое-что мы наверняка сумеем предпринять. Фрам, скажи пожалуйста, из каких пород складываются стены этой огромной пещеры?

– Гранит, – уверенно ответил гном. – Немного базальта, шлак, застывшая лава. Есть прожилки металлических руд. Левее и ниже от нас зарождается алмазоносная жила.

– Скажи, – вкрадчиво начал Тотлант. – А возможно ли обрушить потолок пещеры? Если да, то как бы такое сделали гномы?

Я, Мораддин, Конан и Хальк окружили гномы и волшебника, внимательно слушая их разговор.

– Это будет нелегко, – пожевав губами, ответил Фрам. – Посмотри влево. Видишь, стену пещеры пересекает трещина? Если ее расширить, то часть стены обвалится в огненное озеро, а с ней и свод в закатном приделе зала. Потом можно разбить во-он тот природный столб...

– Подожди, – Тотлант протянул руку ладонью вперед, словно пытался заткнуть Фраму рот. – А как ты думаешь, что произойдет, если я смогу установить заклятие на указанных тобой местах и через некоторое время эти заклятия вызовут к жизни огненные шары? Они расплавят породу, потолок пещеры рухнет и часть Небесной горы погрузится в лавовое озеро. Не думаю, что ее тело сможет противостоять Первородному огню...

– Правильно, – сдвинул брови Фрам. – Небесная гора начнет плавиться. Скорее всего, из-за огромности своей расплавляться она будет медленно. Может быть, мы даже успеем убежать...

– Тогда какого демона? – вдруг воскликнул Конан, положив левую руку на плечо Фрама, а правой обняв Тотланта. – Чем мы раньше думали? Неужели Небесную гору можно так просто уничтожить?

– Если это правильная мысль, – медленно заговорил Хальк, озирая нависшее над нами черно-серебристое тело Небесной горы, – то почему раньше никто до этого не додумался?

– Гномы не хотели разрушать подземелья и губить эту диковину, – Фрам благоговейно покосился в сторону чужеродного монолита. – А кроме того, раньше она нам никак не мешала. Просто *была*– и все! Мало ли чудес встречается в горах...

– Тотлант, ты полагаешь, что сможешь это сделать? – Конан испытующе посмотрел на волшебника и тот, лишь мгновение поразмыслив, коротко кивнул.

– Но я не могу дать слово, что мы не погибнем. Если чудовище упадет в озеро огня, то неизвестно, чем это закончится. Представь: обрушатся все пещеры или после взрыва появится огромное зеленое облако, способное накрыть собою весь Закатный материк...

Все замолчали.

– Выслушайте меня, – веско сказал граф Мораддин. – У меня есть три предположения. Во-первых, после уничтожения Небесной горы погибнет все живое на земле. В этом случае мы ничего не сможем сделать. Во-вторых, если эта тварь не погибнет, она вскоре может начать рассылать своих отпрысков во все государства, уничтожая людей. Вы сами видели, что подземных тварей расплодилось превеликое множество. Тогда нас тоже ожидает гибель. И в-третьих, Небес-

ная гора будет сожжена в Изначальном огне, а с ней умрут все ее порождения. Если тогда и мы покинем этот мир, то можно будет предстать перед Нергалом с чистой совестью – мы сделали все, чтобы спасти нашу цивилизацию.

– Нашу – что? – не понял Конан. – Ладно, один шанс из трех – не так уж и плохо. У меня бывало и меньше. Кроме того, остается возможность удрать до обвала катакомб. Ну, Тотлант, решайся!

– Вы уже все решили за меня, – вздохнул стигиец. – Хорошо, начнем действовать немедленно. Так, Фрам, ты пойдешь со мной. На всякий случай пусть черный элайн сопровождает нас. Остальные отправятся к выходу в коридор, ведущий на шестнадцатый уровень, и ждут нас там.

– Может быть, лучше мне с вами пойти? – озабоченно спросил Конан. – Мало ли...

– Только мешать будешь, – бросил волшебник, неожиданно принявший решительный вид. – Отправляйтесь. Впоследствии придется бежать со всех ног.

Нам ничего не оставалось, как подчиниться приказу Тотланта. Быстрым шагом мы прошли к воротам, ведущим на опоясывающий зал балкон и, утроившись возле распахнутых каменных сворок, начали наблюдать за работой колдуна. Ничего особо интересного он не делал. Издалека было видно, как три маленьких фигурки – Тотлант, Фрам и зверь, называемый элайном – бегают по балкону, висящему над озером лавы, а изредка с рук мага взвивается в раскаленный воз-

дух маленький розовый шарик, прилепляющийся к указанным гномом трещинам и углублениям. Через некоторое время все трое появились у прохода. Элайн сидел на потолке и тихонько шипел, Фрам тяжело дышал, постоянно оглядываясь на бурлящее расплавленным камнем пространство позади, а Тотлант выглядел очень уставшим.

– Уходим немедленно, – бросил волшебник. – Чем выше поднимаемся, тем будет лучше для нас самих. Я расставил вокруг нижнего конуса Небесной горы огненные шары, способные расплавить породу и обрушить этого монстра вниз, в озеро. На них пока лежит сохраняющее *энергию* заклятье, но оно развеется не более чем через половину колокола. Соберитесь с силами – и вперед! Скоро здесь случится катаклизм, не сравнимый по силам с любым землетрясением. Эх, жаль здесь нет Тот-Амона, сына Мин-Кау!

– Зачем тебе Тот-Амон? – уже на бегу спросил Конан Тотланта. – Вот уж кого никогда не уважал!

– Сей колдун бы сумел все сделать значительно грамотнее, – отвечивал волшебник, слегка задыхаясь. – И мы бы спокойно ушли. Катастрофа случилась бы лишь после того, как все присутствующие покинули подземелья. Фрам, где лестница на пятнадцатый и четырнадцатый уровни?

...Это была воистину бешеная гонка. Впереди струился черной тенью элайн, за ним тяжело пыхтел Фрам с факелом в руке, вслед бежали остальные. Великие боги, ответьте, как моих сил хватило на то, чтобы подняться по пяти пролетам

Бесконечной лестницы, прежде чем...

Я всегда считал себя довольно сильным и здоровым человеком. Или, вернее, оборотнем. Хальк, например, начал задыхаться почти сразу, и Конану пришлось подхватить его за плечи. Но я, не слишком уставая, прыгал через три ступеньки вверх по вырубленной в теле скалы лестнице, и терял силы не от нагрузки на мышцы, а от ощущения неотвратимо накатывающей опасности. Моя волчья половина со всей отчетливостью говорила: «Если не уйдешь отсюда немедленно, то погибнешь. Заключенная в Небесной горе сила в одно мгновение превратит тебя в пепел». Однако я не хотел бросить своих друзей. Так что вырваться вперед у меня не получалось. Да, я могу спастись, но как тогда жить, зная, что погибли Конан Киммериец, граф Мораддин, Хальк или Тотлант?

– Стойте! – неожиданно для самого себя вырвался у меня этот вскрик. Спасибо моей звериной половине – именно душа оборотня подсказала, что нужно делать. – Сворачиваем направо, в туннель! Никаких вопросов, просто сворачиваем и бежим!

Я перехватил у Конана Халька, а киммериец взял за руку задыхавшегося Тотланта. Что случилось дальше – я точно не помню. Мы с Хальком ринулись вперед, по темному, воняющему падалью переходу, и тут...

Вздрогнули сами основания земли. Огненные шарики Тотланта, видимо, сработали. Сквозь все коридоры гномьих

подземелий пронесся вихрь тугого горячего воздуха, отбросивший меня и Халька далеко вперед. Затряслись каменные своды, роняя на нас мелкие острые осколки, и мы вдвоем рухнули, поваленные неистовым жгучим ветром на пол коридора. Я молился всем богам лишь об одном: пусть нас не похоронит заживо. Почему-то такой смерти я боялся больше всего.

* * *

Я жив.

Одно это уже хорошо. А самое главное – я могу шевелиться, свободно двигать руками и ногами, могу дышать. Следовательно, нас не погребло под бесконечной толщей базальтовых обломков.

Так, а это что такое?

Ответ на вопрос пришел моментально.

– Велл, – из темноты послышался хриплый голос Халька. – Прекрати возить подошвой своего сапога мне по лицу!

– Прости, – буркнул я, подтягивая колени к животу и переворачиваясь набок. – Хальк, ты, что ли?

– Да, я здесь, – библиотекарь зашевелился и раздался звук падающих камешков. – Веллан, я ничего не вижу, факел погас! Где остальные?

Это был интересный вопрос. Я бы тоже очень хотел знать, куда делись Конан, Мораддин, Фрам и Тотлант. Мои воспоминания обрывались на том, как мы с Хальком резко повернули в боковой коридор, буквально вихрем пронеслись через цепочку небольших комнат и узких коридорчиков, а затем нас сбил с ног удар спрессованного разрывом воздуха. Видимо, наши друзья отстали. Пойдите, кажется, позади что-то рушилось...

– И что теперь делать? – Хальк снова заворочался. – Извини, конечно, но у меня такое ощущение, что выход обратно к Бесконечной лестнице завален. Ты видишь в темноте, так встань и осмотрись!

Хальк был неправ в одном: да, я отлично вижу в ночном лесу, в темном доме или в подполе. Но в этих местах всегда имеется хоть какая-то частица света, бросающая вокруг отблески, улавливаемые моими глазами. А здесь – крошечная тьма.

– Теперь главное – не потеряться, – я встал, отряхнул с одежды каменную крошку и осторожно прошел по коридору в сторону, откуда мы прибежали. Так и есть. Через десять-двенадцать шагов пальцы вытянутых вперед рук коснулись огромной глыбы, перегородившей проход. Видимо, рухнул потолок. Когда я представил, что этот камень мог приземлиться на наши с Хальком головы, губы задрожали. Вопрос в другом – а не похоронил ли этот камешек под собой кого-нибудь из наших добрых друзей?

Все-таки хорошо быть оборотнем. Чтобы прояснить обстановку, достаточно позвать свою звериную половину. Что я и сделал. Сейчас темно, Хальк не заметит, а кроме того, я не собираюсь превращаться в волка. Достаточно лишь сменить облик человека на тело полузверя – двуногого, но жутко безобразного чудовища. Правда, находясь в этой шкуре, я приобретаю все качества животного – отличный слух, обоняние...

Запаха смерти нет. По крайней мере, поблизости. Из щелей несет гарью, легким запахом разложения (этодохлымигномами воняет...) и каким-то странным новым ароматом. Такой запах бывает во время грозы, когда молнии бьют совсем рядом. Откуда в подземелье запах молний? От Халька, между прочим, явственно пахнет страхом.

Ого! А вот это уже гораздо интереснее. Я приложился ухом к гладкому камню и, закрыв глаза, вслушался. Хвала богам, они живы!

«Куда подевались эти два недоумка? – камень отчетливо доносил разъяренный голос Конана. – Их что, завалило?»

Кто-то очень тихо отвечал киммерийцу. Наверное, Моррадин. Потом я расслышал, как Фрам предложил разобрать завал, но, по его словам, заниматься этим пришлось бы не меньше четырех полных дней. Еще Фрам сказал, будто они с Конаном отрезаны обрушившимся потолками от основных подземелий гномьего царства и сейчас находятся в жилых пещерах и возле складов...

– Веллан, – позвал меня Хальк. – Ты где?

– Тс-с-с, – прошипел я и летописец мигом заткнулся. Я слушал очень долго, пока не уяснил твердо: Фрам, король Конан, граф Эрде и стигийский волшебник попали в ловушку, из которой выбраться самостоятельно не смогут. А мы с Хальком без провожатых не найдем дороги наверх. Замечательная история... Остается только звать.

Я оторвался от стены, сосредоточился, принимая обличье человека, и неожиданно сам для себя заорал от ужаса. Моего лица что-то коснулось. Оно было живым, холодным и гибким.

– Велл, что случилось? – встревожился Хальк. – Рядом враг?

Сверху послышалось знакомое шипение. Фу-у... Ну и напугал меня элайн! Оказывается, зубастая черная тварюга тоже последовала за нами с Хальком и не попала под завал.

– Это элайн, – переведя дух, пояснил я летописцу. – Он с нами. А остальные сидят за стенкой. Их отгородило от Бесконечной лестницы обвалом и от нас – тоже. Как их выкопать – не представляю. Здесь не меньше двадцати-тридцати шагов твердейшего камня.

– Постой, – перебил меня Хальк. – Как ты думаешь, Небесная гора сгорела? Волшебство Тотланта подействовало?

– Нет, – твердо ответил я. – Я чувствую, что она лежит над нами. Когда я вслушивался, то заметил непонятный звук...

Шипение и треск. Наверное, нижнее оконечье Небесной горы все-таки опустилось в лавовое озеро. Может, она начала плавиться?

– Не знаю, – я представил, как Хальк покачал головой. – Послушай, если мы не вытащим Конана и остальных до момента, когда Небесная гора окончательно разрушится, они погибнут. Наверняка. Нужно привести гномов.

– А где мы их возьмем?

– Хватит рассуждать, – было слышно, как Хальк встал на ноги и положил ладони на стену. – Идем наверх.

– Просто как – наверх! – желчно ответил я. – Мы каким, интересно, способом будем дорогу искать?

– Элайн здесь? Он нам дорогу и покажет, – Хальк на ощупь подошел ко мне, помахал правой рукой в воздухе и, нащупав когтистую лапу висевшего на потолке элайна, дернул. – Эй, зверюга! Нам нужно наверх, понимаешь? На-верх! Соображай же, зубастик! Наверх!

Элайн подобрался ближе, я почувствовал на своем лице его горячее дыхание. Наконец, чудовище коротко свистнуло и поползло в глубину коридора, шурша панцирем о камень.

– Он понял! – возликовал Хальк. – За ним!

– Сейчас он тебя приведет в свой муравейник и там нас сожрут, – прошептал я. – Демон с тобой, идем. Только давай постоянно переговариваться, чтобы не потеряться.

Свет появился внезапно.

До этого момента мы с Хальком и черным элайном медленно двигались по темным коридорам, минуя гулкие залы и короткие лестничные пролеты. Я чувствовал тьму всей своей сущностью – она гладила меня по коже лица, забиралась под одежду, взъерошивала волосы легкими дуновениями. Странное ощущение. Словно бы темнота является живым существом, не враждебным, но и не дружественным. Впервые в жизни я оказался там, где не было ни одной частицы света. Даже в самую глухую ночь можно увидеть отблеск далеких созвездий, мимолетные вспышки метеоров или привычное в Пограничье небесное сияние, напоминающее реюющие в небесах многоцветные флаги...

Как говаривал Фрам, гномьи подземелья до пришествия зеленого огня были поистине великолепным царством – карлики умели отводить по каменным трубам подземный светящийся газ, освещали залы и жилые покои масляными светильниками, разводили особый мох, излучавший зеленоватое яркое сияние. Но сейчас... Вырвавшееся из Небесной горы Нечто погубило жилища клана Фрерина. Здесь темно и страшно.

– ...Хальк, – я вытянул руку и нащупал плечо летописца. –

Остановись. Видишь, впереди? Зелено-голубое мерцание?

– Да, – шепнул аквилонец. – Что это может быть?

Свет выбивался из круглых отверстий, пробитых в стене коридора. Мне хватило этих почти незаметных для человека взблесков, чтобы определить – элайн, невозмутимо сидевший на потолке, завел нас в ходы, прорубленные вовсе не гномами. Карлики обычно прокладывают свои коридоры особым способом: оставляют полукруглым потолок, а ровные и гладкие стены опускаются к полу под прямым углом. Этот коридор был круглым. Словно в чреве горы прокатился раскаленный шар, выжегший камень. На стенах замечались давно застывшие пыльные потеки некогда оплавленной породы.

– Смотри, – Хальк двинулся вперед, отстранив свисающие щупальца элайна и махнул мне рукой. – Кажется, дверь... Веллан, это невероятно! Это камень, но он обработан не гномами! Видишь, нет никаких следов гномьего долота! Эту плиту словно вырезали ножом, очень ровным и острым. Никаких петель... Интересно, как она открывается? Ага, вот ручка...

Именно из помещения, находившегося за дверью, и вырывался колдовской призрачный свет.

– Может, не стоит туда ходить? – тихо спросил я. – Мало ли...

– Ерунда! – отмахнулся Хальк. – Где свет – там жизнь!

Я не сумел развеять это заблуждение. Прежде чем я успел

возразить, Хальк дернул за гладкую металлическую ручку, дверь не распахнулась, а медленно отъехала в сторону, параллельно стене, и мы оказались на пороге очень странной комнаты. Черный элайн, боязливо посвистывая, отполз вглубь коридора и затаился.

– Пресвятой Митра, где мы оказались? Что здесь? – Хальк отшатнулся. – Гномы поработали? Или... Веллан, вдруг это какое-то порождение Небесной горы?

– По-моему, это кладбище, – сказал я.

Под светящимся голубым огнем куполообразным потолком в шестиугольном зальчике стояли предметы, более всего похожие на домовины, в которых люди хоронят своих умерших близких. Этих предметов было девять.

– Никого нет, – произнес Хальк осмотревшись. – Ну что, потратим время, чтобы осмотреть это подгорное чудо?

Я решил:

– На всякий случай возьми меч. Если кто-нибудь нападет, немедленно уходим. В драку не вступать! Понял?

– Конечно, – согласился Хальк. – Идем.

Глава пятая

ЭЙВИНД, ЧЕТВЕРТЫЙ РАССКАЗ

Подземелья под горами Граскааль.

18 день третьей осенней луны.

«...Мало кто из рода людей бывал в пещерах под горами Граскааль. Но даже исконные обитатели этих отдаленных и загадочных мест – народ подгорных гномов – предпочитали без особой нужды не спускаться на нижние уровни своих поселений. О них ходило множество слухов, достоверно утверждавших, что там, в полнейшей темноте и тишине, не нарушаемой ни единым звуком, прячутся уцелевшие создания древнейших времен, хранятся давно утерянные зловещие сокровища, не приносящие своему владельцу ничего, кроме горя, и таятся последние из рода некогда владевших миром чудовищ. Легенды предостерегали неосторожных, на разные лады повторяя одно и то же: „Забудьте о том, что находится под вами и не тревожьте Тьму без необходимости.“ Разумеется, и в кланах гномов всегда находились личности, склонные не прислушиваться к словам старших родичей и древних преданий, спускавшиеся вниз и иногда даже успешно возвращавшиеся. Однако нигде вы не разыщете записей или преданий, повествующих о том, что они там ви-

дели.

Ибо действительность, как это обычно происходит, оказывалась намного страшнее сказок...»

Из «Синей или Незаконной Хроники» Аквилонского королевства

Я не помню, как меня зовут. Знаю, что обязательно должен помнить, однако, как ни стараюсь, не могу назвать себя. У всякого живого существа в мире есть имя, а у меня нет.

Зато я помню много других слов. Только частенько не могу растолковать, что они значат. Вот, скажем, «человек». Я – человек. Во всяком случае, мне так кажется. А что это такое – «человек»? Почему он так называется? Чем отличается, например, от «дерева»? Кстати, что такое «дерево»? Название помню, а представить себе это самое «дерево» не получается. А иногда наоборот – вещь стоит перед глазами, а назвать ее никак. Уже и голова начинает раскалываться, а слово не дается. Вертится на языке, дразнит и не выговаривается.

Еще я думаю о другом: со мной что-то неправильно. Человек может быть либо живым, либо мертвым. А я не то, и не другое. Если я на самом деле умер – оказался бы на Серых Равнинах. Там бог мертвых решает, чего достоин пришедший к нему человек – наказания или вознаграждения и новой жизни. А может, я бы попал в дом снежного великана

Имира, которому поклонялся мой прадед...

Как звали моего прадеда? И кто он был? Не помню, хоть убей...

Если я живой – то почему не могу встать и пойти? Почему не могу припомнить собственного имени, данного родителями? Почему все время сплю? И почему мне всегда снится что-то страшное? Я начинаю кричать и просыпаюсь. То есть думаю, что просыпаюсь, потому что не могу наверняка сказать, открыты у меня глаза или нет. Я всегда вижу перед собой только темноту. Непроглядную черную пропасть, на дне которой порой мелькают огоньки. Холодные такие огоньки, мрачные. Мертвые. Огонь – это жизнь. Но здешнее пламя давно погасло. От него остались только зола и поблескивающие угольки.

Если долго смотреть в крошечную тьму и не бояться того, что она такая пустая и бесконечная, то начинают появляться странные картинки. Они плывут у меня перед глазами, словно я сижу под водой и смотрю вверх. Я понимаю, что там ходят люди, их очертания изгибаются, дробятся, и я редко могу достоверно определить, что именно вижу. Мне кажется, это мое прошлое. Мне очень хотелось бы верить, что у меня есть хоть какое-то прошлое. А может, я и в самом деле умер, и мне выпала такая судьба – до скончания веков болтаться в темноте между сном и явью? Что же я такое совершил? Не помню...

Чаще всего среди снов повторяется один – о пещере. Я

привык к нему, как привыкают к боли в застарелой ране, но все одно не хочу видеть его снова и снова. Сон, будто нарочно, тянется долго-долго. Все движения в этом сне медленные и тягучие. И я никак не могу поступить по-иному. Словно кто-то заставляет меня совершать раз и навсегда определенные поступки.

Начинается сон всегда одинаково. Я стою в каком-то подземелье. Оно довольно обширное – когда я поднимаю голову, ровно отесанный купол потолка нависает надо мной локтях в десяти. В кольце на стене висит плюющийся искрами факел, и в его свете на потолке различимы черные пятна – семь проржавевших дверей. Такого, конечно, не бывает – чтобы двери были прорублены в потолке, но здесь они есть. Под дверями – каменные чаны высотой в рост человека или поболе. На полу, рядом со мной – два больших деревянных ворот, окованных тоже ржавым железом. От ворот тянутся вверх толстенные цепи. Они раскачиваются и надрывно скрипят. Наверное, это рудник. Брошенный рудник. Или каменоломни. Не знаю почему, но мне кажется именно так.

Камень под моими ногами мелко дрожит. Я уверен, что нахожусь в этой пещере не один. И что второй человек, пришедший со мной, окажется в большой опасности, если я что-то вовремя не сделаю с этими деревянными крестовинами. Их нужно повернуть. Не помню, для чего, но это обязательно надо сделать. Ворота тяжелые и, когда я налегаю на них, почти не шевелятся. Мне приходится раскачивать их изо всех

сил, пока один не начинает с жутким скрипом вращаться. Я поворачиваю его на два оборота, затем делаю то же самое с другим. Ничего не происходит, только земля начинает трястись куда сильнее, так что я едва не падаю. Откуда-то издаleка по коридорам проносится волчий вой. Низкий, отчаянный – как вызов на неравную схватку. Откуда в подземелье взяться волку?

Мне некогда думать. Я снова принимаюсь толкать неподатливый брус. Цепи звенят и путаются между собой. Наверху раздается тонкий визгливый скрежет. Я смотрю на потолок – в крайней слева двери появилась тоненькая, с палец, щелка. Из этой щелки льется вода. Она звонко ударяется о стенку каменного чана и рассыпается блестящими брызгами. Из-под земли долетает яростный рев. Кажется, там мечется некое разъяренное чудовище. Может быть, мы пришли сюда именно для того, чтобы убить его? Но как? Оно, наверное, большое и ужас какое злое, а мы – всего лишь люди...

Я толкаю, толкаю с трудом поворачивающийся неподатливый ворот. Первая дверь на потолке уже распахнулась полностью, из нее хлещет широкий поток зеленоватой воды. Котел низко гудит под ее бешеным напором. Остальные двери тоже начинают по очереди приоткрываться. Из-за грохота падающей воды я не слышу, что происходит внизу. Пол по-прежнему дрожит. Мне страшно, но я не могу убежать, пока все железные двери в потолке не откроются.

Вода заполняет первый чан и начинает с шумом перели-

ваться через край. Она с журчанием бежит по выдолбленному в скале желобу куда-то вниз. Я останавливаюсь передохнуть. Семь маленьких водопадов исправно обрушиваются с потолка в котлы, а оттуда – в желобы. Пол в зале мокрый и блестит в свете пристроенного на стене факела. Я хожу осторожно – боюсь поскользнуться. Мне очень хочется знать, как дела у моего друга. Я точно уверен: человек внизу – мой друг. Но прежде здесь были не только я и он. Остальные ушли. Мы по своей воле согласились остаться в подземельях и извести живущее в глубинах чудовище. Правильно, я даже помню, что мы видели эту мерзость! Она была похожа на большую рыбу и плавала в земле, прокладывая себе ходы. Я ей сделал больно, отчего она очень разозлилась. Кажется, ударил ее...

Пол в зале с котлами уже на палец покрыт водой. Факел почти погас, затушенный брызгами. Мне пора уходить. Я точно знаю, куда идти – вон в тот темный коридор. Он выведет меня на поверхность, а там меня ждут. Мой друг тоже должен сейчас искать выход наверх. Интересно, зачем нам понадобилось так много воды? Чудовище разве ее боится?

Я делаю несколько шагов в сторону коридора, и тут каменный пол под моими ногами с грохотом раскалывается. На миг я вижу под собой горящие зеленоватым светом круглые глаза, числом четыре или пять. Я не могу удержаться на ногах, падаю, пытаюсь ухватиться за край трещины, но камень под пальцами крошится. Вода с радостным урчанием

устремляется в пролом, волоча меня за собой. Подо мной что-то яростно щелкает и громыхает, я вижу отраженные от влажных стен зеленовато-синие сполохи, от которых слепнут глаза. Снизу неожиданно начинает бить горячий пар и раздается оглушающее шипение. Я еще несколько мгновений болтаюсь на краю, цепляясь из последних сил, но пальцы неудержимо разжимаются, разжимаются... и я с воплем лечу вниз.

По здравому рассуждению, я должен был либо приземлиться точнехонько на голову бушующего чудовища, либо здорово треснуться об пол нижнего зала. Но ничего подобного не произошло. Вокруг меня закружил голубовато-белый мертвенный свет, точно я угодил в странную колдовскую выюгу. Мне казалось, будто я умираю, и это было очень больно. Вернее, не столько больно, сколько обидно – я непременно хотел убедиться, что подземная тварь издохла.

Синеватый свет сменился на пронзительно-белый. Я зажмурился, но перед глазами все равно мельтешили цветные пятна. А потом я и в самом деле обо что-то ударился. Сильно ударился. И с того мига ничего толком не помню.

Наверное, я долго спал. А когда проснулся – вокруг была темнота с редкими злыми огоньками. Я попытался пошевелить руками или ногами – не получилось. Их точно не было. Пропали. Отвалились. Все, что у меня осталось – голова да глаза, пялившиеся в непроглядную черноту. И воспоминания, о которых я не мог даже сказать – мои они или чьи-

то другие.

Интересно, как такое могло случиться – в моей голове поселилась чужая память? Ведь я точно знаю – мои сны повествуют о том, чего я сам никогда не встречал. И все они – страшные. Наверное, у того человека, которому они снятся, была очень тяжелая жизнь... А у меня? Какая жизнь была у меня до того, как я вошел в подземелье и упал в белое мертвое пламя? Кто я был? Откуда? Как меня звали?..

* * *

Сегодня опять был плохой сон. Впрочем, «сегодня» – это неправильно. Здесь нет ни «сегодня», ни «вчера», ни «завтра». Просто сон закончился, я пришел в себя и снова отправился темными путями неизвестно куда.

Я видел какую-то неизвестную мне землю. Видел с высоты, точно стоял на склоне горы. Передо мной лежала ярко-зеленая долина, рассеченная надвое широкой рекой. Наверное, в этой стране было лето. Река блестела под солнцем, в ее излучине расположился маленький городок и его крыши тоже блестели. Все было такое нарядное, праздничное и красивое. Еще я сумел разглядеть дорогу, ведущую к городу, и что-то, неспешно движущееся по ней.

А потом на долину легла тень. Она появилась из-за гори-

зонта и неумолимо направилась к ничего не подозревавшему городу. Я посмотрел на небо, но там не было никаких туч или облаков – чистое голубоватое небо с белым солнцем.

Черная тень с багровой каймой накрывала цветущую долину. Вот она коснулась русла реки и поползла дальше. Веселое сверкание воды погасло. Мне показалось, что река в этом месте высохла и я вижу потрескавшееся каменистое дно.

Тень достигла города, миновала его, двинулась дальше... Я было облегченно вздохнул – дома остались стоять на месте. Но налетел порыв ветра – и здания начали рассыпаться, точно были сделаны из сухих песчинок. Я слышал непрекращающийся зловеющий шорох – городок на глазах таял. Вскоре на его месте осталось только угольно-черное пятно, разносимое усиливавшимся ветром.

Я на миг представил себе огромную пустынную страну, в которой остался только тоскливо посвистывающий ветер, гоняющий туда-сюда кучки легкого пепла. Представил... И проснулся. И долго лежал, уставившись в бездонную яму передо мной. На душе было тоскливо. Неужели смерть и в самом деле выглядит именно так – бесконечной цепочкой страшных снов? Может, попробовать не спать? Легко сказать, я ведь не могу отличить – сплю я или нет?

...В следующий раз я увидел горы. Заостренные причудливые пики рвались к низкому небу. Радужно переливался чистый снег. У подножия гор, на пологих холмах, рос густой сосновый лес. Здесь царила зима – холодная, с метелями и

буранами.

На опушке леса раскинулся поселок. Почему-то я был уверен, что он мне знаком. Четыре десятка добротных деревянных домов, замерзшее озеро и впадающая в него смоляно-черная лента реки. Склон холма, по которому бегали наперегонки дети и собаки. Жаль, что я не мог слышать их голосов. Я видел направляющихся по своим делам людей, один раз неторопливо прошла лошадь, деловито тянувшая за собой груженный возок. Вроде ничего особенного, но я хотел, чтобы этот сон никогда не кончался...

Потом пошел снег – все гуще и гуще. Начало смеркаться. Я ожидал, что в окнах загорятся огоньки – мне хотелось посмотреть на них – но избы по-прежнему оставались темными.

А потом они загорелись... Вспыхнули, как сухой тростник в жаркое лето. И теперь я услышал – треск ломающихся балок и рушащихся стен, радостный рев бушующего пламени, чей-то единственный пронзительный вскрик... Деревня на склоне холма горела. Молчаливые горы громоздились над поселком и, казалось, любовались игрой пляшущего огня. Я знал – это не просто пожар, а погребальный костер. Кто-то хоронил деревню – всю целиком. Мне показалось, будто я вижу стоящего у околицы человека, но, наверное, только показалось.

После этого сна я начал упрямо вспоминать свое имя. Даже мертвые имеют право как-то называть себя. Может, я

умер в этом поселке и поэтому он мне снится? Все сущее в мире должно иметь логическое объяснение...

Это говорил не я. Это сказал кто-то другой, а я запомнил. Хотя не очень понял, что значит слово «логическое». Мне растолковали – «разумное». Кто это говорил? Кто?

Сквозь наваливающуюся черноту проступила комната. Уютная комната с каменными стенами, закрытыми толстыми расшитыми коврами, и с медвежьей шкурой на полу. Это было *мое собственное* воспоминание. Только мое и больше ничье. Я когда-то побывал в этой комнате. Там еще горел очаг... Правильно, забраный фигурной железной решеткой очаг из белого резного камня. Называется «камин». Я вспомню. Я обязательно вспомню. У комнаты был хозяин. Нет, не я. Я приходил сюда в гости. Хозяина звали... Как? Я еще помню зверя. Небывалого зверя с телом огромной золотистой кошки, крыльями хищной птицы и головой орла. Зверь назывался «грифон». Грифон Энунд. Он умел разговаривать по-человечески...

Я даже дышать перестал. Я вспомнил имя из своего прошлого. Пускай это было прозвище странной твари, но все же я сам – сам! – сумел вспомнить его. Единственное имя – шаткий мостик над черной пропастью вокруг меня. Я не знал, где кончается этот мостик, и кончается ли он вообще, но я пошел по нему. Может, я пройду совсем немного и снова упаду в беспмятство, но я попробую вспомнить еще что-нибудь.

Они приходили, эти воспоминания. Неохотно, словно пробираясь сквозь туман или всплывая со дна глубокой заводи, но все же приходили. Лесная заснеженная дорога... Большой каменный город над широкой медленной рекой... Зеленое переливающееся облако над ночным лесом... Дождь, я еду на устало повесившей голову лошади, копыта мерно шлепают по грязи... Подземелье, бег по темным коридорам... Серебристый волк с блестящими светло-синими глазами, внимательно смотрящий на меня...

– Я хотел бы услышать твой рассказ, – ясно произнес у меня в голове спокойный доброжелательный голос, очень отчетливо выговаривающий слова. И я неожиданно легко вспомнил имя человека, которому он принадлежит. Хальк. Молодой летописец из Тарантии. Я рассказывал ему историю моей жизни. Мы сидели в той самой комнате с камином и медвежьей шкурой на полу... А белый волк был на деле вовсе не волком, а человеком.оборотнем. Существом с двумя душами – человека и лесного зверя. Его звали Веллан, но мы все чаще называли его Велл. Велл Бритуниец из Пограничья. Он очень любил посмеяться над всем, что попадалось ему на глаза, и ужасно обиделся, когда я сказал, что он боится подземного чудовища. И с нами все время был еще кто-то... Мораддин. Немедийский граф из тайной службы тамошнего короля. Лысоватый коротышка-полугном с внимательным взглядом, который редко говорил, но если уж считал должным что-то сказать, то мы все его слушали... Мы

сначала ездили в страну под названием Немедия, а потом в Аквилонию... А все началось с того, что гномы откопали под Граскаалем какую-то штуку, а она стала превращать людей в страховидл... Велл говорил, будто в Аквилонии наверняка измышляют средство, как справиться с подземной напастью. Ну да, Хальк и придумал такой способ. Увидел факел, гаснущий в луже, и придумал. Мы решили залить эту мерзость водой в брошенных мраморных копиях. Она раскаленная, значит, наверняка лопнет от холодной воды. Я должен был открыть шлюзы, а Велл в это время бегал по коридорам и отвлекал чудище. Интересно, удался ли наш план?.. А в Аквилонии король – варвар. Самый настоящий, похожий на грабителя с большой дороги. И все время распоряжается. А я от нечего делать бродил по дворцу и случайно на трон сел, но, кажется, на меня за это не обиделись...

– Так как же тебя зовут?

На этот раз я даже не задумался над ответом:

– Эйвинд, сын Джоха, из деревни Райта в Пограничном королевстве.

И только сейчас понял, что черноты вокруг меня больше нет. То есть, конечно, было довольно темно, однако я ясно различал грубо отшлифованные камни, которыми был выложен потолок. На радостях я попытался вскочить... и тут меня подстерегала неудача. Шевелиться я по-прежнему не мог. Правда, после некоторых усилий я сумел слегка повернуть голову и скосить глаза налево-направо. Все, что мне удалось

разглядеть – обычные камни вокруг и еще то, что сверху меня накрывает какая-то прозрачная крышка. Она была слегка зеленоватая и почему-то напомнила мне крышку гроба.

Но даже это не могло испортить моего сразу взлетевшего наверх настроения. Не знаю, где я оказался, не представляю, что со мной случилось, но я точно не умер! Разве по сравнению с этим имеют значение мелкие неурядицы навроде неподвижности?

* * *

Я был так уверен, что стоит мне вспомнить свое прошлое и открыть глаза, как все беды сами собой кончатся. Вышло же совсем наоборот – стало еще гаже. Я опять начал здорово сомневаться, живой я или мертвый. Ведь это ж ни в какие ворота не лезет: встать нельзя, есть-пить совершенно не хочется и, что самое смешное, до ветру тоже неохота. А такого просто быть не может!

Страшные сны никуда не исчезли. Только теперь они все время одни и те же. И даже не страшные, а какие-то тоскливые. Я видел какую-то глубокую расселину в горах, а в ее глубине – непонятную блестящую штуковину. Мне казалось, будто я стою на краю бездонного ущелья с лопатой в руках. Я должен обязательно откопать эту вещь. Но она такая огром-

ная, что даже на то, чтобы очистить от камней и грязи маленький кусочек, уйдет вся моя жизнь.

Кто-то резко толкает меня в спину и я начинаю спускаться по обрывистой тропинке вниз. Идет мокрый снег и я слышу, как заунывно свистит ветер. Я поднимаю голову, чтобы посмотреть на небо, но вижу только клубящийся непроглядный туман. Чем ниже уводит тропинка, тем уже становится полоска неба над моей головой. Вскоре она почти исчезает, сливаясь с нависающими над ущельем мрачными каменными глыбами. Мне хочется еще разок посмотреть вверх, пусть даже там все затянуто туманом, но меня снова толкают. Наверное, я видел небо в последний раз.

И тут я отчетливо понимаю, что меня ожидает унылая серая бесконечность, которую я потрачу на то, чтобы ковыряться в замерзшей земле. И я почему-то должен быть безгранично счастлив тем, что мне доверено извлечение на свет этой никому не нужной и опасной гадости! А я точно знаю, что эта вещь опасна. Для меня и для всех живущих на земле людей. Не знаю, чем и почему, но она хуже затяжных войн, морового поветрия и вообще всего, что грозит роду людскому...

Вот тут я и возмутился. Говорить вслух я не мог, но что-то внутри меня истошно заорало, наотрез отказалось махать лопатой и захотело немедля оказаться дома. После этого бунта на какое-то время меня оставили в покое. Я лежал, пялился в каменный потолок, еле заметно светившийся тусклым

голубоватым светом, иногда засыпал без снов, потом просыпался и все повторялось сначала.

А потом появились голоса. Они чуть слышно звучали в моей голове и я решил, что они мне мерещатся. Однако голоса возвращались снова и снова, и я махнул рукой (мысленно, конечно) – какая мне разница, мнятся чужие голоса или нет? Хоть послушаю, о чем они переговариваются, все веселее. А удивляться я, кажется, уже давно разучился.

Голоса ссорились. Я понял так, что свои споры они ведут очень давно и не потому, что хотят настоять на своем, а просто от скуки и по привычке. Так у нас в деревне старики могли целый день с утра до вечера ворчать, и неважно, что их никто не слушал. Для них главное всего были сами разговоры. Так же и здесь. Я лежал и слушал, пытаюсь уразуметь, о чем толкуют эти голоса без хозяев. То есть хозяева у них наверняка были, только я их не видел. Я вообще ничего не видел, кроме потолка над головой да какого-то непонятного тусклого блеска слева от меня. Сколько я не пытался разглядеть, что там поблескивает – ничего не получилось. Так что мне оставалось только прислушиваться к невидимым собеседникам. И выдумывать, какие они. Почему-то я был уверен, что очень старые. Даже не просто старые, а древние. Как Граскааль и его подземелья или даже еще старше.

Начинались все разговоры примерно с одного и того же.
– ...Не понимаю, – обычно первым пробуждался желчный, въедливый голосок, владельца которого я про себя на-

зывал «Брюзгой». – Зачем Хозяину понадобилось это животное? От него не может быть пользы, ибо оно, подобно всем своим сородичам, тупо, лениво и не приспособлено ни для какой работы, кроме...

– А тебе-то что с того? – перебивал разглагольствования Брюзги усталый низкий голос.

– Он завидует, – ехидно растолковывал всем желающим еще один невидимый обитатель подземелья, владелец дребезжащего тенорка. Мне сдавалось, что он смахивает на хитроумного Нейкеле-лиса, героя множества наших сказок. – Не может пережить, что Хозяин привел в нашу тихую конюшню новую лошадку. Не расстраивайся, на живодерню тебя не отправят. Будешь ходить по кругу до последнего...

– Теперь-то какая разница? – мрачно спрашивал Усталый. Брюзга на время затыкался, Лис мелко хихикал, а я задумывался, кого это они имели в виду, говоря о «тупом животном» и «лошадках»? Почему-то мне казалось, что «животным» именовали именно меня... Обидно. С какой это стати я – «животное»?

– Но ты же не станешь отрицать, что твари подобные ему, утопили наш мир в крови? – не унимался Брюзга. – Мне перечислить разоренные ими города? Рассказать, как они расправлялись с мирными жителями?

– Перестань, Кхатти, – этот голос мне почему-то нравился. Он явно принадлежал старому, но еще бодрому душой и телом человеку. Хотя я ни разу его не видел, он поче-

му-то казался мне похожим на наших стариков, проживших по шестьдесят-семьдесят зим и все еще способных с одним топором выйти на дрохо или медведя. – Что толку воскрешать старую вражду, особенно сейчас, когда все мы связаны одной бедой? Мальчик не может отвечать за дела своих предков. Кроме того, припомни, как твои соплеменники вели себя по отношению к покоренному им народу? Чего стоит хотя бы резня в Ретрике...

– Право мести еще никто не отменял, – еле слышно добавил Усталый. – Вы заслужили то, что с вами случилось...

– Ну да, конечно! – взвизгнул Кхатти-брюзга. – Ты же всегда защищаешь этих... этих, – он просто задохнулся от возмущения, не в силах подобрать нужное слово. Остальные молчали – видимо, привыкли к подобным припадкам ярости. – Эту ошибку богов!..

– Боги редко ошибаются, – спокойно ответил Старик. – А ты совершенно напрасно злишься. Ты же не хуже меня знаешь, кому это выгодно.

– Кхатти желает быть мулом с колокольчиками, – прокрипел Лис. – И бежать впереди каравана. Думает, Хозяин его похвалит за усердие.

Разозленный общими нападками Брюзга свирепо зашипел, а мне показалось, что где-то неподалеку злобно рассмеялись. Я попробовал вспомнить, не слышал ли когда-нибудь названия «Ретрик» или историю о произошедшей возле этого места битве, но на ум ничего не шло. Был бы на моем ме-

сте, например, Хальк, он бы быстро разобрался, что здесь к чему и кто здесь сидит. Интересно, кого обитатели пещеры называли «Хозяином»? И как они все сюда попали? Так же, как и я? Что они здесь делают?

– Если бы не ты и твои подстрекания, – Брюзга снова обрел дар речи и теперь решил накинуться на Старика, – мы бы смогли уладить дело миром!

Лис залился дребезжащим смехом, Усталый (я решил, что это был именно он) вздохнул, Старик ничего не ответил. Ободренный молчанием Кхатти продолжал:

– Да, и все бы завершилось иначе! Так, как оно и должно было быть – созданием великой империи, достойной наследницы дел великих предков!..

– Кхатти, ты просто помешанный, – равнодушно сказал Усталый. – Почему бы тебе не помолчать хоть немного, а? Прошлое больше не имеет никакого значения.

– Пускай треплется! – вмешался еще один голос, которому я присвоил прозвище «Тихоня». Он редко вступал в общие разговоры, предпочитая хранить молчание. Я пока не сумел толком представить себе его облика. – Алькой, если тебе неинтересно, можешь немного потрудиться во имя нашего общего блага. А то новичок отказывается тянуть лямку вместе со всеми.

«Новичком» в этой компании, похоже, был я. Только как здесь можно было «трудиться», я не представлял. Брюзга снова принялся за свое, но, похоже, никому не хотелось с

ним препираться и вскоре в пещере снова стало тихо. Я подумал, что Кхатти очень давно проиграл какое-то важное сражение и теперь непременно хочет доказать, что ему тогда просто не повезло. Остальные же столько раз слышали его речи, что им все равно. Алькою-усталому так вообще все смертно надоело... Сколько ж они здесь сидят, страшно представить! Что это за место такое? А сколько тут нахожусь я сам? Может, уже целый год прошел? Или, что куда хуже, целый век, как в сказке про волшебный холм и человека, случайно заснувшего на его склоне? И все, кого я знал, давным-давно умерли, а города разрушились и в развалинах поселились совы...

Под эти невеселые мысли я незаметно задремал, и даже снова появившееся перед глазами ущелье не выглядело привычно унылым. Теперь мне показалось, что я здесь не один, и где-то неподалеку копают землю другие люди. Просто я их не вижу из-за сгустившегося тумана. Зато слышу их переключку...

Тут я сообразил, что на самом деле это Брюзга опять ругается со Стариком, а Лис вовсю их подзуживает. Спорили они все о том же: Кхатти обвинял Старика в устройении какого-то «брожения умов» и обзывал «погибелью древнейшей нации». Старик невозмутимо возражал, что сородичи Кхатти сами повинны в обрушившихся на них бедах и нечего валить с больной головы на здоровую. Лис поддерживал то одного, то другого, Алькой и Тихоня помалкивали. Брюзга

разошелся вовсю – у меня в голове аж звенело от его пронзительного голоса.

– ...Разумеется, не требуется большого ума для того, чтобы разрушить созданное чужими руками! Не так уж и трудно подвести к мятежу толпу вечно недовольных и тупых варваров, особенно если найдется, на кого их натравить! Как ты нас обычно именовал? Отродьями тьмы, помнится? И это еще было любезностью с твоей стороны! Что ж, теперь можешь полюбоваться на достойный итог своих трудов – вон он валяется! Безмозглый, ни к чему не пригодный кусок мяса!..

– Сам такой, – не выдержал я. Почему-то я не сомневался, что Кхатти имеет в виду именно меня. Мне было жаль только одного: я не мог ему ответить. Я не понимал, как они вообще беседуют между собой, если находятся в таком же положении, как и я – то есть не могут пошевелиться. Конечно, я не произнес эти слова вслух, просто подумал. Но в моей голове неожиданно настала полная тишина. Похоже, меня услышали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.